

16+

ISSN 2311-1402

В

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА



Е

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

С

Т

2(58)/2022

Н

И

К





ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА



Журнал основан в 2008 г.

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015.

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2>

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартковский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77 – 80105 от 31.12.2020.

Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 79658 от 27.11.2020.

Подписной индекс АО «Почта России» ПП617

Периодичность издания: 4 раза в год / ежеквартально
Язык издания: русский, английский

Индексируется и размещается: CrossRef, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань», DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Академия, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Адрес редакции: Россия, 628616, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. тел./факс: (3466) 44-39-50, факс: (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.
Тел./факс: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Главный редактор: Горлов С. И. (г. Нижневартовск, Россия)

Зам. гл. редактора: Погоньшев Д. А. (г. Нижневартовск, Россия)

Отв. редактор: Цысь В. В. (г. Нижневартовск, Россия)

Редакционная коллегия:

Аикин В. А. (г. Омск, Россия)

Войтенко А. А. (г. Москва, Россия)

Гбоко С. К. (г. Буаке, Кот-д'Ивуар)

Горшков-Кантакузен В. А. (г. Мидлсекс, Великобритания)

Дайнеко Н. М. (г. Гомель, Беларусь)

Ибрагимова Л.А. (г. Нижневартовск, Россия)

Еманов А. Г. (г. Тюмень, Россия)

Казанский М. М. (г. Париж, Франция)

Кулагин А. Ю. (г. Уфа, Россия)

Лубышева Л. И., (г. Москва, Россия)

Маймерова Г. Ш. (г. Бишкек, Кыргызстан)

Медведев С. С. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нурбеков Б. Ж. (г. Нур-Султан, Казахстан)

Овечкина Е.С. (г. Нижневартовск, Россия)

Синявский Н. И. (г. Сургут, Россия)

Суртаева Н. Н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Талыбов Т. Г. (г. Нахчыван, Азербайджан)

Фатуллаев П. У. (г. Нахчыван, Азербайджан)

Солодкин Я. Г. (г. Нижневартовск, Россия)

16 +



Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Издатель: ФГБОУ ВО «Нижневартковский государственный университет», Россия, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
Исполнитель: Издательство НВГУ, Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

Подготовлено и отпечатано в изд-ве НВГУ
Изд. лиц. ЛР №020742. Подписано в печать 30.04.2022
Дата выхода 20.06.2022
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12,87.
Тираж 300 экз. Заказ 2233 Цена: бесплатно

Солдатова Е.Е. редактор
Овечкина Е.С. выпускающий редактор
Вилявин Д.В. тех. редактор, верстка оригинал-макета

© Нижневартковский государственный университет, 2022



BULLETIN

of NIZHNEVARTOVSK
STATE UNIVERSITY



Bulletin of Nizhnevartovsk State University was founded in 2008

*Included in the List of peer-reviewed scientific publications,
approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 01.12.2015*

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2>

The journal is published quarterly by the Publishing House of Nizhnevartovsk State University

Registration certificate PI number FS77-80105 on 31.12.2020.

Registration certificate EL number FS77-79658 on 31.12.2020.

Subscription index in the JSC "Russian post"- PP617.

Quarterly

Language of publication: Russian, English

Indexed: CrossRef, Russian Science Citation Index (RSCI), NES Cyber-Leninka (CyberLeninka), EBS IPRbooks, EBS Lan, DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Academy, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Editorial address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56. tel./fax: (3466) 44-39-50; (3466) 45-18-05 e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Publisher address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area-Yugra, Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4, of. 1001. tel.: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Editor-in-Chief: *Gorlov S. I.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Deputy Editor: *Pogonyshv D. A.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Executive editor: *Tsys V. V.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Editorial Board:

Aikin V. A. (Omsk, Russia)

Voitenko A. A. (Moscow, Russia)

Gboko S.K. (Bouake, Côte d'Ivoire)

Gorshkov-Kantakuzen V.A. (Middlesex, UK)

Daineko N. M. (Gomel, Belarus)

Ibragimova L. A. (Nizhnevartovsk, Russia)

Emanov A. G. (Tyumen, Russia)

Kazansky M. M. (Paris, France)

Kulagin A. Yu. (Ufa, Russia)

Lubysheva L. I. (Moscow, Russia)

Maymerova G. Sh. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Medvedev S. S. (St. Petersburg, Russia)

Nurbekov B. Zh. (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Ovechkina E.S. (Nizhnevartovsk, Russia)

Sinyavsky N. I. (Surgut, Russia)

Surtaeva N. N. (St. Petersburg, Russia)

Talibov T. G. (Nakhchivan, Azerbaijan)

Fatullayev P. U. (Nakhchivan, Azerbaijan)

Solodkin Ya. G. (Nizhnevartovsk, Russia)

16+



Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402 (Print)

ISSN 2686-8784 (Online)

*Prepared and printed in the publishing house of NVGU
Ed. persons. JIP No. 020742. Signed for printing on 30.04.2022
Release date 20.06.2022
Format 60 × 84 1/8. Times typeface. CONV. print sheets 12,87.
Circulation 300 copies. Order 2233. Free*

Soldatova E.E., editor

Ovechkina E.S., commissioning editor

Vilyavin D.V., technical editor design, publication layout

© Nizhnevartovsk State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Атапин Е.А.</i> Влияние партии независимости Соединенного Королевства на английскую национальную идентичность на современном этапе ... 4	
<i>Роланд Я.Ж., Мартынова Е.П.</i> Советский социализм VS африканский социализм: продвижение социалистических идей в африканских государствах в 1960-1970-е годы10	
<i>Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А., Спичак А.В.</i> Причины расторжения браков крестьян в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв.17	
<i>Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В.</i> Историко-культурологические и этнографические этюды Анатолия Федоровича Кони26	
<i>Панфилов В.В., Пузанов В.Д.</i> Организация и передислокация сибирских регулярных полков в 1808-1811 гг.33	
<i>Ершов М.Ф.</i> Об эволюции воззрений на характер аборигенов Тобольского Севера в XIX – начале XX вв.41	
<i>Задорожня О.А.</i> Участие предпринимательских компаний Тобольской губернии в винокуренном производстве (конец XIX - начало XX вв.)49	
<i>Шаяхметова И.З.</i> Общественная безопасность в деятельности органов городского самоуправления Южного Урала в 1870-1919 гг.56	
<i>Цимцба А.Л.</i> Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов61	
<i>Степанова О.Б.</i> Домашние духи частного владения у современных северных селькупов: визуализация этничности75	
<i>Сулимов В.С., Федотова Д.Ю.</i> Учащиеся тобольской мужской гимназии в период Первой русской революции (1905-1907 гг.) .84	
<i>Дементьев А.П., Дробченко В.А.</i> Сибирское крестьянство в годы Первой мировой войны и революции: штрихи к социально-политическому портрету94	
<i>Чудаков О.В.</i> Летняя избирательная кампания в городские думы в Сибири в 1917 г.107	
<i>Кириллук Д.В.</i> Военно-кружковая работа со школьниками Ханты-Мансийского округа в 1941-1945 гг.115	
<i>Книжников В.А.</i> Салехардский эксплуатационный участок в 1950-1960 гг.123	

CONTENT

<i>Atapin E.A.</i> The Influence of the United Kingdom Independence Party on English National Identity at the Present Stage4	
<i>Roland Y.J., Martynova E.P.</i> Soviet Socialism VS African Socialism: Promotion of Socialist Ideas in the African States in the 1960-1970s.....10	
<i>Vanyushina O.V., Krivosheeva Y.A., Spichak A.V.</i> Reasons for Dissolution of Marriages of Peasants in the Yaroslavl, Tver and Tobolsk Provinces in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries17	
<i>Kodintsev A.Y., Rybin D.V.</i> Historical, Cultural and Ethnographic Studies by Anatoly Fedorovich Koni26	
<i>Panfilov V.V., Puzanov V.D.</i> Organization and Redeployment Regular Regiments of Siberian in 1808-1811 Years33	
<i>Ershov M.F.</i> About the Evolution of Views on the Character of the Natives of the Tobol North in the 19th – Early 20th Centuries41	
<i>Zadorozhnyaya O.A.</i> Participation of Entrepreneurial Companies of the Tobolsk Province in the Distillery Production (late XIX - beginning of the XX centuries)49	
<i>Shayakhmetova I.Z.</i> Public Safety in the Activities of the Municipal Authorities of the S Southern Urals in 1870-191956	
<i>Tsimtsba A.L.</i> The Establishment of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus and its Activities in the Education of the Abkhazians61	
<i>Stepanova O.B.</i> House Spirits of Private Ownership Among Modern Northern Selkups: Visualization of Ethnicity75	
<i>Sulimov V.S., Fedotova D.Y.</i> Students of the Tobolsk Male Gymnasium During the First Russian Revolution (1905-1907)84	
<i>Dementev A.P., Drobchenko V.A.</i> Siberian Peasantry During the First World War and Revolution: Details of a Social and Political Portrait94	
<i>Chudakov O.V.</i> Summer Election Campaign for the City Duma in Siberia in 1917107	
<i>Kirilyuk D.V.</i> Military Club Work with School Students of Khanty-Mansiysk Okrug in 1941-1945 Years115	
<i>Knizhnikov V.A.</i> Salekhard Operational Site in 1950-1960.....123	

УДК 94(410)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/01>

Атапин Е.А.

ВЛИЯНИЕ ПАРТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА НА АНГЛИЙСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Атапин Е.А.

THE INFLUENCE OF THE UNITED KINGDOM INDEPENDENCE PARTY ON ENGLISH NATIONAL IDENTITY AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье анализируется, каким образом деятельность Партии Независимости Соединенного Королевства (ПНСК) влияла на развитие английской национальной идентичности на протяжении нескольких лет, предшествовавших британскому голосованию по вопросу членства Великобритании в Евросоюзе. Приводится краткая история создания и электоральных успехов партии. Основное внимание уделяется периоду, когда пост руководителя ПНСК занимал Найджел Фарадж. Выявляются факторы, обусловившие текущее положение английской национальной идентичности и ее взаимосвязь с британской идентичностью. Объясняется, как связь этих идентичностей нашла отражение в политике ПНСК. Исследуется отношение руководства партии к проблемам создания английского парламента и празднования Дня Святого Георгия в Англии. ПНСК всегда рассматривалась как прибежище угнетенных, недовольных и разочарованных. Именно такой образ был использован руководством партии для обеспечения ее поддержки в Англии. Акцентирование темы несправедливого отношения к англичанам со стороны государственной власти и Брюсселя, подчеркивание необходимости уважения специфической английской национальной идентичности принесло свои плоды. К 2014 г. наибольшая доля англичан стала воспринимать ПНСК как партию, лучше всего защищающую английские интересы. Усиление уже существующих в Англии евроскептических настроений обеспечило реализацию ключевой миссии ПНСК, выразившуюся в принятии решения о прекращении членства Великобритании в ЕС на референдуме 2016 г. Благодаря активному обращению к английскому вопросу ПНСК смогла приобрести весьма значительный вес на британской политической арене.

Ключевые слова. Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК), английская национальная идентичность, британская идентичность, Англия, Найджел Фарадж.

Сведения об авторе: Атапин Евгений Александрович, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия, atapinvrn@mail.ru

Abstract. The article analyzes how the activities of the United Kingdom Independence Party (UKIP) influenced the development of English national identity in the years leading up to the British vote on Britain's membership in the European Union. A brief history of the creation and electoral success of the party is given. The focus is on the period when Nigel Farage held the post of head of UKIP. The factors that determined the current state of English national identity and its relationship with British identity are investigated. The article explains how the connection between these identities was reflected in the policy of UKIP. The article examines the attitude of the party leadership to the problems of the establishment of English parliament and celebrating St. George's Day in England. UKIP has always been viewed as a haven for the oppressed, disaffected and disillusioned people. This image was used by the party leadership to secure its support in England. Emphasizing the theme of unfair treatment of England by the British government and Brussels and the need to respect specific English national identity bore fruit. By 2014, the largest share of English people began to perceive UKIP as the party that best defended English interests. The strengthening of the existing eurosceptic sentiments in England ensured the decision to end Britain's membership in the EU in the 2016 referendum thereby contributing to the implementation of the UKIP's key mission. Thanks to the active appeal to the English question, UKIP was able to acquire a very significant weight in the British political arena.

Keywords. The United Kingdom Independence Party (UKIP), English national identity, British identity, England, Nigel Farage.

About the author: Atapin Evgeniy Aleksandrovich, Voronezh State University, Voronezh, Russia, atapinvrn@mail.ru

Атапин Е.А. Влияние партии Независимости Соединенного Королевства на английскую национальную идентичность на современном этапе // Вестник Нижневартговского государственного университета. 2022. №2(58). С. 4-9. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/01>

Атапин, Е.А. (2022). The Influence of the United Kingdom Independence Party on English National Identity at the Present Stage. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 4-9. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/01>

ПНСК – британская правая популистская евроскептическая партия, которая была создана 3 сентября 1993 г. путем реорганизации Антифедералистской лиги, основанной в ноябре 1991 г. академиком Аланом Скедом с целью выдвижения кандидатов для всеобщих выборов 1992 г., выступавших против заключения Маастрихтского договора [9]. Главной целью партии, как следует из ее названия, был провозглашен выход Соединенного Королевства из ЕС. С момента образования ПНСК привлекала в основном бывших консерваторов, пожилых людей и представителей среднего класса, живущих в небольших городах, ратующих за выход Великобритании из ЕС и мечтающих вернуться в то время, когда Маргарет Тэтчер занимала жесткую позицию по отношению к Брюсселю [5]. ПНСК позиционировала себя как британская юнионистская партия, стремившаяся представлять все Соединенное Королевство.

В первые годы существования партии ее электоральные успехи были весьма скромными. И если на выборах в Европарламент ПНСК удавалось добиваться положительных результатов, то на британских выборах в национальный парламент она долгое время терпела неудачи. Дела партии пошли в гору, когда в 2006 г. ее руководителем стал Найджел Фарадж. Именно при нем партия добилась своего самого значительного достижения, набрав на выборах в британский парламент 2015 г. 12,6% и впервые войдя в него [14].

Главной характерной чертой ПНСК продолжал оставаться, безусловно, евроскептицизм. На партийной конференции в сентябре 2013 г. Н. Фарадж ясно обозначил приверженность ключевой цели ПНСК: «Британия не может принадлежать Европейскому союзу. Мы другие. Нас разделяет география, история и исторически сложившиеся институты. Мы думаем и ведем себя иначе». Он также подчеркнул убежденность партии в превосходстве Великобритании над континентальной Европой в сфере права и свободы слова: «В то время как в Англии идея свободы слова уже находила свое выражение, во главе европейских государств находились правители с тиранической властью» [15].

При Н. Фарадже ПНСК приобрела черты английской националистической партии. Если в течение многих лет партия придерживалась линии, согласно которой более широкое самоопределение Англии только ослабит Соединенное Королевство и сыграет на руку Брюсселю, то спустя несколько лет после прихода Н. Фараджа ее позиция изменилась. Именно с тех пор ПНСК стала довольно отчетливо апеллировать к чувству английской национальной гордости, подчеркивая наличие специфической национальной идентичности англичан. Внесение английского измерения в политику ПНСК явилось принципиальным шагом, повлиявшим как на итоги голосования о членстве Великобритании в Евросоюзе в 2016 г., так и на современное развитие английского национализма.

Английский вопрос, который довольно долго представлял интерес лишь для избранной группы конституционных экспертов, активистов и ученых, вошел в публичный дискурс в последние недели кампании референдума о независимости Шотландии. После того как лидеры основных политических партий Соединенного Королевства дали «клятву» передать новые широкие финансовые полномочия шотландскому парламенту в случае отказа от независимости по итогам референдума по ускоренному графику, разработанному Гордоном Брауном, началась серьезная политическая реакция. Депутаты Вестминстера выразили обеспокоенность по поводу того, что расширенные расходные возможности Шотландии будут оплачиваться английскими налогоплательщиками, а высокопоставленные политические деятели, базирующиеся в Лондоне, в ответ потребовали, чтобы крупнейшему городу Великобритании также были предоставлены дополнительные полномочия [11].

Большинство академических обозревателей сошлись во мнении, что с тем, как англичане идентифицируют себя в национальных терминах, в последнее время произошло нечто принципиально важное. Однако окончательный ответ на вопрос о том, свидетельствует ли это о возникновении массового английского национализма или же является проявлением укоренившейся привычки сетовать по поводу несправедливости своего политического статуса в Соединенном Королевстве, остается предметом спора. Истоки этого сдвига, вероятнее всего, следует искать в исторических факторах, таких как потеря империи, возникновение европейского вопроса, влияние глобализации и деволюционных изменений, введенных в Шотландии и Уэльсе первым правительством Тони Блэра.

В 1990-е гг. наблюдалась отчетливая тенденция изображать англичан как осажденное коренное племя, брошенное безразличным государством, политическими партиями и либеральными государственными властями. И в этом проявляется совпадение с дискурсом «оставленных позади», который всегда был неотъемлемой частью привлекательности ПНСК [11].

Необходимость отыскания решения английского вопроса в партийной плоскости явилась важным аспектом подъема ПНСК. Укрепление чувства английской национальной самобытности усилило поддержку ПНСК, поскольку именно те избиратели, которые идентифицировали себя как англичане, были твердо убеждены в невыгодности членства Англии в Евросоюзе и несправедливости ее политического положения в Соединенном Королевстве [7].

Английская национальная идентичность – весьма неустойчивый конструкт. Ее уникальность состоит в том, что она связана и переплетена с многонациональной британской идентичностью. Британская идентичность, сформировавшаяся в рамках династического и имперского проектов, к началу XXI в. стала базироваться уже не на имперских ценностях, а на идеях светского либерализма, многообразия и инклюзивности. Шотландский, валлийский и ирландский национализмы, будучи исторически связанными с британской идентичностью, начали противопоставлять себя ей [3]. В этом и может скрываться причина того, что британский национализм часто отождествляется с английским национализмом. Английская национальная идентичность остается единственной, стремящейся не отделиться от более крупной британской, а слиться с ней. И это является ее важной особенностью, унаследованной со времен Британской империи. Отсюда закономерно, что ПНСК, определяющая себя как партия британских националистов, стремилась заручиться широкой поддержкой англичан.

Поскольку национальная идентичность представляет собой скорее совокупность чувств, нежели набор идей, то в качестве еще одной характерной черты английской национальной идентичности, являющейся следствием имперского прошлого, следует выделить зарождающееся чувство права, которое проявляется не столько в надменном постколониальном высокомерии, сколько в противопоставлении Англии остальному миру. Англичане представляются частью маленького острова, которая имеет право заявлять о своих требованиях, заслуживает уважения и всегда готова противостоять непреодолимым препятствиям. Именно это чувство вошло в резонанс с мироощущением ПНСК, опорой для которого служит противодействие всему тому, что вызывает страх и неприязнь. Неконтролируемый приток иммигрантов, низкоквалифицированные рабочие, не владеющие английским языком, нехватка рабочих мест для коренных жителей, неэффективное политическое руководство, бюрократизм ЕС – список главных «врагов» ПНСК, который нашел живой отклик у англичан. Секрет привлекательности партии состоял в том, что она смогла сформулировать четкую позицию в соответствии с чувством, укоренившимся в национальной психике и давно ставшим неотъемлемой частью английской национальной идентичности [3].

ПНСК удалось сформулировать и задействовать чувство недовольства англичан. Партия превратилась в своеобразную платформу английского политического возмущения. Здесь центральное место занимают опасения по поводу иммиграции и мультикультурализма. Значительный рост иммигрантов, особенно после расширения ЕС в 2004 г., позволил ПНСК связать эти опасения с центральной идеей партии о выходе Великобритании из Евросоюза. ПНСК успешно использовала ностальгический культурный национализм, преломлявшийся проблемами

иммиграции и европейской интеграции. Следовательно, антииммигрантское и евроскептическое позиционирование партии и ее деятельность по мобилизации английской национальной идентичности можно рассматривать как две стороны одной и той же политики, основанной на популистских праворадикальных взглядах [8].

Профессор Кардиффского университета Ричард Вин Джонс следующим образом прокомментировал значительный рост популярности ПНСК при Н. Фарадже. «Понимать подъем ПНСК просто как проявление антиевропейских настроений или даже некоторого антиполитического разворота значит игнорировать очень значительную и гораздо более широкую трансформацию во взглядах, происходящую в настоящее время в Англии. Это трансформация, которая выдвигает на передний план Англию и англичан как политическое сообщество и политическую идентичность. Это преобразование, которое нынешний политический класс, похоже, едва ли заметил, не говоря уже об отсутствии последовательной реакции на него. ПНСК находится на волне экзистенциальной тревоги по поводу места Англии в мире» [4].

В 2011 г. на конференции перед своими сторонниками лидер ПНСК Н. Фарадж заявил, что англичане чувствуют себя обиженными, в то время как мысль о кресте Святого Георгия приводит политических лидеров в ужас. Он пообещал, что ПНСК восстановит самоуважение и гордость, в которых англичане так отчаянно нуждаются и которых заслуживают. Н. Фарадж также объявил, что его партия собирается проводить кампанию за создание английского парламента, так как, по его мнению, только такая тактика может гарантировать сохранение территориальной целостности Соединенного Королевства [13].

В том же году идею образования английского парламента активно поддержал заместитель руководителя ПНСК Пол Наттолл. Он предложил расширить ее, наделив англичан правом решать вопросы финансирования и самоуправления правительства, а также проводить отдельные выборы в английский парламента. При этом он выступил за сохранение введенных в ходе деволюции законодательных органов Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии в их текущем виде [16].

П. Наттолл продолжил развивать идею о необходимости создания английского парламента, став в 2016 г. руководителем ПНСК. В одном из интервью он изложил свое видение проблемы. «Я всегда полагал, что соглашение о передаче полномочий было очень несправедливым по отношению к англичанам с точки зрения финансов и демократии. Я убежден, что ПНСК должна заниматься вопросом создания английского парламента для английского народа. Я предлагаю сделать Соединенное Королевство федеративным государством, чтобы в Англии, Северной Ирландии, Уэльсе и Шотландии были свои собственные парламента, занимающиеся делегированными вопросами, при этом также была бы федеральная палата, решающая вопросы общегосударственного уровня. Я знаю, что это звучит радикально, но это дальновидная и передовая идея, реализуя которую, ПНСК проявит себя наилучшим образом. Если мы не пойдем по этому пути, то я опасаясь, что государство, обеспечивавшее нам мир и процветание на протяжении последних 300 лет, к середине XXI в. рискует потерять свою территориальную целостность» [1]. В таком взгляде ясно прослеживается понимание соотношения Англии и Британии, английской и британской идентичностей. Иными словами, благополучие Соединенного Королевства, являющееся приоритетом ПНСК, напрямую зависит от благополучия Англии. Английская национальная идентичность – ядро британской идентичности, которому необходимо найти выход для самовыражения, иначе существует угроза коллапса всего государства.

Не противореча британским интересам, английская идентичность противопоставляется шотландской, ирландской и валлийской идентичностям. При этом ПНСК видит англичан жертвами подобного противопоставления, исходящего от кельтских наций. Такую позицию выразил Н. Фарадж за неделю до референдума о независимости Шотландии в сентябре 2014 г. «Кампания за независимость Шотландии продиктована антианглийскими настроениями. Голосование будет проводиться по вопросу отделения от Англии. Премьер-министр Дэвид Кэмерон олицетворяет для шотландцев все то, что они внутренне ненавидят в Англии. Однако главная проблема шотландцев

заключается в том, что если они проголосуют за выход из Соединенного Королевства, то они не получат независимости. По сути, они сделают выбор в пользу власти Брюсселя» [2].

Еще одной попыткой подчеркнуть английскую идентичность со стороны ПНСК явилось предложение сделать День Святого Георгия широко отмечающимся национальным праздником в Англии. Так, в 2015 г. заместитель руководителя ПНСК П. Наттолл призвал англичан отметить этот день, приколов к своей одежде красную розу, являющуюся символом праздника. «Этот жест необходим как способ выражения протеста против политики местных властей, игнорирующей английскую идентичность. Меня печалит и злит, что этот день, посвященный Англии, проходит почти незаметно по сравнению с тем, как отмечаются аналогичные дни в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе. Я надеюсь, что как можно больше людей продемонстрируют свою поддержку Дня Святого Георгия, надев традиционную красную розу. Давайте встанем на защиту Англии и будем гордиться так же, как ирландцы, шотландцы и валлийцы» [6].

Результаты работы ПНСК с английской национальной идентичностью весьма наглядно отражены в данных опроса «Будущее Англии». Если в 2011 и 2012 гг. самым популярным ответом на вопрос «Какая партия лучше всего защищает интересы Англии?» был «Ни одна из вышеперечисленных партий», то в 2014 г. лидирующую позицию заняла ПНСК, переместив ответ «Ни одна из вышеперечисленных партий» на второе место. Во многом схожая картина была выявлена при ответе на вопрос «Какой политический лидер лучше всего отстаивает интересы Англии?» Наибольшее количество опрошенных (22%) выбрали Н. Фараджа, в то время как вторую позицию занял ответ «Ни один из вышеперечисленных лидеров» (21%). Также было выявлено, что среди сторонников ПНСК в Англии по сравнению с другими партиями наибольшая доля тех, кто идентифицирует себя в качестве англичан (60%) [10]. Все это свидетельствует о том, что за несколько лет ПНСК удалось заполнить то свободное пространство английского политического поля, которое могло быть отведено для партии английского национализма, оставшись при этом партией общебританского масштаба. Как видно, сработала и ставка ПНСК на широкий протест, о чем свидетельствуют наиболее часто выбираемые ответы на предложенные вопросы: «ПНСК» и «Ни одна из вышеперечисленных партий», «Найджел Фарадж» и «Ни один из вышеперечисленных лидеров».

Определенным итогом деятельности ПНСК стал результат референдума по вопросу продолжения членства Великобритании в Евросоюзе, который дал старт процедуре Брексита. Н. Фарадж назвал 23 июня 2016 г. днем независимости Великобритании [12]. Вскоре после этого Н. Фарадж покинул пост руководителя партии, посчитав свою основную миссию по выводу Соединенного Королевства из ЕС выполненной.

Таким образом, влияние ПНСК на английскую национальную идентичность было обусловлено, прежде всего, электоральными интересами самой партии, стремившейся попасть в британский парламент, и основной целью партии, заключавшейся в выводе Соединенного Королевства из Евросоюза. ПНСК сумела мобилизовать недовольных англичан, сыграв на усилении тех протестных настроений, которые уже существовали в Англии, но не были четко сформулированы. Партия взяла на себя роль выразителя английских проблем и претензий, успешно применяя популистские методы, прямо и без сглаживания острых углов формулируя требования и обиды. В целом ставка ПНСК на Англию себя оправдала. Актуализация вопроса английской национальной идентичности способствовало росту привлекательности партии среди англичан, выразившемуся в успехе на парламентских выборах 2015 г. Обращение к английскому национализму, базирующемуся на защите британского суверенитета против всего инородного, включая власть Брюсселя, повлияло на выбор английских избирателей в пользу отказа от продолжения членства в ЕС, который, учитывая тот факт, что в Англии проживает наибольшая доля подданных, имеющих право голоса, внес решающий вклад в общий итог референдума 2016 г.

Литература

1. Bayliss C. 'The UK will collapse': Ukip leader vows to fight for English Parliament to save Britain // Express. 2016. 30 November. <https://goo.su/mv72u>

2. Brooks L. Nigel Farage: Scottish independence campaign is driven by anti-Englishness // *The Guardian*. 11 September. 2014. <https://goo.su/WQpq>
3. Burton-Cartledge P. UKIP and English nationalism // *Left Futures*. 6 May. 2014. <https://goo.su/euDrHh>
4. Finch T. UKIP is becoming the patriotic party of England // *The Progressive Policy Think Tank*. 3 May. 2013. <https://goo.su/u3dp6pL>
5. Goodwin M. Explaining the Rise of the UK Independence Party // *Heinrich Böll Stiftung*. 2014. <https://goo.su/gWNPd5>
6. Hall M. Ukip's Paul Nuttall calls for Britons to mark St George's Day by wearing a red rose // *Express*. 23 April. 2015. <https://goo.su/gpeFg>
7. Hayton R. The rise (and rise) of UKIP // *Political Studies Association*. 12 June. 2013. <https://goo.su/Rk4t>
8. Hayton R. The UK Independence Party and the politics of Englishness // *Political Studies Review*. 2016. Vol. 14. №3. P. 400-410. <https://doi.org/10.1177/1478929916649612>
9. Hunt A. UKIP: The story of the UK Independence Party's rise // *BBC news*. 2014. Vol. 21.
10. Jeffery C., Jones R. W., Henderson A., Scully R., Lodge G. Taking England Seriously: The New English Politics // *The Future of England Survey*. 2014. Vol. 20. №1. P. 4.
11. Kenny M. The rise of a political Englishness? // *Political Insight*. 2015. Vol. 6. №2. P. 28-31. <https://doi.org/10.1111/2041-9066.12099>
12. Ray M. United Kingdom Independence Party // *Encyclopedia Britannica*. Encyclopedia Britannica, Inc., December. 2019. Vol. 13.
13. Seth-Smith N. UKIP and the Rise of English Nationalism // *Open Democracy*. 2013. Vol. 17.
14. Osborn M., Clarke S., Franklin W., Straumann R. UK 2015 general election results in full // *The Guardian*. 2015.
15. Farage N. Nigel Farage's speech at the UKIP conference // *The Spectator*. 2013. Vol. 20.
16. Trench A. 2011. UKIP digs itself into another hole over an English Parliament // *Devolution Matters*. 11 September. URL: <https://devolutionmatters.wordpress.com/2011/09/11/ukip-dig-themselves-into-another-hole/>.

References

1. Bayliss, C. (2016). The UK will collapse: Ukip leader vows to fight for English Parliament to save Britain. *Express*, 30 November. <https://goo.su/mv72u>
2. Brooks, L. (2014). Nigel Farage: Scottish independence campaign is driven by anti-Englishness. *The Guardian*, 11 September. <https://goo.su/WQpq>
3. Burton-Cartledge, P. (2014). UKIP and English nationalism. *Left Futures*. 6 May. <https://goo.su/euDrHh>
4. Finch, T. (2013). UKIP is becoming the patriotic party of England. *The Progressive Policy Think Tank*. 3 May. <https://goo.su/u3dp6pL>
5. Goodwin, M. (2014). Explaining the Rise of the UK Independence Party. *Heinrich Böll Stiftung*, <https://goo.su/gWNPd5>
6. Hall, M. (2015). Ukip's Paul Nuttall calls for Britons to mark St George's Day by wearing a red rose. *Express*, 23 April. <https://goo.su/gpeFg>
7. Hayton, R. (2013). The rise (and rise) of UKIP. *Political Studies Association*, 12 June. <https://goo.su/Rk4t>
8. Hayton, R. (2016). The UK Independence Party and the politics of Englishness. *Political Studies Review*, 14(3), 400-410. <https://doi.org/10.1177/1478929916649612>
9. Hunt, A. (2014). UKIP: The story of the UK Independence Party's rise. *BBC news*, 21.
10. Jeffery, C., Jones, R. W., Henderson, A., Scully, R., & Lodge, G. (2014). Taking England Seriously: The New English Politics. *The Future of England Survey*, 20(1), 4.
11. Kenny, M. (2015). The rise of a political Englishness?. *Political Insight*, 6(2), 28-31. <https://doi.org/10.1111/2041-9066.12099>
12. Ray, M. (2019). United Kingdom Independence Party. *Encyclopedia Britannica*. *Encyclopedia Britannica, Inc.*, December, 13.
13. Seth-Smith, N. (2013). UKIP and the Rise of English Nationalism. *Open Democracy*, 17.
14. Osborn, M., Clarke, S., Franklin, W., & Straumann, R. (2015). UK 2015 general election results in full. *The Guardian*.
15. Farage, N. (2013). Nigel Farage's speech at the UKIP conference. *The Spectator*, 20.
16. Trench, A. (2011). UKIP digs itself into another hole over an English Parliament. In *Devolution Matters*, <https://goo.su/A4XLX3s>

дата поступления: 18.02.2022

дата принятия: 14.04.2022

© Атапин Е.А., 2022

UDC 93

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/02>*Roland Y.J., Martynova E.P.***SOVIET SOCIALISM VS AFRICAN SOCIALISM:
PROMOTION OF SOCIALIST IDEAS IN THE AFRICAN STATES
IN THE 1960-1970S***Роланд Я.Ж., Мартынова Е.П.***СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ VS АФРИКАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ:
ПРОДВИЖЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ
В 1960-1970-е ГОДЫ**

Abstract. The article examines the issues concerning the perception and promotion of socialist ideas on the African continent in the 1960s and 1970s. The purpose of this article is to show how socialism was perceived and interpreted in African countries that chose the "socialist way" of development, namely Egypt, Tunisia, Morocco, Algeria, Mali, Guinea, Senegal, Ghana, Tanzania, Angola, Mozambique, Sudan and Ethiopia. The author set the task to show the reasons for the failures in the promotion of Soviet socialism in Africa. Attention was focused on the analysis of difficulties and obstacles in the promotion of socialism in the economic, political and cultural spheres. The work is based on the information of a survey conducted by the author among representatives of the African intelligentsia from different countries, many of whose representatives studied in the Soviet Union. The research showed that, despite the fact that the USSR spent an active policy in Africa, developing economic, military, political, educational cooperation, it was unable to implement its plans for socialist construction on the continent. This can be explained by the fact that after independence, Africans developed their own views on the socialist system. Perceiving socialism at the level of ideology, African leaders could not accept the socialist economic system. It was impossible to fully accept the Soviet model, since it did not correspond to the realities of African life in many ways. The fact that many African leaders studied in the West also played a role. The materials contained in the article can be used in educational and training activities, as well as for a better understanding of why Soviet socialism could not gain a foothold in Africa.

Keywords: USSR, Africa, Soviet socialism, African socialism, perception of socialism, promotion of socialism.

About the author: Roland Yapi Joelle, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, jojoetestou@yahoo.fr; Martynova Elena Petrovna, ORCID: 0000-0003-1132-2286, Dr. habil., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы, касающиеся восприятия и продвижения социалистических идей на Африканском континенте в 1960-1970-х годах. Цель работы – показать, как социализм воспринимался и трактовался в африканских странах, которые выбрали «социалистический путь» развития, а именно Египет, Тунис, Марокко, Алжир, Мали, Гвинея, Сенегал, Гана, Танзания, Ангола, Мозамбик, Судан и Эфиопия. Автор поставила задачу показать причины неудач в продвижении советского социализма в Африке. Внимание было сфокусировано на анализе сложностей и препятствий в продвижении социализма в экономической, политической и культурной сферах. Работа основывается на данных опроса, проведенного автором среди представителей африканской интеллигенции из разных стран, многие представители которой получали образование в Советском Союзе. Исследование показало, что, несмотря на то, что СССР проводил в Африке активную политику, развивая экономическое, военное, политическое, образовательное сотрудничество, он не смог реализовать на континенте свои планы по социалистическому строительству. Это можно объяснить тем, что после обретения независимости африканцы развивали свои собственные взгляды на социалистическую систему. Воспринимая социализм на уровне идеологии, африканские лидеры не смогли принять социалистическую экономическую систему. Принять советскую модель полностью было невозможно, поскольку она во многом не соответствовала реалиям африканской жизни. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что многие африканские лидеры получили образование на Западе. Материалы, содержащиеся в статье, могут быть использованы в учебно-просветительской деятельности, а также для лучшего понимания того, почему советский социализм не смог закрепиться в Африке.

Ключевые слова: СССР, Африка, советский социализм, африканский социализм, восприятие социализма, продвижение социализма.

Сведения об авторе: Роланд Япи Жоэлле, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия, jojoetestou@yahoo.fr; Мартынова Елена Петровна, ORCID: 0000-0003-1132-2286, д-р ист. наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru

Roland Y.J., Martynova E.P. Soviet Socialism VS African Socialism: Promotion of Socialist Ideas in the African States in the 1960-1970s. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 10-16. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/02>

Roland, Y.J. & Martynova, E.P. (2022). Soviet Socialism VS African Socialism: Promotion of Socialist Ideas in the African States in the 1960-1970s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 10-16. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/02>

Introduction. The problems of perception of Soviet socialism in African countries and attempts to build a socialist system on the continent were the subject of research in several foreign works, namely A. Klinghoffer, M. Ottaway, and Z. Laidi [1-3]. Z. Laidi analyzed the situation in states with a “socialist orientation” (Congo, Tanzania, and Angola). In his opinion, these countries, although they intended to adopt socialism, failed for various reasons. Thus, the president of Tanzania wanted to create a unique society that would copy the Chinese model. In the Congo and Angola, revolutionary movements and civil wars prevented the implementation of the Soviet model [3, p. 683-686]. Russian researchers have written little about the assessments of Soviet socialism on the Black Continent.

The purpose of this article is to show how socialism was perceived and interpreted in countries that chose the “socialist path”. These are Egypt, Tunisia, Morocco and Algeria in North Africa; Mali, Guinea, Senegal, Ghana, Tanzania, Angola, Mozambique, Sudan and Sub-Saharan Ethiopia. The tasks that we have set ourselves are to show the difficulties in the economic, political and cultural spheres in promoting socialist ideas in African states.

In the period from September 2018 to November 2021, we conducted a survey of representatives of the African intelligentsia from different countries: French speakers (Ivory Coast, Mali, Senegal, Guinea Conakry, Democratic Republic of the Congo, Benin, Cameroon, Gabon, and Congo Brazzaville), English speakers (Ghana, Nigeria, Tanzania, Zambia), Portuguese speakers (Angola, Mozambique, Guinea-Bissau) and Arabic speakers (Morocco, Egypt, Sudan, Mauritania and Algeria). A total of 50 people were interviewed: 30 men and 20 women aged 50 to 75 years. The list of respondents included former students who studied in the USSR in the 1950s-1990s. They were living witnesses of Soviet socialism, since they had been in the USSR for quite a long time (five to six years). The survey was conducted via e-mail, video conferencing (Skype) was used for clarification. A serious, but surmountable problem for us was the search for such students. Thanks to the Internet and social networks, we were able to find a significant number of people to interview who responded to a request to share their memories of their student years. We asked the respondents to answer the following questions: 1. What can you tell us about Soviet socialism? 2. Why do you think it was not possible to build socialism according to the Soviet model in African countries?

Discussion and results. Until the mid-1950s, the Soviet Union had little interest in Africa, since the Soviet leaders did not see prospects for a socialist revolution on the continent, because it was almost completely controlled by the European imperialist powers, in addition, the proletarian consciousness of the small working class was low, and the peasantry was under the political control of the tribal leaders. Vigorous activity in African countries was launched by the Soviet Union in the late 1950s. The USSR reoriented its foreign policy, consistently striving to expand its participation, influence and opportunities on the African continent [4, p. 415-464]. It is important to note that in addition to economic, military and educational assistance, the Soviet Union intended to spread its socialist ideology to the African continent. Many African leaders, as well as ordinary people from different countries, highly appreciated the military-technical, economic, political and educational assistance from the USSR, and the ambitions to build socialism in Africa according to the Soviet model turned out to be unfulfilled. Some researchers believe that the social, economic and political conditions of Africa exclude the application of the Soviet economic model, and that attempts to reproduce this model there were just a long series of costly mistakes [5, p. 150].

It should be noted that any study concerning African society cannot be carried out without taking into account its colonial past. The fact is that during the years of colonialism, processes of acculturation took place among Africans, i.e. they perceived the living standards, culture and ideas of the colonizing

countries. Our informant from Guinea pointed this out: “We Africans were forced to forget our history, to abandon our customs to the detriment of the culture of the colonizers. Today it is very difficult for us to find our personality, our guidelines”. F. Bobin emphasized that from the point of view of Europeans, they came to the continent, on the territory of which there was no writing, culture and history. Consequently, the colonialists performed an important civilizing mission, including the spread of Christianity, and the African population had to accept it with gratitude in order to get out of the state of “savagery” and «primitiveness» [6, p. 159-160].

After liberation from the colonial yoke in the 1960s and 1970s Africans became acquainted with the two main theories that dominated the international arena - capitalism and socialism. The choice of ideological orientation by African countries largely depended on their intellectual leaders, who received higher education either in the West (in Europe or the USA) or in the USSR. Africans understood the importance of education for decolonization processes. The Special Conference on the Development of Education in Africa was held in Addis Ababa in May 1961. Its Final Report noted that “Africans saw education as a means by which their aspirations could be satisfied” [7, p. 261]. In the words of our respondent from Benin: “At that time, it was extremely important for African leaders to prove themselves on the international stage through the availability and quality of their qualified personnel and intellectuals. They believed that educated Africans could become the basis for the socio-economic development of their countries”.

Understanding this, the USSR launched a mass admission of African students to its universities in the second half of the 1950s. This was not only assistance in the training of qualified personnel for the newly-free countries, but also an important way of ideological education of African students in the spirit of communism-socialism. We must not forget that many African countries gained independence thanks to the financial and military support of the USSR. Thus, it can be said that Africans were ready to «marry» socialism, since many African leaders sent their students to study in the USSR.

Let us pay attention to the fact that the socialist system attracted the attention of Africans both in the colonial period and in the course of gaining independence. This can be seen from the results of the study of J. P. Ndiaye. He gave interesting data about surveys among African students studying in France in 1961. It turned out that 25% of students highly appreciated the USSR, 20% – China, 12.4% – Israel, 12% – Cuba and 8% – France, while the United States was far behind, gaining only 3.3% of approval responses [8]. As you can see, the socialist system aroused the disposition of a significant part of the Africans. The reasons underlying the admiration of the USSR were the rapid Soviet progress in all areas (35%), communist ideology (22.3%) and scientific achievements (18.5%), primarily in space exploration. At the same time, 37.8% of students believed that “full-fledged socialism” was the best economic system for the development of Africa [8, p. 228-229]. In the words of our respondent from Mozambique: “We knew that different countries have different attitudes towards socialism, so it was important for us to know about different types of socialist system. We were more inclined towards Soviet socialism because of what we knew about the USSR, since it provided us with various assistance and cooperated with our countries”.

However, in African countries, not all intellectuals expressed enthusiasm for Soviet socialism. Among those who were educated during the colonial period in the West, such ideological currents as negritude and pan-Africanism arose and spread, the main ideas of which were reduced to ideas about the values of the black race and the struggle for the rights of Africans. Therefore, after gaining independence, some African leaders preferred to adhere to original doctrines, which, in their opinion, were more in line with African realities. One of our Senegalese respondents commented on this: “The fact that we were martyred during the colonial period and the fact that we found out that the history of Africa was falsified and that we had our own cultures that we learned about while studying at universities, we found it necessary to adhere to our own ideals”.

K.A. Diop, who carried out a comparative study of the social and political systems of Africa and Europe, expressed the opinion that Africa before the colonial period was a socialist society long before the arrival of Western and Arab imperialists [9]. In his opinion, in the 1960s socialism was not supposed to be a foreign term for Africans. In those years, not without the influence of the concept of Negritude, the idea

of African socialism was born. It was diffused by African leaders such as former presidents Leopold Sedar Senghor in Senegal, Modibo Keita in Mali, Ahmed Sekou Toure in Guinea, Julius Nyerere in Tanzania, Kenneth Kaunda in Zambia and Kwame Nkrumah in Ghana, and pro-independence leader Amilcar Cabral in Guinea-Bissau. In July 1959, shortly before Senegal's independence, Léopold Sedar Senghor presented a report on African socialism to the founding congress of the African Federation Party. In his opinion, the latter adopted some elements of Marxism. Senghor considered the theory of K. Marx to be outdated and unsuitable for the African continent, since it arose in the context of European society in the 19th century. In addition, the Senegalese leader rejected atheism, as well as the concept of class struggle, believing that the latter contradicts the African tradition of unanimity and reconciliation [10, p. 18-19]. Inspired by the work of Pierre Teilhard de Chardin [11], Senghor developed the theory of “existential socialism”, in which he combined the Marxist concept with the spirituality inherent in Africans, as well as with the cultural values of the black world. He believed that by developing the productive forces, Africans could be provided with an affluent society. J. Droz rightly noted that Senghor combined socialism with the concept of negritude, the victory of which for him was the victory of socialism [12, p. 321-346].

In Kenya, the Kenya African National Union (KANU), President Jomo Kenyatta's party, took a democratic socialist line. However, the essence of «socialism» became the subject of fierce internal discussions in KANU as early as the 1960s. Tom Mboya published in 1965 a document that became the party's charter. The Kenyan version of socialism allowed for a mixed economy, assumed a democracy adapted to African traditions. The issue of Kenyan socialism has become a subject of debate. Many doubted even Kenya's choice of a socialist path of development [13, p. 131].

It is known that in Dakar in 1962 and in Tunisia in 1975 Socialist congresses were held, at which ideas about social equality expressed by the great thinker of the 18th century Jean Jacques Rousseau, were discussed [14, p. 83]. In this regard, here is the statement of one of our Senegalese respondents: “African socialists tried to combine European socialist teachings (including utopian socialism of the 19th century, populism, Marxism) with the peculiarities of historical development and local cultural and religious traditions of Africa, and sometimes with Islamic or Christian socialism. African socialism is a form of economic management that involves the rational use of resources in the “traditional” African way, in contrast to classical socialism”.

Such an African perception of socialist ideas provoked criticism from Soviet observers. I.I. Potehin, who was a leading Soviet specialist on Africa, believed that there could be no such thing as “African socialism”, since there is only scientific, true or Marxist-Leninist socialism, which has the same characteristics, regardless of where it is built [15, p. 84]. In his opinion, only the concept of “African path to socialism” is acceptable. As A. Klinghoffer noted, from the point of view of Soviet scientists and politicians, the “African socialism” proclaimed by many African leaders was in fact not socialism [1, p. 197-198].

It must be remembered that in colonial Africa, socialist ideas were spread among the intelligentsia by Europeans; so many leaders were inspired by the European model of socialism. However, the revolutionary movements that arose during this period were intertwined with national movements. For example, in Morocco, nationalist students in the early 1930s supported the French socialist lawyer, grandson of Karl Marx, Rene Jean Longuet [14, p. 83]. Therefore, among young Africans there was a serious choice between socialism and the national liberation movement. In Tunisia, there were two currents among the socialists. One was guided by the rather radical ideas of communist syndicalism (CGTU), the other, softer, assumed the active work of public organizations, cooperatives, and cooperation with the administration [14, p. 83]. The communists, although they competed with the nationalists, united with them to control the labor exchanges [14, p. 83].

A certain attention to the perception of socialist ideas was rendered by the religiosity of Africans. Our North African respondent remarked: “The idea of a clash of civilizations associated with the Great Religions did not come up today. We, for the most part, had different views on fully accepting Soviet socialism, because, on the one hand, we had pan-Arabism, and on the other, pan-Islamism. These are the

currents to which we belonged”. It can be assumed that an important factor hindering the adoption of the Soviet socialist model in Africa was ethno-religious diversity. A respondent from Ghana pointed out: “Today in Africa, in the era of the 21st century, it is difficult for Africans to achieve unity both in their countries and in Africa as a whole. This is tempered by ethnic and religious differences that can divide even brothers”.

Perceiving socialism at the level of ideology, African leaders failed to accept the socialist economic system. African states after gaining independence experienced a lack of financial and material resources for economic development, despite the availability of natural resources. Many African countries maintained contact with the colonial countries and a capitalist economic system was established in them.

In the early 1960s, the majority of the African population had no idea about the development of the Soviet Union and life in it. Therefore, it was necessary to acquaint Africans with the country, to form a positive image of the socialist system. At first, the USSR began to strengthen its positions in the countries with the most active anti-colonial struggle: Ghana, Guinea and Mali. It was in them that the first Soviet embassies in West Africa were opened. Soviet propaganda paid much attention to such art as cinema. In the memoirs of the diplomat A.B. Karelin says that in 1960 he and two projectionists were sent by the USSR Ministry of Foreign Affairs to Guinea in order to help develop the cinematic infrastructure there. Prior to this, the inhabitants of Guinea did not know Soviet films, which had not previously been shown due to censorship [16, p.75]. We can say that on the part of the Soviet Union it was a desire to spread through films its “cultural diplomacy” to new territories and in this way “introduce” socialism into the “hearts and minds” of the African population. In the early 1960s The USSR pursued a cultural policy, including the active display of Soviet films, in Guinea, Ethiopia, Ghana, the Republic of Mali and Morocco. It was assumed that this would contribute to the perception of the Soviet political and economic model [17, p. 459].

Our respondents from Guinea-Conakry and Mali expressed their opinion about Soviet cinema: “Cinematography and the tastes of the townspeople in the capitals of Africa had already taken shape by that time. American, French, Egyptian and Indian films were successful among African audiences. Film companies that were famous in colonial times retained their popularity. Distributed Soviet films were not successful”. Many of our sub-Saharan African respondents noted that Soviet films were not attractive to viewers. This was because they were not translated into African languages, so it was impossible to understand them, since the population of Africa was mostly illiterate, duplication in European languages didn't save the situation.

The Soviet Union encountered in Africa two types of elites that emerged after liberation from colonialism: radical and moderate. The former believed that it was necessary to finally break off relations with the colonial countries and turn to the USSR, which not only was not a colonizing country, but cooperated and provided assistance in various regions of Africa, while not expressing a desire to plunder natural resources and interfere in the governance of African states. The moderates had a different idea. They believed that Africans are free enough and can enter into any relationship with any country (even with colonizing countries). They continued to cooperate with the former metropolitan countries, signing agreements with the USA, France, Belgium and others.

The political atmosphere created by the African elites determined the possibilities for the introduction of socialist ideology in African countries. If the leader was radical, the country established relations with the USSR and focused on socialism. An example is the country of Ghana and its leader K. Nkrumah. The theory of Nkrumahism he developed consisted of three main components: the concept of the African personality, pan-Africanism and socialism. If the first two elements were a sacred constant and symbolized African identity, then socialism was used opportunistically, it became «African» or «scientific» depending on the situation [18, p. 621]. It should be noted that the pro-Soviet African governments did not have time for programs because they were attacked by armed groups backed by the colonizing country. So, on February 24, 1966, during a trip to China, Nkrumah was overthrown as a result of a military coup, which may have been provoked by the United States.

The African variants of socialism differed from the Soviet one in that there was no one-party system on the black continent. In the Soviet Union from the beginning of the 1920s to 1990, the party (under various names – RCP (b), VKP (b), CPSU) operated under a one-party system and had a monopoly on political power, which contributed to the establishment of autocratic regime in the country. This status was fixed constitutionally: in Article 126 of the Constitution of 1936, the Communist Party was proclaimed the “leading core” of state and public organizations of workers, and in the Constitution of the USSR adopted in 1977, the CPSU was, according to Article 6, proclaimed the leading and guiding force of Soviet society in general [19, p. 67]. In Africa, most of the revolutionary movements supported by socialist African leaders who had mostly studied in the West, especially in France, preached a multi-party system. This is the case, for example, in Ivory coast, where leader Laurent Gbagbo, who is close to the French Socialist Party, was a supporter and founder of a multi-party system.

Conclusions. Our study showed that, despite the fact that the USSR pursued an active policy in Africa, developing economic, military, political, and educational cooperation, it was unable to implement its plans for socialist construction on the continent. This can be explained by the fact that, after independence, Africans developed their own ideologies. And although they positively perceived socialism in the Soviet Union, they considered it impossible to fully accept the Soviet model, since it largely did not correspond to the realities of African life. In attempts by the USSR to spread socialism on the African continent, mistakes and miscalculations were made. Getting an education in the USSR did not always end with the re-education of young people in a socialist spirit. Soviet leaders ignored the colonial past of the states, underestimating the degree of cultural and ideological influence of the metropolitan countries on the African elite and urban residents. The Soviet cultural presence was not enough, as illustrated by the failures of Soviet cinema on the continent.

References

1. Klinghoffer, A.J. (1968). The Soviet view of African socialism. *African Affairs*, 67(268), 197-208. <http://www.jstor.org/stable/719903>
2. Ottaway, M. (1978). Soviet Marxism and African Socialism. *The Journal of Modern African Studies*, 16(3), 477-485. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00002536>
3. Laidi, Z. (1983). L'URSS et l'Afrique: vers une extension du système socialiste mondial?. *Politique étrangère*, 679-699. <https://www.jstor.org/stable/42674333>
4. Béguin, J., & Martres, J.L. (1982). *L'Union soviétique dans les relations internationales* (Vol. 2). Collection Politique Comparée.
5. Birgerson, S.M., Kozhemiakin, A.V., Kanet, R.E., & Tchimichkian, M. (1996). La politique russe en Afrique: désengagement ou coopération?. *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, 145-168. <https://www.jstor.org/stable/45350757>
6. Bobin, F. (2000). Histoire africaine et acculturation. *Hypothèses*, 3(1), 159-167. <https://doi.org/10.3917/hyp.991.0159>
7. Katsakioris, C. (2017). Creating a socialist intelligentsia. Soviet Educational aid and its impact on Africa (1960-1991). *Cahiers d'études africaines*, (226), 259-288. <https://doi.org/10.4000/etudesafricaines.20664>
8. N'Diaye, J. P. (1962). *Enquête sur les étudiants noirs en France*. Éditions " Réalités africaines".
9. Diop, C. A. (1960). *L'Afrique noire pre-coloniale: etude comparee des systemes politiques et sociaux de l'Europe et de l'Afrique noire, de l'antiquite a la formation des etats modernes*. Presence africaine.
10. Debré, J.L., & Diouf, A. (2006). Léopold Sédar Senghor: la pensée et l'action politique. Actes du colloque organisé par la section française de l'Assemblée parlementaire de la Francophonie, Paris.
11. La place de l'homme dans la nature: le groupe zoologique humain (1964). Union générale d'éditions,
12. Bourdet, Y. (1978). Histoire générale du socialisme Publiée sous la direction de Jacques Droz Tome IV: de 1945 à nos jours Paris, PUF, 1978. *Autogestions*, 41(1), 273-274.
13. Bourmaud, D. (1988). Histoire politique du Kenya: État et pouvoir local (Vol. 7). Karthala Editions.
14. Gallissot, R. (2009). Socialisme colonial, socialisme national des pays dominés Le socialisme contraint par le nationalisme. *L'Homme la Societe*, (4), 75-96. <https://doi.org/10.3917/lhs.174.0075>
15. Potehin, I.I. (1960). Afrika smotrit v budushhee. Moscow. (in Russ.).
16. Tarelin A.B. (1996). Zapiski diplomata-zatejnika. Moscow. (In Russ..)
17. Chomentowski, G. (2021). Implanter le socialisme par le cinéma? La diffusion des films soviétiques en Afrique au début des années 1960. (in Russ.).

18. Mazov, S.V. (2020). USSR and the 1966 Coup d'État in Ghana: Based on Materials from Russian Archives. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(3), 619-633. (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-619-633>

19. Mukhametov, R.S. (2017). Party system of Russia: "Rises" and "Falls" of liberalizing party regulations. *Sotsium i vlast'*, (4 (66)), 67-72. (in Russ.).

Список литературы

1. Klinghoffer A.J. The Soviet view of African socialism // *African Affairs*. 1968. Vol. 67. №268. P. 197-208. <http://www.jstor.org/stable/719903>

2. Ottaway M. Soviet Marxism and African Socialism // *The Journal of Modern African Studies*. 1978. Vol. 16. №3. P. 477-485. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00002536>

3. Laidi Z. L'URSS et l'Afrique: vers une extension du système socialiste mondial? // *Politique étrangère*. 1983. P. 679-699. <https://www.jstor.org/stable/42674333>

4. Béguin J., Martres J.L. L'Union soviétique dans les relations internationales. Collection Politique Comparée, 1982. Vol. 2.

5. Birgeron S.M., Kozhemiakin A.V., Kanet R.E., Tchimichkian M. La politique russe en Afrique: désengagement ou coopération? // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 1996. P. 145-168. <https://www.jstor.org/stable/45350757>

6. Bobin F. Histoire africaine et acculturation // *Hypothèses*. 2000. Vol. 3. №1. P. 159-167. <https://doi.org/10.3917/hyp.991.0159>

7. Katsakioris C. Creating a socialist intelligentsia. Soviet Educational aid and its impact on Africa (1960-1991) // *Cahiers d'études africaines*. 2017. №226. P. 259-288. <https://doi.org/10.4000/etudesafricaines.20664>

8. N'Diaye J.P. Enquête sur les étudiants noirs en France. Éditions "Réalités africaines", 1962.

9. Diop C. A.L'Afrique noire pré-coloniale: étude comparée des systèmes politiques et sociaux de l'Europe et de l'Afrique noire, de l'antiquité à la formation des états modernes. *Présence africaine*, 1960.

10. Debré J.L., Diouf A. Léopold Sédar Senghor: la pensée et l'action politique. Actes du colloque organisé par la section française de l'Assemblée parlementaire de la Francophonie, Paris, 2006.

11. La place de l'homme dans la nature: le groupe zoologique humain. Union générale d'éditions, 1964.

12. Bourdet Y. Histoire générale du socialisme Publiée sous la direction de Jacques Droz Tome IV: de 1945 à nos jours Paris, PUF, 1978 // *Autogestions*. 1978. Vol. 41. №1. P. 273-274.

13. Bourmaud D. Histoire politique du Kenya: État et pouvoir local. Karthala Editions, 1988. Vol. 7.

14. Gallissot R. Socialisme colonial, socialisme national des pays dominés Le socialisme contraint par le nationalisme // *L'Homme la Société*. 2009. №4. P. 75-96. <https://doi.org/10.3917/lhs.174.0075>

15. Потехин И.И. Африка смотрит в будущее. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 86 с.

16. Тарелин А.Б. Записки дипломата-затейника. М., 1996.

17. Chomentowski G. Implanter le socialisme par le cinéma? La diffusion des films soviétiques en Afrique au début des années 1960. 2021.

18. Мазов С.В. СССР и государственный переворот 1966 г. в Гане: по материалам российских архивов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. №3. С. 619-633. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-619-633>

19. Мухаметов Р.С. Партийная система России: «Приливы» и «Отливы» либерализации партийного законодательства // *Социум и власть*. 2017. №4 (66). С. 67-72.

дата поступления: 02.02.2022

дата принятия: 22.03.2022

© Roland Y.J., Martynova E.P.2022

ПРИЧИНЫ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКОВ КРЕСТЬЯН В ЯРОСЛАВСКОЙ, ТВЕРСКОЙ И ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Vanyushina O.V., Krivosheeva Y.A., Spichak A.V.

REASONS FOR DISSOLUTION OF MARRIAGES OF PEASANTS IN THE YAROSLAVL, TVER AND TOBOLSK PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация. Целью исследования явилось изучение мотивов обращения крестьян в духовные консистории для получения разрешений на развод в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. Были поставлены задачи выяснить количество сохранившихся дел, инициированных прошениями о прекращении брака крестьянами отдельно по каждому полу и причине разлада в семье. Источниковой базой послужили ранее неизвестные архивные документы ГКУ Ярославской области «Государственный архив Ярославской области», ГКУ Тверской области «Государственный архив Тверской области» и ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Применялись общенаучные и исторические методы, в частности историко-сравнительный и историко-типологический, а также методы гендерной истории. В результате анализа архивных материалов были выделены основные причины желания крестьян расторгнуть брак: прелюбодеяние; ссылка; безвестное отсутствие супруга; неспособность к супружеской жизни; отсутствие желания жить с мужем/женой; побои; умственное расстройство; религиозные разногласия. Подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что прелюбодеяние в изучаемый период было самым частым поводом для составления прошений о разводе. Однако большинство дел заканчивалось наставлением продолжать совместную жизнь в мире и согласии, или отказом из-за несоблюдения требований к подаче прошений (неуплаты гербового сбора, составления документов на простой, вместо гербовой бумаги, не предоставления доказательств). Настоящая статья является первым этапом изучения истории супружеских отношений в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях, выявления схожих и отличительных черт в мотивах, видах брачных конфликтов, а также определения их последствий, методов решения и предупреждения.

Ключевые слова: Ярославская, Тверская, Тобольская губернии; духовные консистории, расторжение брака, развод, гендер, причины, прошения.

Сведения об авторах: Ванюшина Олеся Викторовна, ORCID: 0000-0003-4754-725X, канд. ист. наук, Научно-исследовательский институт информационных

Abstract. The aim of the study was to study the motives of peasants applying to the spiritual consistories to obtain divorce permits in the Yaroslavl, Tver and Tobolsk provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries. Tasks were set to find out the number of surviving cases initiated by petitions for the termination of marriage by peasants separately for each sex and the reason for discord in the family. The source base was previously unknown archival documents of the State Institution of the Yaroslavl Region "The State Archive of the Yaroslavl Region", the State Institution of the Tver Region "The State Archive of the Tver Region" and the State Budgetary Institution of the Tyumen Region "The State Archive in Tobolsk". General scientific and historical methods were used, in particular historical-comparative and historical-typological, as well as methods of gender history. As a result of the analysis of archival materials, the main reasons for the desire of the peasants to dissolve the marriage were identified: adultery; link; unknown absence of a spouse; incapacity for married life; lack of desire to live with a husband / wife; beatings; mental disorder; religious differences. The hypothesis was confirmed that adultery in the studied period was the most frequent reason for drawing up petitions for divorce. However, most of the cases ended with an instruction to continue living together in peace and harmony, or refusal due to non-compliance with the requirements for filing petitions (non-payment of stamp duty, drawing up documents on plain paper instead of stamp paper, failure to provide evidence). This article is the first stage in studying the history of marital relations in the Yaroslavl, Tver and Tobolsk provinces, identifying similarities and differences in motives, types of marital conflicts, as well as determining their consequences, methods of solution and prevention.

Keywords: Yaroslavl, Tver, Tobolsk provinces, spiritual consistories, dissolution of marriage, divorce, gender, reasons, petitions.

About the authors: Vanyushina Olesya Viktorovna, ORCID: 0000-0003-4754-725X, Ph.D.,

технологий Федеральной службы исполнения наказаний, г. Тверь, России, vanyushina_olesy@mail.ru; Кривошеева Юлия Александровна, ORCID: 0000-0002-2116-1984, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru; Спичак Александра Владимировна, ORCID: 0000-0003-2223-8039, канд. ист. наук, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

Scientific Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver, Russia, vanyushina_olesy@mail.ru; Krivosheeva Yulia Aleksandrovna, ORCID: 0000-0002-2116-1984, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru; Spichak Alexandra Vladimirovna, ORCID: 0000-0003-2223-8039, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, spichak-89@mail.ru

Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А., Спичак А.В. Причины расторжения браков крестьян в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 17-25. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/03>

Vanyushina, O.V., Krivosheeva, Y.A. & Spichak, A.V. (2022). Reasons for Dissolution of Marriages of Peasants in the Yaroslavl, Tver and Tobolsk Provinces in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 17-25. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/03>

Введение. Одним из первых отечественных ученых, кто обратился к проблеме семейных отношений на основе анализа сведений по различным губерниям Российской империи, в том числе Ярославской, Тверской и Тобольской, был А.Г. Смирнов, который в 1877 г. опубликовал работу о брачных традициях разных народов, обычаях и обрядах сватовства и свадьбы. Как утверждает историк, масса крестьян во второй половине XIX в. даже не знала о возможности формального развода [1, с. 95–99], что объясняет небольшое количество сохранившихся в государственных архивах дел по прошениям о расторжении браков. Через 20 лет А.Н. Энгельгардт в своем труде, посвященном повседневной хозяйственной жизни крестьян, вкратце упомянул также и о некоторых особенностях их отношений, в частности о последствиях мужских измен [2, с. 267]. Юридическую сторону бракоразводного процесса в 1896 г. описал Е.И. Якушкин, высказав интересное мнение, которое не было нами встречено в работах других историков о том, что «по господствующему у крестьян взгляду брак существенно отличался от того союза, который признается браком в быту других сословий и по смыслу брака официального», а именно «брак не считался таким нерасторжимым союзом, каким он признавался другими сословиями. Разводов у крестьян почти никогда не было, но нередки были «расходы» т. е. разлучение супругов по воле одного из них, или по обоюдному согласию». Получается, что браки у крестьян были не настолько крепкие, как принято считать. Правовед не соглашается с мнением С.В. Пахмана о том, что «расходы» не имели никакого юридического значения относительно брачного состояния, аргументируя это тем, что у супругов прекращались как личные, так и имущественные отношения [3]. В 1903 г. была опубликована работа В.В. Розанова, посвященная семейному вопросу и расторжению брака, в частности. Век спустя А. Никологорский в рецензии на данную работу выделил такие последствия невозможности развода, как открытая проституция, уход жен от мужей к любовникам и т. п. [4, с. 27–30]. Подобные явления зафиксированы нами и в документах государственных архивов.

В 1880–1910-х гг. появился ряд изданий, предназначавшихся для практического использования архиепископами и членами духовных консисторий. Так, Т.В. Барсов прокомментировал действующие нормативные акты о расторжении брака [5], С.П. Григоровский привел причины, основания, условия и последствия разводов [6], В.Я. Максимов объединил в сборник законы о раздельном проживании супругов [7], В.В. Быховский представил образцы прошений отдельно по каждому основанию прекращения брака [8]. Появление такого рода сборников свидетельствует об увеличении в указанный период количества обращений за разводом (что подтверждается архивными материалами), и, как следствие, о возрастающей потребности в унификации бракоразводных процессов и обучении этому делу служащих духовных консисторий.

После выхода декретов «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» в декабре 1917 г., и, наконец «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 2 февраля 1918 г. ученых по идеологическим причинам не интересовала тема церковных брака и развода.

В современной историографии исследователи достаточно часто обращаются к теме повседневной жизни крестьян, в том числе к истории их семейных отношений. Однако, изучение проблемы расторжения браков до революции 1917 г. пока еще носит эпизодический характер. Например, О.Ю. Яненко обозначила этапы бракоразводного процесса на рубеже XIX–XX вв. на основании «Устава духовных консисторий» [9]. Вопросу о разводах и «расходах» во второй половине XIX – начале XX в. на основании региональных архивных документов посвящены работы З.З. Мухиной (Центральные губернии России) [10], К.С. Прохоровой и Е.А. Макаровой [11] А.А. Тучковой [12] (Новгородская губерния), В.В. Белослудцевой (Пермская губерния) [13], М.Н. Трефиловой (Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская губернии) [14], Т.В. Фроловой (Ярославская губерния) [15]. Таким образом, в настоящее время делается уклон на региональные исследования, однако материалы Тверской и Тобольской губернии по истории семейных отношений еще ждут своего исследователя, а документы Ярославской губернии изучены недостаточно и преимущественно в рамках темы истории городской семьи.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования явились супружеские отношения в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв., предметом исследования стал анализ причин подачи крестьянами обоих полов прошений о расторжении браков в Ярославскую, Тверскую и Тобольскую духовные консистории в рассматриваемый период.

Цель исследования – изучение мотивов обращения крестьян в духовные консистории для получения разрешения на прекращение брачного союза в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки статьи охватывают часть синодального периода истории Русской Православной церкви, а именно вторую половину XIX – начало XX вв. В результате «Великих реформ» Александра II у крестьян появилось больше прав и свободы управления своей жизнью, что нашло отражение на сохранившихся в отложившихся государственных архивах делах по прошениям крестьян о расторжении брака, основная их масса приходится на изучаемый период.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные и исторические методы. В исследовании применялись подходы и принципы социальной истории, и такие методы, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический. Применение историко-сравнительного метода было необходимо при проведении сравнительного анализа проступков в сфере супружеских отношений, а также причин подачи просительных документов о разводе по инициативе мужчин и женщин. Историко-типологический метод позволил упорядочить факты и данные исторических источников по свойственным им признакам. Характер и специфика объекта изучения обусловили применение совокупности методов гендерной истории, именно они предполагают острую критичность – не только фиксацию факта, но и его объяснение с точки зрения гендерных асимметрий. Значимой особенностью исследования является его межрегиональность – существенным представляется сравнение мотивов подачи прошений о расторжении браков на примере отдельных губерний Российской Империи (Ярославской и Тверской губерниях в Европейской, Центральной России, Верхне-Волжском регионе и Тобольской губернии на периферии). Особенно важно, что для сопоставительного анализа используются фонды идентичных учреждений – духовных консисторий, а также аналогичные дела. Такое параллельное исследование одной проблемы на разных удаленных друг от друга территориях России позволит наиболее тщательно и полно проработать поставленные вопросы.

Государственные архивы субъектов Российской Федерации, в том числе ГКУ Ярославской области «Государственный архив Ярославской области», ГКУ Тверской области «Государственный

архив Тверской области» и ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» хранят значительный пласт ценной, неизученной ранее документации о супружеских конфликтах, отражающей общие закономерности и тенденции политики в брачно-семейной сфере того времени, включая систему наказаний и примирений супругов. В синодальный период истории Русской Православной церкви (1700–1917 гг.) решением брачных вопросов в губерниях занимались духовные консистории, именно в эти государственные учреждения обращались крестьяне с просьбами о разводе. В рамках исследования были исследованы фонды трех духовных консисторий и проанализировано следующее количество дел по прошениям о расторжении брака:

1. Ф. 230 «Ярославская духовная консистория» – 85 дел;
2. Ф. 160 «Тверская духовная консистория» – 82 дела;
3. Ф. И-156 «Тобольская духовная консистория» – 26 дел.

Показанное количество дел не является конечной суммой, в архивах находится на хранении множество дел, которые еще предстоит изучить. Однако полученные на сегодняшний день данные уже позволяют сделать некоторые выводы относительно мотивов, подталкивающих крестьян к такому достаточно редкому явлению во второй половине XIX – начале XX вв., как развод.

Результаты и их обсуждение. В дореволюционный период разводы на селе как средство решения внутрисемейных конфликтов не приветствовались, а законодательство предусматривало множество ограничений на расторжение брака, прежде всего – в отношении права на него женщин. Консервативность церкви, сложность и длительность бракоразводного процесса приводили к тому, что официальные разводы были весьма редким явлением.

Причины, по которым можно было получить разрешение на расторжение брака, зафиксированы в ст. 45, кн. 1, т. X «Свода законов Российской Империи»: «1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга, или неспособности его к брачному сожитию; 2) в случае, когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на житье в Сибирь с лишением всех особенных прав и преимуществ; 3) в случае безвестного отсутствия другого супруга» [16]. Несмотря на то, что в законе перечислялись официально допустимые основания для прекращения браков, в рассматриваемый период у крестьян на это было гораздо больше поводов, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней архивные документы.

Отмечено, что измена была самым распространенным мотивом для расторжения брака, в 1905-1912 гг. 97,4% разводов санкционировались из-за вины прелюбодеяния [4, с. 28; 11, с. 119; 13, с. 104], причем именно из-за измены жены [15, с. 16] (женщины по традиции редко признавали измену серьезным поводом, в отличие от мужчин). Перед началом исследования нами была выдвинута гипотеза о том, что и в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях, возможно, данный мотив станет основным.

Результаты количественного анализа причин обращения крестьян с целью получения разрешения на прекращение брака в делах Ярославской, Тверской и Тобольской духовных консисторий во второй половине XIX – начале XX вв. отражены в таблице. По данным таблицы можно судить, кто чаще подавал прошение по каждому поводу, мужчины или женщины, а также что преимущественно мотивировало представителей каждого пола для составления просьб.

Таким образом, дела о расторжении брака из-за женского прелюбодеяния были самыми многочисленными, что соответствует сведениям и по другим епархиям. Интересно, что именно по данному поводу сложнее всего было добиться развода, практически невозможно. Факт измены должен был быть подтвержден несколькими свидетелями. Женщины реже обращались в консисторию с этой проблемой и, в отличие от мужчин не писали прошение после единой измены, а ждали исправления супруга годами и зачастую только когда к их горю присоединялась угроза жизни, они подавали на развод. Побои были не редкостью среди крестьян, однако в крайне редких случаях дело доходило до просьбы о прекращении брака.

Таблица

Распределение дел по причинам разводов в Ярославской, Тверской и Тобольской духовных консисториях во второй половине XIX – начале XX вв., отдельно для мужчин и женщин

Губернии	Ярославская		Тверская		Тобольская	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Причины						
Прелюбодеяние	34 [17]	3 [18]	19 [19]	8 [20]	10 [21]	2 [22]
Ссылка (как супруга, так и просителя)	4 [23]	12 [24]	6 [25]	15 [26]	9 [27]	2 [28]
Безвестное отсутствие супруга	9 [29]	9 [30]	4 [31]	13 [32]	-	1 [33]
Неспособность к супружеской жизни	3 [34]	9 [35]	-	7 [36]	-	1 [37]
Отсутствие желания жить с супругом/супругой; «уклонение от сожительства» или нежелание жить с просителем	-	-	5 [38]	1 [39]	-	-
Побои, жестокое обращение	-	-	-	2 [40]	-	2 [41]
Умственное расстройство	1 [42]	-	1 [43]	-	-	-
Религиозные разногласия	-	1 [44]	1 [45]	-	-	-
Итого:	51	34	36	46	19	8

Легче и быстрее всего можно было развестись из-за ссылки вследствие совершенного преступления. Не имело значения кто именно из супругов был виновным, обратиться в духовную консисторию мог как ссыльный (в случае отказа его супруга/супруги следовать за ним), так и его муж или жена.

Безвестное отсутствие супруга было причиной, издавна существовавшей в российском законодательстве. Законом определялся срок в пять лет, после чего оставленный супруг мог требовать развод в консистории. Консистория обязана была удостовериться в показаниях просителя путем рассылки повесток родителям и родственникам пропавшего, наведения справок в административном порядке и опубликования сведений о возбужденном иске в «Церковных Ведомостях». По истечении года со времени выхода объявления консистория приступала к рассмотрению дела, и, если не возникало сомнений в безвестном отсутствии, выносила положительное решение. Рассмотрение дела по безвестному отсутствию супруга могло быть осложнено необходимостью поиска пропавшего человека, на что уходило достаточно времени, так как нужно было доказать, что он действительно исчез. Могли потребоваться также средства на публикацию объявлений о пропаже, которые должен был оплатить истец.

Для расторжения брака из-за неспособности супруга к брачной жизни необходимо было доказать, что такая проблема появилась до венчания. При этом иск мог быть подан не ранее трех лет после заключения брака. Под неспособностью понималась лишь физическая неспособность. Никакие иные дефекты, болезни не могли быть причиной развода. Другим очевидным недостатком российского бракоразводного законодательства было отсутствие права требовать прекращения брака при наличии у супруга заразной или опасной болезни.

Умственное расстройство могло быть приравнено к неспособности к брачной жизни. Религиозные разногласия не значились веским поводом. Отсутствие желания жить с супругом также должно было закончиться увещанием. Даже если духовная консистория была бы готова выдать разрешение на развод, то существовали препятствия, для большинства просителей неразрешимые, связанные с их финансовым положением.

Следует отметить, что данная статистика показывает только наиболее часто встречающиеся в делах духовных консисторий мотивы подачи прошений о расторжении браков. Большинство таких дел заканчивались наставлением продолжать совместную жизнь в мире и согласии, или отказом из-за несоблюдения требований к подаче прошений (неуплата гербового сбора, составление документа на простой, вместо гербовой бумаги, непредставление доказательств). Зачастую об исходе дела невозможно судить по сохранившимся документам. Информация о реальном количестве разводов по каждому из законодательно разрешенным оснований фиксировалась в одной из таблиц-

приложений к ежегодным отчетам епархиальных архиереев с 1856 по 1916 гг., которые в настоящее время хранятся в фонде канцелярии Святейшего Правительствующего Синода в Российском государственном историческом архиве (Ф. 796. Оп. 442). Анализ этих данных авторы статьи планируют провести в ближайшее время.

Выводы. В результате анализа архивных источников были выделены основные мотивы составления просительных документов о прекращении брачного союза: прелюбодеяние; ссылка; безвестное отсутствие супруга; неспособность к супружеской жизни; отсутствие желания жить с супругом/супругой; побои; умственное расстройство; религиозные разногласия. Разводы по поводу длительного раздельного жительства супругов зафиксированы не были, хотя подобная причина и встречалась в прошениях представителей иных сословий. В начале изучения данной темы нами была выдвинута гипотеза о том, что в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях, прелюбодеяние стало наиболее часто встречаемым мотивом для подачи прошения о расторжении брака. Привлеченные материалы подтверждают данный вывод. Мужчины чаще женщин обращались в духовную консисторию с обозначенной проблемой. Заявленные истцами обвинения далеко не всегда подтверждались в ходе следствия, ответчицы же, в свою очередь, могли встречно обвинять мужей в побоях, пьянстве и изменах. В XIX – начале XX в. прекращение брака оставалось почти невозможным. В крестьянской среде расторжение брака можно считать еще более редким явлением, так как развод был делом весьма хлопотным, требовавшим определенного уровня грамотности, да и крестьянство было достаточно консервативным в отношении этого вопроса. Немалые затруднения в осуществлении бракоразводного процесса доставляла и бюрократия. В обществе велись дискуссии о необходимости либерализации бракоразводного процесса, хоты бы об увеличении поводов к нему. Главнейшим требованием современников было признания жестокого обращения и покушения на жизнь законодательно установленными мотивами к расторжению брака. Преступления внутри семьи, самоубийства, отравления, увечья – факты российской действительности, порожденные консервативным семейным законодательством и фактическим бесправием женщин. Сложности бракоразводных процессов вызвали к жизни практику «неофициальных разводов».

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2022), номер гранта МК-1840.2022.2.

Литература

1. Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1877 (обл. 1878). 259 с.
2. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем: 1872–1887 / [Соч.] А.Н. Энгельгардта. 3-е изд. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1897. VIII, 693 с.
3. Якушкин Е.И. Обычное право русских инородцев: Материалы для библиогр. обычного права. М.: Унив. тип., 1899, 366 с.
4. Никологорский А. Терпеть нельзя разводиться // Родина. 2011. №1. С. 27–30.
5. Барсов Т.В. О последствиях расторжения брака в случае прелюбодеяния. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, ценз. 1882, 44 с.
6. Григоровский С.П. Причины и последствия развода и бракоразводный процесс на суде духовном. СПб.: паровая скоропеч. Я.И. Либермана, 1898. 92 с.
7. Максимов В.Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразвод. дел / Сост. В. Максимов. М.: Юрист, 1909. 428, LI с.
8. Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. М.: В.М. Саблин, 1912. 277, V с.
9. Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. №1. С. 192–194.
10. Мухина З.З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2013. №1. С. 49–63.

11. Прохорова К.С., Макарова Е.А. Проблемы практической реализации института расторжения брака в Новгородской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *BENEFICIUM*. 2019. №4 (33). С. 101–106. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4\(33\).101-106](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4(33).101-106)

12. Тучкова А.А. «Расход» в семьях новгородских крестьян второй половины XIX начала XX века // *Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей*. 2014. №8. С. 31-42.

13. Белослудцева В.В. «Как же я могу жениться на тебе, когда я женат?»: о расторжении брака в пермской губернии в конце XIX-начале XX века // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2020. №4 (51). С. 117-126.

14. Трефилова М.Н. Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: Автореф. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 28 с.

15. Фролова Т.В. Городская семья в XIX в. (на материалах городов Ярославской губернии): Автореф. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 23 с.

16. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. Кн. 1. «О правах и обязанностях семейственных» // *Законодательство России*. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire#>

17. ГКУ ЯО ГАЯО (Государственное казенное учреждение Ярославской области «Государственный архив Ярославской области»). Ф. 230. Оп. 4. Д. 1429; Д. 1438; Д. 1440; Оп. 6. Д. 288; Д. 379; Д. 444; Д. 566; Д. 685; Оп. 9. Д. 22; Д. 26 и др.

18. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 319; Д. 524; Д. 763.

19. ГАТО (Государственное казенное учреждение Тверской области «Государственный архив Тверской области») Ф.160. Оп. 1. Д. 32084; Д. 31998; Д. 31989; Д. 32366; Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895-1896 гг.).

20. ГАТО. Ф.160. Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

21. ГУТО ГА в г. Тобольске. (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. И-156. Оп. 3. Д. 568; Оп. 11. Д. 728; Д. 775; Д. 807; Д. 1311; Д. 1472; Д. 807; Д. 1813; Оп. 18. Д. 5; Д. 199.

22. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 321.

22. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 705, 706, 804, 806.

23. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1388; Оп. 6. Д. 387; Д. 403; Д. 441; Д. 516; Д. 683; Д. 759; Д. 774; Д. 803; Д. 829 и др.

24. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32366; Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

25. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7371; Д. 7376; Д. 7629; Д. 32483 и др.

26. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 768; Д. 903; Д. 1126; Д. 1148; Д. 1231; Д. 1275; Д. 1319; Д. 1434; Оп. 18. Д. 103.

27. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1117; Оп. 18. Д. 337.

28. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 308; Д. 321; Д. 322; Д. 334; Д. 375; Д. 424; Д. 472; Д. 541; Д. 802.

29. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 775; Оп. 6. Д. 301; Д. 320; Д. 337; Д. 377; Д. 473; Д. 684; Д. 766; Д. 801.

30. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

31. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32114; Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

32. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 1100.

33. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 757; Д. 764; Д. 805.

34. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 287; Д. 289; Д. 417; Д. 475; Д. 507; Д. 540; Д. 719; Д. 739; Д. 808.

35. ГАТО. Ф.160. Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

36. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 157.

37. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32365; Д. 32367; Оп. 1. Том 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

38. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Том 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

39. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7852; Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

41. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1664; Оп. 18. Д. 77.

42. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 413.

43. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Т. 2 (Дела о расторжении браков за 1895–1896 гг.).

44. ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2022.

45. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7636.

References

1. Smirnov, A.G. (1877). *Ocherki semeinykh otnoshenii po obychnomu pravu russkogo naroda*. Moscow. (in Russ.).

2. Engel'gardt, A.N. (1897). *Iz derevni: 12 pisem: 1872–1887*. St. Petersburg. (in Russ.).

3. Yakushkin, E.I. (1899). *Obychnoe pravo russkikh inorodtsev: Materialy dlya bibliogr. obychnogo prava*. Moscow. (in Russ.).

4. Nikologorskii, A. (2011). Terpet' nel'zya razvodit'sya. *Rodina*, (1), 27–30. (in Russ.).
5. Barsov, T.V. (1882). O posledstviyakh rastorzheniya braka v sluchae prelyubodeyaniya. St. Petersburg. (in Russ.).
6. Grigorovskii, S.P. (1898). Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnyi protsess na sude dukhovnom. St. Petersburg. (in Russ.).
7. Maksimov, V.Ya. (1909). Zakony o razvode pravoslavnogo i nepravoslavnogo ispovedanii i o razdel'nom zhitel'stve suprugov, s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i tsirkulyarnymi i separatnymi ukazami Svyateishego sinoda: Rukovodstvo k vedeniyu brakorazvod. del. Moscow. (in Russ.).
8. Bykhovskii, V.V. (1912). Brak, razdel'noe zhitel'stvo suprugov i razvod. Moscow. (in Russ.).
9. Yanenko, O.Yu. (2013). Rastorzhenie braka v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*, 13(1), 192–194. (in Russ.).
10. Mukhina, Z.Z. (2013). Razvody v russkoi krest'yanskoi sem'e v poreformennoi Rossii: gendernyi aspect. *Vestnik Rossiiskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, (1), 49–63. (in Russ.).
11. Prokhorova, K.S., & Makarova, E.A. (2019). Divorce in Novgorod Province in the late 19th and early 20th Centuries. *Beneficium*, (4 (33)), 101–106. (in Russ.). [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4\(33\)101-106](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4(33)101-106)
12. Tuchkova, A.A. (2014). "Raskhod" v sem'yakh novgorodskikh krest'yan vtoroi poloviny XIX nachala KhKh veka. *Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei*, (8), 31–42. (in Russ.).
13. Belosludtseva, V. V. (2020). "Kak zhe ya mogu zhenit'sya na tebe, kogda ya zhenat?": o rastorzhenii braka v permskoi gubernii v kontse XIX-nachale XX veka. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, (4 (51)), 117–126. (in Russ.).
14. Trefilova, M.N. (2013). Transformatsiya brachno-semeinykh otnoshenii zhitelei gorodov Verkhnei Volgi v kontse 1890-kh – 1927 gg.: Avtoref. ... kand. ist. nauk. Ivanovo. (in Russ.).
15. Frolova, T.V. (2008). Gorodskaya sem'ya v XIX v. (na materialakh gorodov Yaroslavskoi gubernii): Avtoref. ... kand. ist. nauk. Ivanovo. (in Russ.).
16. Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. Izdanie v 16-ti tomakh. Vol. 10. Ch. 1. Svod zakonov grazhdanskikh. Izd. 1900 g. Kn. 1. "O pravakh i obyazannostyakh semeistvennykh". Zakonodatel'stvo Rossii. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire#>
17. GKU YaO GAYaO (Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Yaroslavskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti"). F. 230. Op. 4. D. 1429; D. 1438; D. 1440; Op. 6. D. 288; D. 379; D. 444; D. 566; D. 685; Op. 9. D. 22; D. 26 i dr.
18. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 6. D. 319; D. 524; D. 763.
19. GATO (Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Tverskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti") F.160. Op. 1. D. 32084; D. 31998; D. 31989; D. 32366; Op. 1. T. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
20. GATO. F.160. Op. 1. T. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
21. GUTO GA v g. Tobol'ske. (Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske"). F. I-156. Op. 3. D. 568; Op. 11. D. 728; D. 775; D. 807; D. 1311; D. 1472; D. 807; D. 1813; Op. 18. D. 5; D. 199.
22. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-156. Op. 18. D. 321.
22. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 6. D. 705, 706, 804, 806.
23. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 4. D. 1388; Op. 6. D. 387; D. 403; D. 441; D. 516; D. 683; D. 759; D. 774; D. 803; D. 829 i dr.
24. GATO. F. 160. Op. 1. D. 32366; Op. 1. T. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
25. GATO. F. 160. Op. 1. D. 7371; D. 7376; D. 7629; D. 32483 i dr.
26. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-156. Op. 11. D. 768; D. 903; D. 1126; D. 1148; D. 1231; D. 1275; D. 1319; D. 1434; Op. 18. D. 103.
27. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-156. Op. 11. D. 1117; Op. 18. D. 337.
28. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 6. D. 308; D. 321; D. 322; D. 334; D. 375; D. 424; D. 472; D. 541; D. 802.
29. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 4. D. 775; Op. 6. D. 301; D. 320; D. 337; D. 377; D. 473; D. 684; D. 766; D. 801.
30. GATO. F. 160. Op. 1. T. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
31. GATO. F. 160. Op. 1. D. 32114; Op. 1. T. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
32. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-156. Op. 18. D. 1100.
33. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 6. D. 757; D. 764; D. 805.
34. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 6. D. 287; D. 289; D. 417; D. 475; D. 507; D. 540; D. 719; D. 739; D. 808.
35. GATO. F.160. Op. 1. T. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
36. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-156. Op. 18. D. 157.
37. GATO. F. 160. Op. 1. D. 32365; D. 32367; Op. 1. Tom 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).

38. GATO. F. 160. Op. 1. Vol. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
39. GATO. F. 160. Op. 1. D. 7852; Op. 1. Tom 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
41. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-156. Op. 11. D. 1664; Op. 18. D. 77.
42. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 6. D. 413.
43. GATO. F. 160. Op. 1. Vol. 2 (Dela o rastorzhenii brakov za 1895–1896 gg.).
44. GKU YaO GAYaO. F. 230. Op. 3. D. 2022.
45. GATO. F. 160. Op. 1. D. 7636.

дата поступления: 01.02.2022

дата принятия: 04.04.2022

© Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А., Спичак А.В., 2022

УДК 930.85

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/04>*Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В.***ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ***Kodintsev A.Y., Rybin D.V.***HISTORICAL, CULTURAL AND ETHNOGRAPHIC STUDIES
BY ANATOLY FEDOROVICH KONI**

Аннотация. Знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони известен своими трудами в различных областях гуманитарного знания. В то же время его исторические, культурологические и этнографические исследования совершенно неизвестны. Ни в одной работе они не стали предметом специального изучения. Мы раскрываем этот важный аспект творчества выдающегося прокурора и сенатора Российской империи. Исторические работы Анатолий Федорович Кони писал под влиянием своего отца, который был известен как биограф Фридриха Великого. Кроме того, в 1860-е годы он подвергся сильному влиянию российских историков Петербургского и Московского университетов. В результате у А.Ф. Кони постепенно складывался свой стиль, который включал субъективизм, эмоциональность, выделение этических аспектов и склонность к биографичности. Несмотря на неоднократные попытки приступить к историописанию, нехватка времени не позволила ему постоянно заниматься историей. Еще одним объектом изучения выступила городская культура. Подмечая многие культурные особенности русских городов, он вел записки, собирал материалы, но также не создал большого систематического исследования в этой сфере. Популярный и описательный характер имели его очерки по русской этнографии. Несмотря на то, что многие усилия А.Ф. Кони по истории, культурологии и этнографии не закончились крупными трудами и ни одно из его исследований не было опубликовано, изучение его трудов позволяет лучше понять мировоззрение этого известного юриста, а также определить степень понимания ситуации людей из его окружения.

Ключевые слова: Кони А.Ф., суеверия, продром, этнография, биографии.

Сведения об авторах: Кодинцев Александр Яковлевич, ORCID: 0000-0002-2269-6788, д-р юрид. наук, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Санкт-Петербург, Россия, Balsak1@yandex.ru; Рыбин Данил Вячеславович, ORCID: 0000-0003-4851-2235, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Санкт-Петербург, Россия, danilarybin@rambler.ru

Abstract. The famous lawyer Anatoly Fedorovich Koni is known for his works in various fields of humanitarian knowledge. At the same time, his historical, cultural and ethnographic research is completely unknown. In our work, we reveal this important aspect of the work of the outstanding prosecutor and senator of the Russian Empire.

Historical works Anatoly Fedorovich wrote under the influence of his father, who was known as a biographer of Frederick the Great. In addition, in the 1860s, he was strongly influenced by Russian historians from St. Petersburg and Moscow universities. Under the influence of these persons, Konya gradually developed his own style, which included subjectivity, emotionality, the identification of ethical aspects and a tendency to biography. Despite repeated attempts to begin writing history, the lack of time did not allow the lawyer to constantly study history.

Another object of interest was urban culture, which was strongly interested in Koni. Noticing many cultural features of Russian cities, he kept notes, collected materials, but also did not create much work in this area. His essays on Russian ethnography were popular and descriptive. Despite the fact that many of Koni's efforts in history, cultural studies and ethnography did not end with major works and not one of his studies was published, the study of his works allows us to better understand the worldview of a major lawyer of the empire, as well as to determine the degree of understanding of the situation of people from his environment.

Keywords: Koni A.F., superstitions, prodrome, ethnography, biographies

About the authors: Kodintsev Alexander Yakovlevich, ORCID: 0000-0002-2269-6788, Dr. habil., St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, Balsak1@yandex.ru; Rybin Danil Vyacheslavovich, ORCID: 0000-0003-4851-2235, Ph.D., St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, danilarybin@rambler.ru

Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В. Историко-культурологические и этнографические этюды Анатолия Федоровича Кони // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 26-32. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/04>

Kodintsev, A.Y. & Rybin, D.V. (2022). Historical, Cultural and Ethnographic Studies by Anatoly Fedorovich Koni. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 26-32. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/04>

Введение. История – один из объектов любви знаменитого юриста Анатолия Федоровича Кони. В своих воспоминаниях он отмечал, что увлекался историей в детстве. Кроме личных склонностей влияние на него оказал отец – Федор Кони, автор общеизвестной биографии о Фридрихе Великом. Под влиянием среды и трудов отца занятия историей для Анатолия облекались в литературную форму. В гимназии он учился по истории на «отлично». Увлечение сохранилось и в университете. Кони с теплотой вспоминал о своих педагогах-историках права, например, о Н.И. Крылове, С.М. Соловьеве и К.Д. Кавелине.

Впоследствии Анатолий Федорович написал несколько проникновенных некрологов, особенно останавливаясь на личных качествах скончавшихся ученых: К.Д. Кавелине, А.Д. Градовском, Н.И. Крылове, В.О. Ключевском [1-4]. Сотрудничая с журналом «Русская Старина», А.Ф. Кони по просьбе издательства подбирал в архивах интересные документы (указы императоров, редкие письма).

Работая практикующим юристом, А.Ф. Кони не мог систематически заниматься историей и отодвинул свое увлечение на задний план. Однако совсем отказаться от предмета интереса он не мог и поддерживал отношения с историками.

Экспериментальная часть. В годы Первой мировой войны интерес А.Ф. Кони к истории усилился. Это были особенно плодотворные годы для Кони – историка. Он чувствовал приближение чего-то катастрофического. Составляя многочисленные воспоминания, он невольно переходил от личных переживаний к обобщениям, которые распространял на всю страну. Иначе говоря, он преломлял историю России через свою жизнь. В этом своеобразии его исторических трудов.

В тот период Анатолий Федорович остановился на истории новых судебных учреждений, подводя итог их 50-летней деятельности и, вписывая себя в их судьбу. Также он создает серию исторических очерков об отцах реформы, которых он лично хорошо знал. Все труды Анатолия Федоровича в таком ракурсе представляют смешение собственных мемуаров и литературно-исторических очерков по истории новых судебных учреждений [5].

В число этих публикаций входит работа сенатора по Истории уголовно-процессуального законодательства в России (1913). Кони отмечал, что уголовно-процессуальное законодательство империи включало исторический, политический и этический аспекты. Историческое – закон как проявление исторической традиции, политическое – как средство обеспечения прав личности, этическое – как средство обеспечения нравственности. Разбирая историю древнего и средневекового процесса, Кони показывал борьбу инквизиционного и состязательного начал. Подробной критике юрист подверг основные недостатки формулярного процесса в первой половине XIX века. Он детально описал дискуссии и ход реформы судопроизводства в 1860-е гг. и эволюцию процесса до конца века [6].

Особняком в ряду работ сенатора стоит публикация о влиянии Петра Великого на введение системы образования в России. Статья, по нашим представлениям, является культурологическим исследованием. Автор отмечал крайнюю ограниченность знаний русских людей в астрономии, космографии, географии и приводил множество курьезных и смешных представлений русских людей о внешнем мире (кристальное небо, вавилонские башни, люди-монокули на одной ноге, великаны с песьей головой, пуп земли в Иерусалиме). Можно сделать предположение, что среди всех европейских народов русские оказались в наибольшей мере невежественными относительно окружающего мира. Петр I в представлении Кони стал человеком, совершившим перелом в сказочном мире русских людей. Было произведено множество переводов европейских научных

книг. Отдельные из них Кони с восхищением разбирает. Так Петр открыл для русских прекрасный мир планеты Земля [7].

Огромный интерес А.Ф. Кони к знаниям привел его к изучению всё новых аспектов гуманитарных наук. Так, он увлекался историей литературы, историей городов, городской культурой. Сохранились его многочисленные записки по проблемам истории, культуры, философии. Это был потенциал знаний, которые он собирал, перерабатывал и готовил к созданию научных и научно-популярных работ. Но большинство работ так и не было написано.

Например, в начале XX в. в обширных записках по истории, литературе и философии Анатолий Федорович собрал массу материалов по народным выражениям, народной мистике, народной медицине, старому языку, страноведению, коллективным («людским») эмоциям (пошлость, горе, мерзость, подлость) и прочее [8]. В других тетрадях, которые Кони вел с 1877 г., он собирал материалы по различным наукам, литературе, социологии и т. д. Материал располагался по сформированным им разделам: Бог, религия, церковь; Культура, цивилизация; Образование, воспитание; Духовная сторона человека; Долг, честь; Исторические характеры и пр. Записки выполнены им на русском, французском и немецком языках [9; 10].

Одним из увлечений исследователя стала городская культура. В 1910-х гг. Анатолий Федорович составил план лекции – культурологического исследования: «Город как последнее слово современной культуры». Он отмечал, что город является сосредоточением сил государства, разделял старые и новые города, проследил эволюцию Москвы, выделил преимущества Петрограда. Сенатор рассматривал, в первую очередь, культуру Петрограда. В том числе, выделял климатический фактор, столичный фактор, описывал массу исторических памятников, организацию промышленного производства, общественную активность («нравы»), искусство, литературу, санитарное состояние, топографию и пр. Изучая Петроград, автор приходил к выводу, что город не имел «оригинальности», традиций, национального чувства. Это был город будущего, без прошлого [9; 11].

Материалы лекции по городской культуре не были опубликованы и сохранились только в архиве. В своем исследовании Анатолий Федорович вначале останавливается на роли города в жизни сообществ. В нем находятся суд, церковное управление, центральное управление. Особо выделяются старые города (такие как Москва), за которыми стоит большая история. С горечью А.Ф. Кони отмечал, что русские люди не желают и не умеют сберегать старое. Они равнодушны к старому и пренебрегают искусством. Люди живут одним днем, включая интеллигенцию. Можно сказать, что за 100 с лишним лет люди не изменились, и автор писал о своих современниках как о нас.

В постройках Петрограда явно прослеживается немецкое влияние. Автор рассказывал о росте города за два века, рассматривал политическое влияние на развитие столицы, ставил промежуточный диагноз городу – скверный и нездоровый климат, закрытая жизнь, нищета, нервное истощение и возбуждение [9; 12].

В фонде 564 (ГАРФ) сохранилось три дела, представляющие немалый источниковедческий интерес. В начале XX в. А.Ф. Кони составил первый проект своей исторической работы «Настоящее и будущее родины». В ней он излагал факторы, приведшие к революции: события конца эпохи Александра II (русско-турецкая война, рост терроризма, ошибки в управлении), эпохи Александра III (отчуждение России от Европы, контрреформы, политика мелких ограничений, ущемление национальных групп, принижение судебного ведомства, преследование сектантов, неподготовленность наследника престола) [13].

В 1917 г. А.Ф. Кони решил написать «Историю Родины за мою жизнь». Современную историю он определил с 1850 года. Период последних лет правления Николая I Кони характеризовал как «восторженное царелюбие». По мнению А.Ф. Кони, Крымская война явилась наказанием гордыни возвысившейся империи. Война была проиграна из-за бездарности генералов, плохой инфраструктуры, плохой готовности, панибратства с солдатами.

Отдельно А.Ф. Кони выделял период Александра II. Радикальные реформы вызвали первое брожение в обществе, что было предвестием революции. Непоследовательность реформ сопровождалась ростом террора. Смерть царя стала признаком грядущей революции. Период Александра III Кони описывал только через личный опыт. Отмечал падение православия и рост радикализма.

Период Николая II был «сплошным несчастьем». А.Ф. Кони подробно описывал канву событий Первой русской революции и Первой мировой войны, перечислял множество персонажей, в них участвующих. По мере накопления ошибок режима – падение власти становится неизбежным, наступает 1917 год. В описываемой работе отражен глубокий субъективизм, морализм и индивидуализм А.Ф. Кони. Резюмируя его мысли, можно отметить, что он определял образ кризиса начала века как некие абстрактные несчастья, обрушившиеся на Родину [14].

События Гражданской войны так захватили А.Ф. Кони, что непонятно было что и о чем писать? Будущее было совершенно неясным. Короткое время Анатолий Федорович изучал историю русской литературы, собирал материалы. Он подготовил большую рецензию на работу Н.А. Энгельгардта «История русской литературы» (1919 г.) [15; 16]. Также он составил лекцию по истории ораторского искусства [17].

В конце жизни у нашего героя вновь возник интерес к истории. В 1926 г. им был составлен новый план исторического труда, который получил название «Горький опыт житейских размышлений». План напоминал проект 1917 г., но был лучше проработан и выстраивался в рамках этической концепции.

Последние 50 лет существования Российской империи А.Ф. Кони рисовал как «болезнь». Поэтому, первая часть плана открывалась определением «продромы» - первые симптомы заболевания. Ученый постарался выявить основные факторы болезни. К ним он, в частности, относил «общенародные свойства» (имелись ввиду недостатки русского народа), механическое соединение русского государства из разнородных частей, эксплуатация государством народных ресурсов, увлечение панславизмом, который в народе не получил поддержки, «экономическое бессмыслие войн при нищете народа», отсутствие авторитета у священников, вредное влияние общевоинской повинности (А.Ф. Кони намекал, что армия могла быть развернута против государства), пассивность купечества, налоговое неравенство, ошибки в национальной политике. Проявление этих факторов он видел в мщении крестьян в 1812 г. (подразумевались зверские расправы над французами), в бироновщине, аракчеевщине, распутинщине, отсутствии религиозности в народе, сектантстве и расколе, превращении национальных групп из друзей в принудительных союзников.

Как следствие, в начале XX в. Россия превратилась в «огромное тело на глиняных ногах», пораженное серией недугов, среди которых А.Ф. Кони выделял сословность, а также дискриминацию евреев и поляков; насильственное распространение православия; «сужение» (?) народного образования (Кони имел в виду ограничение образования для большинства людей в пределах церковно-приходских школ); «сужение» судебной и земской реформ; политика С.Ю. Витте – расширение промышленности в ущерб земледелию, а также винная монополия; контрреформа высшего образования (Устав 1884 г.); деградация печати вплоть до порнографии и черносотенных газет.

В итоге развивается болезнь – революционное движение. Его очагами стали заводы, учебные заведения и пр. Ответом стала серия «хромых решений». В том числе, отдача студентов в солдаты, попытка организовать «маленькую победоносную войну», обман национальных групп (финнов), апелляция к народу, отлучение Л.Н. Толстого от церкви, жульнические действия церкви, преступная война с Японией и поражение, некомпетентность руководителей государства. Наступает 1-я революция. Войска революционизируются и идут против власти, имущество подвергается нападению, совершаются политические убийства. В панике режим проводит

реформы и принимает «Конституцию» (Основные государственные законы). Но исполнять ее не собирается, лукавит, маневрирует и постоянно нарушает. Единство власти распадается. А.Ф. Кони верно отмечал, что превратно понимался консерватизм русского крестьянина (кстати, и сам Кони в него верил до 1917 г.), который в годы революции вдруг превратился в анархизм и отсутствие патриотизма.

Отдавая должное С.Ю. Витте и П.А. Столыпину – спасителям России – А.Ф. Кони считал отдельные их действия ошибками. Например, введение военно-полевых судов. Государственная Дума и Государственный Совет проявили себя как неэффективные органы власти.

Вступление в Первую мировую войну он оценивал, как такую же авантюру, несмотря на предупреждение в виде неудачной войны с Японией. При этом Россия к войне не была готова, война была непопулярна, руководители государства – бездарные авантюристы, а Николай II просто ничтожный человек, лживый и лицемерный. Как результат – поражение в войне.

Перечисляя примеры мелких ошибок начала 1917 г. А.Ф. Кони подводит к мысли о неизбежности второй революции. Формируется Временное правительство, вскоре его возглавляет А.Ф. Керенский. Следует калейдоскоп событий, зверство возрастает, армия терпит новые поражения. Наступает третья революция, «октябрьская». Поначалу большевики совершают «мирные шаги», но с лета 1918 г. поднимается волна террора, растет эмиграция, разгорается Гражданская война, экономика переживает коллапс и наступает голод. Автор отмечал и хорошие явления – отмена сословий, отделение церкви от государства, эмансипация женщин, и «мрачные стороны»: отсутствие свободы печати и собраний, оскорбление религии и поругание святынь, «беспорядочное» законодательство [18].

Последний план ученого представляет особенный интерес. Он показывает нам субъективное, но очень подробное полотно жизни империи в последнее десятилетие. В нем перемешаны культурные, этические, экономические, психологические причины катастрофы. А.Ф. Кони старался собрать максимально полное количество причин коллапса, отводя экономическим причинам одно из последних мест в перечне факторов. Господствовал, по его мнению, этический компонент. Такая схема не могла быть принята новой властью. Написанный труд не был бы опубликован. А.Ф. Кони это понимал. На первый взгляд, работа Кони, выставившего в один ряд явления разного порядка, смешавшего общее и частное, выглядит как неудачная компиляция. Но это были наброски. Исследователь хотел оживить историю, наполнить ее живыми образами. Если бы такая история увидела свет, она была бы, скорее всего, литературно-историческим трудом.

Внимание к истории и случаи суеверий, открывшихся для А.Ф. Кони, пробудили у него интерес к этнографии русского народа. Как обычно, сенатор вел записки. Сохранившиеся тексты, судя по всему, были составлены в 1890-х гг. (выполнены на бланках уголовно-кассационного департамента Сената). Традиционно Анатолий Фёдорович начинал исследование с анализа законодательства. В том числе он подробно рассмотрел статьи Уложения о наказаниях, посвященные человеческим жертвоприношениям. По утверждению обер-прокурора, суеверие зачастую может стать элементом преступления. Исследователь классифицировал заблуждения, выделяя, суеверие преступное, суеверие закона, судебное суеверие. А.Ф. Кони отмечал, что мошенники пользуются суеверием людей, перечислял примеры различных заблуждений, приводил примеры, отражающие суеверия в законах. Рассматривая судебное суеверие А.Ф. Кони, начинал его отсчет с ордалий, осветил суеверия в позднее средневековье, довел случаи суеверий до волостных судов империи в XIX веке [19; 20].

В конце концов, была подготовлена статья о суевериях. Текст ее пишется приблизительно в годы Первой мировой войны. Окончательный вариант почти готовой статьи отредактирован в период Гражданской войны, однако работа так и не увидела свет.

С самого начала Анатолий Федорович утверждал, что развитие атеизма тесно связано с распространением суеверий, т. е. распад истинной религиозности порождает рост суеверий. Такое оригинальное мнение на первый взгляд очень спорно и явно лежит вне исторического контекста. Суеверия как поклонение материальным силам природы существовали всегда и негативно

определялись только после перехода к монотеизму. Однако если рассматривать повторное развитие суеверий именно как побочный результат распада единой духовной нравственности, то наш автор оказывается прав. Более того, он отчасти предвидел такой процесс. А.Ф. Кони тщательно перебирал виды суеверий – умеренных (тринадцать за столом, три свечи в комнате, вой собаки, карканье ворона, крик филина и прочее), жестоких (человеческие жертвоприношения для ритуалов, убийство уродов, вера в оборотней и упырей, сопровождаемая преступлениями, вера в ведьм и колдунов, заговоры и заклинания, шарлатанское лечение), распространенных в среде славянских народов, изучал криминальную историю преследований за суеверия, особенно за колдовство. Исследователь подробно описывал процедуру преследования ведьм в позднее средневековье. Исключенная из закона норма о наказании «ведьм» сохранилась в сознании народа и продолжала активно применяться [21, л. 23-28].

Выводы. Можно утверждать, что глубокий интерес Анатолия Федоровича Кони к гуманитарным знаниям позволил бы ему сформироваться в интересного и яркого ученого. Если бы это произошло он, скорее всего, продолжал линию субъективного идеализма, которая была характерна для работ его отца. Литературные дарования, примат этической концепции определили направленность и стиль его работ. Это были эмоционально окрашенные произведения, тем не менее, основанные на достижениях современной ему науки. В гуманитарной сфере его работы отличались от трудов в сфере права и медицины, где он придерживался позитивизма. А.Ф. Кони тяготел к биографическому жанру. Весьма вероятно, что в этой сфере он бы мог реализовать свой творческий потенциал.

Сохранившиеся произведения известного юриста в гуманитарной сфере характерны постоянным стремлением к выявлению культурных факторов, лежащих в основе всех общественных явлений. К тому же они наполнены повышенной эмоциональностью, внешние события жизни описываются энергичными, яркими красками. Народная эмоциональность, культурные стереотипы, ошибки отдельных людей определяли, по мнению А.Ф. Кони, исторический процесс в России. Такой подход исключает диалектический подход к истории.

Литература

1. Кони А.Ф. 7 мая 1885 года (Памяти Константина Дмитриевича Кавелина). Очерк // Русская Старина. 1885. №VI. С. 649-660.
2. Кони А.Ф. Речь о Градовском // Русская Старина. 1891. №I. С. 199-203.
3. Кони А.Ф. Воспоминания о В.О. Ключевском // Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.141-163.
4. Кони А.Ф. Крылов Никита Иванович // Русский библиографический словарь. СПб., 1903. С. 494-498.
5. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к 50-летию судебных уставов). М., 1914.
6. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Составитель тома и автор комментариев М.М. Выдря. М., 1967. С. 317-357.
7. Кони А.Ф. Петр Великий и народное образование // Вестник Общества ревнителей истории. 1915. Вып. II. С. 202-216.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 223.
9. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 222.
10. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 231.
11. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 191.
12. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 227.
13. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 192.
14. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 171.
15. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 144.
16. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 148.
17. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 1. Д. 216.
18. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 174.
19. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 187.
20. РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 225.
21. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 178.

References

1. Koni, A.F. (1885). 7 maya 1885 goda (Pamyati Konstantina Dmitrievicha Kavelina). Ocherk. *Russkaya Starina*, (6), 649-660. (in Russ.).
2. Koni, A.F. (1891). Rech' o Gradovskom. *Russkaya Starina*, (1), 199-203. (in Russ.).
3. Koni, A.F. (1912). Vospominaniya o V.O. Klyuchevskom. In *Kharakteristiki i vospominaniya*, Moscow, 141-163. (in Russ.).
4. Koni, A.F. (1903). Krylov Nikita Ivanovich. In *Russkii bibliograficheskii slovar'*, St. Petersburg, 494-498. (in Russ.).
5. Koni, A.F. (1914). Ottsy i deti sudebnoi reformy (k 50-letiyu sudebnykh ustavov). Moscow. (in Russ.).
6. Koni, A.F. (1967). Istoriya razvitiya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva. In *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh, Vol. 4. Sostavitel' toma i avtor kommentariiev M.M. Vydrya*, Moscow. 317-357. (in Russ.).
7. Koni, A.F. (1915). Petr Velikii i narodnoe obrazovanie. *Vestnik obshchestva revnitelei istorii*, (2), 202-216. (in Russ.).
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. 564, op.1, d.223.
9. GARF, f.564, op.1, d.222.
10. GARF, f.564, op.1, d.231.
11. GARF, f.564, op.1, d.191.
12. GARF, f.564, op.1, d.227.
13. GARF, f.564, op.1, d.192.
14. GARF, f.564, op.1, d.171.
15. GARF, f.564, op.1, d.144.
16. GARF, f.564, op.1, d.148.
17. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN (RO IRLI), f. 134, op. 1, d. 216.
18. GARF, f.564, op.1, d.174.
19. GARF, f.564, op.1, d.187.
20. RO IRLI, f.134, op.1, d.225.
21. GARF, f.564, op.1, d.178.

дата поступления: 28.01.2022

дата принятия: 17.03.2022

© Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В., 2022

УДК 93/94:355.486

https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/05

Панфилов В.В., Пузанов В.Д.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ СИБИРСКИХ РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛКОВ В 1808-1811 гг.

Panfilov V.V., Puzanov V.D.

ORGANIZATION AND REDEPLOYMENT OF REGULAR REGIMENTS OF SIBERIAN IN 1808-1811 YEARS

Аннотация. В статье исследуются сибирские регулярные полки начала XIX века. Автор изучает организацию и передислокацию сибирских полков с 1808 г. до Отечественной войны 1812 г., используя метод историзма. В данной работе используются малоизученные источники, показывающие роль регулярных полков Сибири во время участия России в наполеоновских войнах, приводятся данные о количестве этих войск. Задачами исследования являются изучение движения воинских подразделений из Сибири в западную часть России и изменения в управлении сибирских регулярных полков в Сибири к 1808 г., а также тенденции социального и национального состава этих полков. Передислокация сибирских регулярных полков в европейскую часть России проходила в ходе двух этапов: 1808-1809 гг. и 1810-1811 гг. В проведении передислокации участвовало 3 пехотных, 2 драгунских и 2 егерских полка. Эти воинские подразделения находились в крепостях Сибирской линии обороны. Организаторами передислокации были генералы А.А. Скалон и Г.И. Глазенап. обстоятельно изучается та биография генерал-майора А.А. Скалона, шефа Иркутского драгунского полка, которая связана с командованием сибирскими регулярными полками и организацией вывода войск из Сибири. Сам А.А. Скалон родился в Бийске, но предки его были из Франции. Он являлся организатором первой передислокации регулярных полков из Сибири. Основная ответственность на организацию второй передислокации сибирских регулярных частей была возложена на генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа. Этот генерал обладал должным военным опытом организации квартирования полков. В 1813 г. именно он был инициатором создания Омского войскового казачьего училища. Военное руководство Российской империи того времени считало, что сновной целью передислокации войск сибирских частей была подготовка к новой войне с Францией, защита западных рубежей России. Данная операция была проведена успешно, полки были расположены в новых местах дислокации. Таким образом, важнейшая военная задача была выполнена.

Ключевые слова: драгуны, солдаты, кавалерия, регулярные полки, дивизия, сибиряки, передислокация.
Сведения об авторах: Панфилов Виталий Владимирович, Обнинская свободная школа, г. Обнинск, Россия, 1812g@rambler.ru; Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, Шадринский

Abstract. The article examines the Siberian regular regiments of the early 19th century. The author studies the organization and redeployment of the Siberian regiments from 1808 to the Patriotic War of 1812, using the method of historicism. This paper uses little-studied sources showing the role of the regular regiments of Siberia during Russia's participation in the Napoleonic Wars, and provides data on the number of these troops. The objectives of the study are to study the movement of military units from Siberia to the western part of Russia and changes in the management of Siberian regular regiments in Siberia by 1808, as well as the trends in the social and national composition of these regiments. The redeployment of Siberian regular regiments to the European part of Russia took place in two stages: 1808-1809. and 1810-1811. 3 infantry, 2 dragoon and 2 jaeger regiments participated in the redeployment. These military units were located in the fortresses of the Siberian defense line. The organizers of the redeployment were Generals A.A. Skalon and G.I. Glazenap. That biography of Major General A.A. Skalon, chief of the Irkutsk Dragoon Regiment, which is associated with the command of the Siberian regular regiments and the organization of the withdrawal of troops from Siberia. Sam A.A. Skalon was born in Biysk, but his ancestors were from France. He was the organizer of the first redeployment of regular regiments from Siberia. The main responsibility for organizing the second redeployment of the Siberian regular units was assigned to Lieutenant General G.I. Glazenap. This general had proper military experience in organizing regimental quartering. In 1813, it was he who initiated the creation of the Omsk military Cossack school. The military leadership of the Russian Empire of that time believed that the main purpose of the redeployment of the troops of the Siberian units was to prepare for a new war with France, to protect the western borders of Russia. This operation was carried out successfully, the regiments were located in new locations. Thus, the most important military task was completed

Keywords: dragoons, soldiers, cavalry, regular regiments, division, siberian, redeployment.

About the author: Panfilov Vitaliy Vladimirovich, free school of Obninsk, Obninsk, Russia, 1812g@rambler.ru; Puzanov Vladimir Dmitrievich,

государственный педагогический университет, г. Шадринск, Россия, alan1971@bk.ru
Dr. habil., Shadrinsky State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, alan1971@bk.ru

Панфилов В.В., Пузанов В.Д. Организация и передислокация сибирских регулярных полков в 1808-1811 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 33-40. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/05>

Panfilov, V.V. & Puzanov V.D. (2022). Organization and Redeployment Regular Regiments of Siberian in 1808-1811 Years. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 33-40. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/05>

Сибирь всегда играла важную роль для обороны южных и юго-восточных рубежей Российской империи. В конце XVIII – начале XIX вв. Россия участвует в многочисленных войнах со странами Европы и Азии, проводя военные реформы для укрепления своей обороноспособности. В этих войнах принимали участие и сибирские регулярные полки, сформированные в 1724-1806 гг.

Сибирские регулярные полки, организованные по большей части в Сибири, вместе с казачьими иррегулярными частями были предназначены для обеспечения безопасности сибирских губерний от набегов из Средней Азии. К 1806 г. в крепостях и укрепленных объектах сибирских линий обороны находились два драгунских полка – Сибирский и Иркутский драгунские, мушкетерские полки – Томский и Ширванский (последний образован в Азербайджане, а затем передислоцирован в Сибирь), два егерских полка – 18-й и 19-й. Кроме этого, на востоке Сибири служил Селенгинский мушкетерский полк.

Среди исследователей возникла дискуссия о том, какие полки именовать сибирскими. Дело в том, что в европейской части России находились Тобольский мушкетерский и Сибирский гренадерский полки, сформированные еще в 1700 и 1703 гг. во время Северной войны. Однако эти полки не формировались из сибиряков, участвовали во всех крупных войнах России, не были ни разу передислоцированы в Сибирь. Поэтому среди формулярных списков офицеров этих полков были в основном дворяне из европейских губерний России. К примеру, майор И.П. Людингаузен (Вольф) в своем прошении к императору Александру I написал, что родился в Курляндии в дворянской семье [1]. В документах 1812-1813 гг. среди офицеров Тобольского пехотного и Сибирского гренадерского полков офицеров-сибиряков не найдено. Поэтому сибирскими они являются только по названию, а не по составу.

Что же касается сибирских регулярных полков, расквартированных до 1808-1810 гг. в Сибири, то в их составе процент сибиряков был велик. Хотя в дальнейшем, в 1811-1813 гг., численный состав этих полков часто менялся, пополняясь дворянами из европейских губерний. Так в Ширванском мушкетерском полку штабс-капитан В.П. Нефедьев происходил из дворян Тобольской губернии, участвовал в передислокации из Сибири в 1808-1809 гг., а затем был одним из лучших офицеров полка в войнах с Францией 1812-1814 гг. [2].

Социальный и национальный состав полков русской армии сейчас все больше привлекает исследователей. И если с социальным составом дело обстоит проще (большинство в полках составляли солдаты из крестьян), то в изучении национального состава есть свои нюансы. В целом, сибирские полки по своему составу были многонациональными. Русские составляли естественно в нем костяк. Но были и офицеры-дворяне, имевшие иностранные корни или перешедшие на русскую службу. Прежде всего, это немцы. Выделяется традиционно две категории немецкого офицерства: иммигранты из германских государств, переселившиеся в XVIII в. и остзейское (прибалтийское) немецкое дворянство. В сибирских регулярных полках основу составляли немцы – выходцы из прибалтийских губерний Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Литвы, в большинстве своем потомки немецкого рыцарства XIII-XIV вв. Например, шеф Сибирского драгунского полка К.А. Крейц, родился в Минской губернии. До сих пор достоверно не известно происхождение К.А. Крейца, делаются предположения о его польском или немецком происхождении. Его предки были

вероятно онемечены еще до XVII в., затем переселились в Польшу. Крейц перешел на русскую службу в 1801 г. с чином полковника в гусарский полк графа Зубова. Полковник К.А. Крейц стал шефом Сибирского драгунского полка 8 марта 1810 г., т. е. уже после передислокации полка из Сибири [3, с. 30-31].

Духовенство сибирских регулярных полков также, как и в других полках русской армии, имело важное значение. У каждого полка был полковой священник, совершавший таинство причастия, молитвы перед боем и православные обряды. Священнослужители сами участвовали в сражениях Отечественной войны 1812 г. (ношение оружия им не было разрешено, поэтому они формировали моральный облик воинства), перенося все военные и полевые тяготы. Среди них самым известным был полковой священник 19-го егерского полка отец Василий Васильковский, который не был сибиряком и родился в Малороссии. Он участвовал в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородинской и Малоярославской битвах, в которых получил несколько ранений. Отец Василий – первый священнослужитель, получивший за мужество и отвагу в сражениях войны 1812 г. орден Св. Георгия 4-й степени. Интерес вызывают офицеры сибирских полков, происходившие из сословия духовенства. Например, штабс-капитан Иркутского драгунского полка Степан Федорович Белозерский происходил из семьи священника.

Необходимо отметить, что все регулярные полки в Сибири задолго до своей передислокации в европейскую часть России были объединены в Сибирскую инспекцию в 1796 г. согласно новому «Воинскому уставу полевой пехотной службы» [4]. По данным историка С.В. Андрейчука общая численность всех регулярных частей Сибири к началу XIX в. составляла 18 308 человек [5, с. 18]. В 1801 г. в Сибирской инспекции служили Сибирский и Иркутский драгунский полки, Ширванский, Томский и Селенгинский пехотные полки, 18-й и 19-й егерские полки и Тарский, Омский, Петропавловский, Семипалатинский, Железинский и Бийский гарнизонные батальоны. В 1798 г. главой Сибирской инспекции был назначен генерал-майор князь Алексей Горчаков, племянник великого полководца фельдмаршала А. В. Суворова. В июле 1799 г. Сибирской инспекцией командовал генерал-лейтенант Нефедьев. Позднее до 1807 г. Сибирской инспекцией командовал генерал-майор Н.И. Лавров, а в 1807-1808 гг. генерал-майор А.А. Скалон.

6 июля 1806 г. сибирские губернаторы получили предписание о подготовке передислокации регулярных частей из Сибири в европейскую часть России [4]. И уже 16 августа 1806 г. император Александр I подписывает важнейший указ о формировании новых 6 драгунских, 11 мушкетерских и 6 егерских полков русской армии. Из сибирских полков были образованы Камчатский, Якутский и Охотский мушкетерские полки из рот Селенгинского и Екатеринбургского мушкетерских полков. При этом эти новые полки должны были расквартированы сразу же в европейской части: Якутский – в Москве, Охотский – в Серпухове Московской губернии, Камчатский – в Рославле и Ельне Смоленской губернии [4]. Было подтверждено решение о передислокации сибирских регулярных частей в западном направлении.

В 1805-1807 гг. Россия вела тяжелые войны с Францией, которые привели к реорганизации в военной сфере. Регулярные полки Западной Сибири теперь объединяются в 24-ю дивизию, командиром которой был назначен генерал-лейтенант Г.И. Глазенап. В указе от 5 февраля 1808 г. Александр I предписывал ему «учинить надлежащая распоряжения, и избрать бригадных начальников, коим поручить в командование войска, оную дивизию составляющую» [4].

24 июня 1808 г. сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель получает отношение военного министра А.А. Аракчеева, в котором содержалось повеление императора Александра I о выводе из Сибири пяти регулярных полков «до границы Пермской губернии по занятии тех пунктов линии, с коих выводятся теперь полки». В ордере провиантскому комиссионеру Симанову от 4 августа 1808 г. Пестель писал о сроках вывода полков к Казани в августе 1808 г.:

– Сибирский драгунский полк из крепости Св. Петра (ныне Петропавловск) начинает движение 12 августа;

– 19-й егерский полк из крепости Пресновской выходит 18 августа;

- Ширванский мушкетерский полк из Омской крепости выводится 10 августа;
- Иркутский драгунский полк из форпоста Коряковского должен был выйти 18 августа и соединиться с отдельным эскадроном;
- Томский мушкетерский полк выходит из Барнаула и его окрестностей 15 августа.

Из документа следует, что каждый полк должен был побатальонно выйти из мест дислокации в западном направлении (основной точкой сбора должна была стать Казанская губерния). Однако выводить полки должен был не командующий 24-й дивизии генерал-лейтенант Г.И. Глазенап, а шеф Иркутского драгунского полка генерал-майор А.А. Скалон [6].

Личность генерала А.А. Скалона весьма примечательна. Антон Антонович Скалон происходил из «шляхетства французской нации» – французских дворян, перешедших на российскую службу в эпоху Северной войны. Службу в Сибири начал его отец Антон Дмитриевич Скалон – ветеран войны с Турцией 1735–1739 гг. и Семилетней войны. В 1760-е гг. А. Д. Скалон командовал Луцким драгунским полком в Сибирском корпусе. 21 апреля 1771 г. А. Скалон получил чин генерал-майора. Генерал-майор А. Д. Скалон командовал войсками на сибирских линиях, участвовал в борьбе с восстанием Пугачева в Сибири. В 1777 г. А. Д. Скалон был отставлен в чине генерал-поручика и умер в Усть-Каменогорской крепости. А.А. Скалон родился в Бийской крепости в Сибири 6 сентября 1767 г. По принятой в то время традиции он уже в 1775 г. был записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк [7, с. 1]. А уже в 1783 г. он получил офицерский чин поручика и перевелся в Сибирский драгунский полк. С этого времени Скалон связал свою жизнь с сибирскими драгунскими полками. В 1797 г. А. А. Скалон стал майором в Иркутском драгунском полку, а в 1798 г. был командирован в Санкт-Петербург. В 1798 г. Скалон был назначен подполковником и получил под команду Иркутский драгунский полк, в 1799 г. получил чин полковника, и в 1800 г. стал шефом Иркутского полка. 15 сентября 1800 г. А. А. Скалон получил чин генерал-майора и стал шефом Драгунского Сакена 2-го полка, но в 1802 г. вышел в отставку. 26 апреля 1806 г. в разгар очередной русско-французской войны Антон Антонович возвращается в службу, восстанавливается шефом Иркутского драгунского полка (это отражено в его формулярном списке) [8]. Потомок французов А. А. Скалон был одним из первых русских генералов, убитых в бою с армией Наполеона. В 1812 г. бригада под командой А. А. Скалона сражалась в 3-м кавалерийском корпусе графа Палена, прикрывавшем отступление главных сил русской 1-й армии. 5 августа 1812 г. генерал-майор А. А. Скалон был убит, когда возглавил атаку русских драгун на конницу французов в битве под Смоленском.

К началу августа 1808 г. не все сибирские полки были готовы к выступлению на запад. Так сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель на основе донесения генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа констатировал неготовность Томского мушкетерского полка, от которого «по отдаленности сведения еще не получено». В то же время остальным полкам предписывалось выступать в назначенные сроки под командованием своих шефов: Иркутского драгунского – генерал-майора А.А. Скалона, Сибирского драгунского – генерал-майора М.И. Булгарчика, Ширванского мушкетерского – полковника Ф.В. Зварыкина, 19-го егерского – полковника Т.Д. Загорского [6]. В итоге передислокация прошла в установленные сроки, подготовка была проведена профессионально.

Поскольку Сибирский драгунский и 19-й егерский полки находились ближе всех к западной границе Тобольской губернии, то они составляли первую колонну выводившихся сибирских войск [6]. Сибирским полкам до назначенных пунктов необходимо было пройти большое расстояние: 19-му егерскому полку – 1528,5 верст в течение 95 дней; Сибирскому драгунскому полку – 1693,5 версты в 106 дней; Ширванскому мушкетерскому полку – 1844,5 версты в 115 дней; Иркутскому драгунскому полку – 2251,5 в 142 дня; Томскому мушкетерскому полку – 2720,5 верст в 167 дней. Таким образом, к началу февраля 1809 г. все полки прибыли в новое место дислокации – Чистополь и Казань. Численность солдат и офицеров сибирских полков колебалась в районе 1800-2000 человек. Так, численность Томского мушкетерского полка была 1951 человек. Из них штаб-офицеров – 7, обер-офицеров – 28, унтер-офицеров – 120, рядовых – 1532, нестроевых – 264

человека. После выхода пяти сибирских полков оставшиеся в Сибири полки произвели передислокацию: Селенгинский мушкетерский полк расположился в крепости Омска, а 18-й егерский полк – в Железинской крепости. Оба полка находились в Тобольской губернии.

Главную роль фактически в процессе перехода полков играло высшее командование войск в Сибири: в лице генералов А.А. Скалона и Г.И. Глазенапа. Первый осуществлял начальство над полками в период их отхода к назначенным места дислокации, а второй – во время расположения сибирских полков непосредственно в Сибири. Руководство войсками в этом тяжелом походе было поручено генерал-майору А.А. Скалону. Командуя доверенными ему полками (Сибирский, Иркутский и Оренбургский драгунские, Ширванский мушкетерский и 19-й егерский), Скалон с блеском совершил «зимний поход» 1808-1809 гг. и привел подчиненные ему полки в Волынскую губернию. За это он был представлен к ордену Св. Владимира 3-й степени [4, с. 2-3]. Таким образом, военное командование и губернское правительство – это два наиболее важных фактора успешной передислокации войск, т.е. в сроки и без больших потерь личного состава.

Анализируя переписку Г.И. Глазенапа и губернского руководства, приходим к выводу о несправедливости назначения А.А. Скалона командиром передислоцируемого сибирского регулярного войска. В этой переписке есть один любопытный факт. Генерал-лейтенант Глазенап поддержал отказ томского вице-губернатора Ламанова выдать Скалону 1189 руб. 55 коп. на жалование нижним чинам (по инструкции И.Б. Пестеля предполагалось только 1000 руб. Иркутскому и Сибирскому драгунским полкам), а также на ремонт конюшен для строевых лошадей и амбаров для амуниции Иркутского драгунского полка. В результате, из-за этого разногласия с командным составом драгунских полков генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа фактически отстранили от руководства передислокация полков уже 10 августа 1808 г. [6].

Иркутский полк в составе 5 эскадронов и под командованием своего шефа генерал-майора А.А. Скалона, прошел сибирские и уральские города в 1808-1809 гг. Первый маршрут лежал от форпоста Коряковского до Омска по Иртышу, т.е. примерно 400 верст. В Омске для лучшего управления шеф разделил свой полк на два эшелона:

1. два эскадрона под командованием майора Валогосова;
2. три эскадрона под командованием шефа, генерал-майора А.А. Скалона.

Последующий путь иркутцев проходил через юг Тобольской губернии (города Тюкалинск, Ишим, Ялуторовск и Тюмень). Перейдя западнее Екатеринбурга Уральские горы, Иркутский драгунский полк направился прямо в Казанскую губернию, куда прибыл 11 января 1809 г. Затем данный полк, совершив изнурительный и продолжительный марш, 21 сентября 1809 г. подошел к г. Острогу Волынской губернии, где и расположился на постоянное квартирование. Численность полка в данный момент составляла 1018 человек, однако ежемесячная смертность в этой боевой единице превышала средние показатели. Выйдя из района между Омской и Усть-Каменогорской крепостями, Иркутский полк вместе с другими частями из отряда А.А. Скалона прибыл 11 января 1809 г. в г. Чистополь Казанской губернии [6]. В течение «зимнего похода» 1808-1809 гг. и по окончании его командное руководство некоторых сибирских полков сменилось. Так командиром Ширванского мушкетерского полка 25 сентября 1808 г. стал майор Андрей Егорович Дьячков.

В 1808 г. охрану пограничной Иртышской линии после вывода полков всецело возложили на иррегулярное войско Западной Сибири. Характерно, что вместе с казаками охрану форпостов и крепостей осуществляли и «солдатские дети», оставшиеся после вывода регулярных полков. Как раз в это время в 1808 г. императором Александром было утверждено первое положение и «штаты» линейного Сибирского казачьего войска. По мнению известного исследователя казачества Г.Е. Катанаева, лишь пять регулярных полков было выведено из Сибири. Катанаев не упомянул о Томском мушкетерском и 18-м егерском полках, не вдаваясь в подсчет общей численности сибирских регулярных полков. Главным итогом передислокации полков 1808 г. все-таки является то, что государство, переведя в европейскую часть большинство регулярных соединений, обеспечило защиту своих южных азиатских земель с помощью казачества, т.е. иррегулярных войск.

В дальнейшем проходила передислокация еще нескольких регулярных полков. 1 июня 1810 г. тобольский вице-губернатор издал распоряжение «о перемене квартир по линии на расположение войск 24-й дивизии» [9]. 9 июня 1810 г. Курганский и Ишимский земские суды получили это указание. Причем Ишимский суд получил распоряжение «о расположении квартирами по линии Селенгинского мушкетерского полка» [9]. Таким образом, были подготовлены благоприятные условия для вывода Селенгинского мушкетерского и 18-го егерского полков из пределов Тобольской губернии к Казани. В ведомости о числе войск 24-й дивизии на январь 1810 г. был приведен следующий ее состав: полки Селенгинский мушкетерский, 18-й егерский и Тобольский гарнизонный, инвалидные роты Омского гарнизонного полка, инвалидные команды Иркутского, Петропавловского, Семипалатинского, Томского, Бийского и Камчатского батальонов, а также части Сибирского казачьего войска и две артиллерийские роты [9].

Началу второму периоду передислокации сибирских регулярных войск послужил императорский указ от 26 августа 1810 г., в котором было сказано: «по выступлении из Сибири пяти полевых полков, и по безнужности там двух доселе еще остающихся Селингинскаго Мушкетерскаго и 18-го Егерскаго, вывести оттуда и сии последние полки, дабы с лучшею пользою для Государства они могли быть употреблены в других местах» [4]. Два этих полка проследовав, по Тобольской губернии, вышли в Европейскую часть России и там разместились на новых квартирах. Основная ответственность на организацию второй передислокации сибирских регулярных частей была возложена на все того же Г.И. Глазенапа. Этот генерал обладал должным военным опытом, при этом он одно время возглавлял сибирские регулярные полки во время их квартирования в Сибири. В дальнейшем именно генерал-лейтенант Г.И. Глазенап был инициатором создания в 1813 г. Омского войскового казачьего училища, преобразованного позже в Омский кадетский корпус.

Таким образом, в ходе второй передислокации 1810 г. все сибирские регулярные полки, не считая гарнизонных и вспомогательных войск, были выведены в Европейскую Россию. В исследованиях второй половины XIX в. отмечали важность данной передислокации. Так автор обширного труда по сибирской хронологии И.В. Щеглов отмечал, что в 1808 и 1810 гг. «выведены из Сибири находившиеся в ней пехотные и конные полки» для лучшего их применения в грядущих событиях страны [10, с. 228, 230]. В советской историографии указывали на то, что 7 сибирских полков: «из Сибири были выведены семь регулярных полков и две артиллерийские роты» [11, с. 453]. При этом не уточнялось, каково было количество пехотных и кавалерийских частей, выведенных из Сибири. В последнее время ряд исследователей опубликовали свои работы по истории регулярных частей Сибири XVIII-XIX вв. [12-17].

В 1811 г. утверждён «Воинский устав о пехотной службе», в котором значит. внимание было уделено боевой подготовке (в частности, обучению прицельной стрельбе), разработано наставление «О егерском учении», в соответствии с которым егеря обучались действиям в рассыпном строю. Все мушкетерские полки были преобразованы в пехотные. Реформа проходила по инициативе А.А. Аракчеева. Теперь пехотный полк состоял трех батальонов – пехотного, гренадерского и егерского (каждый батальон делился на 4 роты). В итоге в 1811 г. закончились все основные изменения сибирских регулярных полков накануне войны с Францией.

В 1811 г. руководство 18-го егерского полка полк принял полковник И.Н. Дурново, который в начале 1812 г. был назначен шефом 29-го егерского полка. Дурново, бесстрашный офицер, в первые недели войны проявил свои тактические способности, взяв в ходе штурма одним полком г. Волковыск, отрезав корпус генерала Ренье от основных сил «Великой армии». За эти успешные действия он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Передислокация регулярных частей Сибири имело большое значение для Российской империи. Во время вторжения армии Наполеона в 1812 г. подтягивание резервов из Сибири к театру военных действий могло занять большое количество времени. Эта масштабная передислокация проходила в 2 этапа: первый был осуществлен в 1808-1809 гг., второй – 1810-1811 гг. И уже к концу 1811 г. все регулярные полки (за исключением гарнизонных) были расквартированы в западной части России, где их состав пополнился рекрутами из других губерний. А уже в достопамятном 1812

г. сибирские регулярные полки сыграли свою значимую роль в отражении ударов неприятеля, как в арьергардных боях, так и в крупных сражениях.

Литература

1. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 395. Оп. 75. Д. 410.
2. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1055.
3. Крейтц Киприян Антонович // Список генералам по старшинству. СПб.: военная типография, 1844. 427 с.
4. ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). СПб.: Типография II-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 24-31.
5. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745-1808 гг.): Дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 297 с.
6. ГУ ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 116.
7. Скалон де А.А. Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах // Военная галерея Зимнего дворца. Жизнеописания. В 6 т. Т. 4. СПб., 1846. С. 1-3.
8. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2349.
9. ГУТО ГАТ (Государственный архив в г. Тобольске). Ф. 329. Оп. 13. Д. 411.
10. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. Иркутск, 1883. 779 с.
11. Карцов В.Г. Управление и общественная жизнь Сибири в период войн 1804-1815 гг. // История Сибири в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 540 с.
12. Пузанов В.Д. Русская армия в Сибири в 30-50-е годы XVIII в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. №3. С. 84-95. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/08>
13. Пузанов В.Д. Сибирский корпус в конце XVIII в. // XVIII Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2020. С. 51-52.
14. Пузанов В.Д. Командир Сибирского корпуса генерал-поручик И.И. Шпрингер // Вопросы истории. 2021. №12-2. С. 207-232.
15. Блинова О.В. Путешественник по казенной надобности (реконструкция биографии офицера Сибирского корпуса Иосифа Фёдоровича Белова) // Вестник Омского университета. 2019. №4. С. 45-52.
16. Фролова Ю.В. Образ успешного офицера недворянского происхождения гарнизонных батальонов Сибирского корпуса в последней четверти XVIII в. // Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. История и теория искусств. Новосибирск, 2021. С. 49-50.
17. Зуев А.С., Дмитриев А.В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII – начале XIX века: численность, состав, дислокация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 17-29.

References

1. RGVIA (Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv). F. 395. Op. 75. D. 410.
2. RGVIA. F. 489. Op. 1. D. 1055.
3. Kreits Kipriyan Antonovich (1844). Spisok generalam po starshinstvu. St. Petersburg. (in Russ.).
4. PSZRI (Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii) (1830). St. Petersburg, 24-31. (in Russ.).
5. Andreichuk, S.V. (2010). Sibirskii korpus v sisteme voennoi bezopasnosti na yuge Zapadnoi Sibiri (1745-1808 gg.): Dis. kand. ist. nauk. Barnaul. (in Russ.).
6. GU GAOO (Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti). F. 2. Op. 1. D. 116.
7. Skalon, de A.A. (1846). Mikhailovskii-Danilevskii A.I. Imperator Aleksandr I i ego spodvizhniki v 1812, 1813, 1814, 1815 godakh. In *Voennaya galereya Zimnego dvortsa. Zhizneopisaniya, 4*, St. Petersburg, 1-3. (in Russ.).
8. RGVIA. F. 489. Op. 1. D. 2349.
9. GUTO GAT (Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske). F. 329. Op. 13. D. 411.
10. Shcheglov, I.V. (1883). Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannikh iz istorii Sibiri: 1032-1882 gg. Irkutsk. (in Russ.).
11. Kartsov, V.G. (1968). Upravlenie i obshchestvennaya zhizn' Sibiri v period voin 1804-1815 gg. In *Istoriya Sibiri, 2, Sibir' v sostave feodal'noi Rossii*. Leningrad. (in Russ.).
12. Puzanov, V.D. (2021). The Russian army in Siberia in the 30–50 years of the XVIII century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 84-95. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/08>
13. Puzanov, V.D. (2020). Sibirskii korpus v kontse XVIII v. In *XVIII Zyryanovskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kurgan, 51-52. (in Russ.).
14. Puzanov, V.D. (2021). Komandir Sibirskogo korpusa general-poruchik I.I. Shpringer. *Voprosy istorii*, (12-2), 207-232. (in Russ.).
15. Blinova, O.V. (2019). Puteshestvennik po kazennoi nadobnosti (rekonstruktsiya biografii ofitsera Sibirskogo korpusa Iosifa Fedorovicha Belova). *Vestnik Omskogo universiteta*, (4), 45-52. (in Russ.).

16. Frolova, Yu.V. (2021). Obraz uspeshnogo ofitsera nedvoryanskogo proiskhozhdeniya garnizonnykh batal'onov Sibirskogo korpusa v poslednei chetverti XVIII v. In *Materialy 59-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii. Istoriya i teoriya iskusstv*, Novosibirsk, 49-50. (in Russ.).

17. Zuev, A.S., & Dmitriev, A.V. (2012). Armeiskie regulyarnye chasti v Sibiri v XVIII – nachale XIX veka: chislennost', sostav, dislokatsiya. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 11(1), 17-29. (in Russ.).

дата поступления: 11.02.2022

дата принятия: 01.04.2022

© Панфилов В.В., Пузанов В.Д., 2022

УДК 94(47).08

https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/06

Ершов М.Ф.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВОЗЗРЕНИЙ НА ХАРАКТЕР АБОРИГЕНОВ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Ershov M.F.

ABOUT THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE CHARACTER OF THE NATIVES OF THE TOBOL NORTH IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация. Для России исследования окраинных земель относятся к числу общественно значимых проблем. Одна из преград для получения достоверных результатов – информационная. Нередко внешние наблюдатели прибывают на периферию отягощённые ранее сформированными культурными стереотипами. Цель настоящей публикации заключается в рассмотрении тех закономерностей и тех мнений, которыми руководствовались европейские путешественники при изучении культуры коренных народов в XIX – начале XX вв. Для достижения этой цели необходимо разрешение следующих задач: осуществить анализ темпоральных представлений, связанных с прогрессом; уточнить как именно наблюдатели воспринимали пространство и локальные социумы, жившие в циклическом времени, дать оценку межэтнических контактов цивилизованных народов с аборигенами; кратко охарактеризовать социальные рецепты по преодолению культурной отсталости коренных народов. Методической базой исследования стало использование междисциплинарного подхода, в том числе теоретических положений антропологии. Полученные результаты доказывают наличие субъективных моментов при написании этнографических обзоров, дорожных и беллетристических очерков. Для раскрытия национального характера аборигенов применялись устойчивые клише. Бытование таких клише – свидетельство присутствия в общественном сознании стереотипов о жизни северных народов. Ориентация наблюдателей на преимущественно прагматические основания оборачивалась своеобразным ментальным «перемещением» аборигенов, объектов исследования за границы человеческого мира, в запредельное пространство, где их жизнь была якобы близка к животному состоянию. Эти обстоятельства максимально значимы для осознания реформ на периферийных территориях, исследования зарождения и последующей исторической эволюции этнических стереотипов. Оптимальное направление для дальнейших разработок в данном вопросе – последовательное выявление и историческая критика источников о жизни коренного населения Тобольского Севера.

Ключевые слова: аборигены, контакты, наблюдение, неподвижность, прогресс, путешествия, национальный характер.

Сведения об авторе: Ершов Михаил Федорович, ORCID: 0000-0002-8518-4368, канд. ист. наук, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Россия, mfershov@mail.ru

Abstract. For Russia, studies of outlying lands are among socially significant problems. One of the barriers to obtaining reliable results is informational. Often, external observers arrive on the periphery with previously formed cultural stereotypes. The objective of the publication is to consider the patterns and opinions that guided European travelers when they studied the culture of indigenous peoples in the 19th – early 20th centuries. To achieve this objective, it is necessary to resolve a number of tasks: to analyze the temporal representations associated with progress; clarify exactly how observers perceived space and local societies that lived in cyclical time; assess interethnic contacts between civilized peoples and aborigines; briefly describe the social recipes for overcoming the cultural backwardness of indigenous peoples. The methodological basis of the study was the use of an interdisciplinary approach, including the theoretical provisions of anthropology. The results obtained prove the presence of subjective moments when writing ethnographic reviews, travel and fiction essays. Stable clichés were used to reveal the national character of the natives. The existence of such clichés is evidence of the presence of stereotypes about the life of northern peoples in the public mind. The orientation of the observers to predominantly pragmatic grounds turned into a kind of mental "movement" of the natives, the objects of research, beyond the boundaries of the human world, into the beyond, where their life was supposedly close to the animal state. These circumstances are most significant for the understanding of reforms in the peripheral territories, the study of the origin and subsequent historical evolution of ethnic stereotypes. The optimal direction for further developments in this matter is the consistent identification and historical criticism of sources about the life of the indigenous population of the Tobolsk North.

Keywords: natives, contacts, observation, immobility, progress, travels, national character.

About the author: Ershov Mikhail Fedorovich, ORCID: 0000-0002-8518-4368, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Russia, Khanty-Mansiysk, mfershov@mail.ru

Ершов М.Ф. Об эволюции воззрений на характер аборигенов Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 41-48. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/06>

Ershov, M.F. (2022). About the Evolution of Views on the Character of the Natives of the Tobol North in the 19th – Early 20th Centuries. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 41-48. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/06>

Введение. XIX – начало XX вв. были временем ускоренной модернизации нашей страны. В российском обществе зародился и разрастался устойчивый интерес к своей периферии. Дефицит достоверной информации дополнительно осложнялся тем обстоятельством, что европейски образованные наблюдатели привносили в собственные выводы те культурные стереотипы, с которыми они прибывали изучать малоизвестные территории. В публикации поставлен вопрос о закономерностях и социокультурных истоках тех мнений и оценок, которые делали наблюдатели о национальном характере коренных народов, живущих на Тобольском Севере. На основе этих дорожных материалов предпринято изучение межэтнических контактов, связанных с пребыванием путешественников (или других образованных лиц) в данном пространстве. Методической основой выступил междисциплинарный анализ социокультурных процессов. Настоящая работа является продолжением и развитием прежних публикаций по исследованию межэтнических контактов [1-3].

Главное, что объединяет различные подходы при исследовании феноменов «Другого», чуждой культуры, это «привязка» и к географической территории, и к общественной психологии населения, живущего в пределах рассматриваемого пространства. В этой сфере гуманитарное знание базируется, по преимуществу, на сравнительном изучении различных территорий и этносов. Образованный и способный к рефлексии путешественник становится своеобразным культурным экспертом, роль которого в описаниях достаточно значительна. Полноценная реализация сравнительного способа исследований оказалась возможной, начиная с эпохи поздней античности. Именно тогда, с началом смещения от циклического времени к линейному, возник и развивался в дальнейшем обострённый интерес к пройденному историческому пути.

Достаточно ярко произошедшую трансформацию отобразил Блаженный Августин в труде «О граде Божьем». В Главе XIII «О кругообращении веков, образующих собою известные периоды, в которые, по мнению некоторых философов, все возвращается к тому же порядку и в том же виде», теолог зафиксировал, что теперь прежняя мировоззренческая установка на бесконечное повторение через определённые периоды времени произошедших событий чужда подлинной христианской вере: «Ибо единойжды умер Христос за грехи наши; воскреснув же из мёртвых, уже не умирает, и смерть не будет более обладать Им... По кругу блуждают нечестивцы; не потому, что по кругу, как полагают они, будет возвращаться их жизнь, но потому, что таков путь заблуждения их, сиречь ложное учение» [4]. Концепция Блаженного Августина видоизменила агональные компоненты в угасающей античной культуре. Фактически с него начался их перенос с личности и полиса на более высокий цивилизационный уровень. При этом сохранялся и неизжитый дух состязательности и конкуренции: важно насколько конкретное сообщество отличалось социальной динамикой и насколько оно же приблизилось к новым культурным идеалам. Сохранилось ли у этого социума циклическое время, чьё существование для язычников не отрицалось.

Начиная с XVIII в. для России приоритетным стало соотнесение жизни аборигенных народов на окраинах страны с современной им цивилизацией, с древностью или даже с запредельным миром. При этом выводы делались вовсе не в пользу локальных территорий. Существовал открытый негатив к окраинам. В патриархальной культуре они часто воспринимались как ворота в иной мир [5]. Вовсе не случайна реплика успешного предпринимателя из ссыльных в г. Березове Арона Ароновича. Он заявил в разговоре с О. Финшем в середине XIX в.: «Как мы тут живём? Как живые погребены» [6, с. 329]. Краевед Г.М. Дмитриев-Садовников в 1913 г. фиксировал немалые трудности с положением медицины в с. Ларьяк: «Настоящий фельдшер полтора года тому назад

подал прошение о временном отпуске, но несмотря на то, что он уже более десяти лет не пользовался отпуском, ему даже не отвечают и по настоящее время. Положение, мало чем отличающееся от положения заживо погребённого» [7, с. 157].

Восприятие речного путешествия как перемещения на границу мёртвого мира имеется в стихотворении поэта Ф. Филимонова «На Оби»:

Наш пароход летит стрелой –
И все скучнее час от часа ...
Сижу измученный и злой
Я в конуре второго класса
По берегам большой реки
Не встретишь целый день жилища;
Весь этот край одно кладбище,
Где вымирают остяки (...) [8, с. 139].

Образные высказывания – о жизни в могиле, в одиночестве – постоянно звучали применительно к бедственному положению интеллигентов, педагогов на северных окраинах. Признание господства циклического времени в локальном социуме, в свою очередь, предполагало, что пребывание здесь было греховно. Сомнительные, с точки зрения пришельцев, проступки местного населения объяснялись его инфантильностью и социальной незрелостью. Считалось, что аборигены находились «вне цивилизации» [3]. Для окраинного пространства повсеместно присутствовали частые inferнальные определения, как «страна грешников» или «пустыня». М. Кастрен в письме благодарил адресата за то, что тот «вспомнил о грешнике в стране грешников» [9]. Ю.И. Кушелевский, в предисловии к запискам о Ямале, замечал: «где все так дико и пусто, да ещё холодно, то там не дело ораторствовать и восхищаться, а разве скорбеть, терпеть и спасаться» [10, с. I].

Символом отсутствия культуры опосредованно представляли даже мифы аборигенов. Например, исследователь У.Т. Сирелиус упоминал сохранившиеся у остяков легенды о мифических богатырях. Житель юрт Текиных с Васюгана рассказал ему «о древних героях и их сражениях с татарами. Это был крупный народ, который жил там же, где и современные остяки» [11, с. 42]. В мифах и легендах имелась также информация о вооружённых стычках между остяками и самоедами: «Войну вели, очевидно, отцы дедов нынешних остяков: на вождях с обеих сторон были надеты латы». Эти латы изготавливали из пластин, склеенных рыбьим жиром [11, с. 228]. Нередко богатыри после смерти превращались в камни. Отсутствие возможностей для защиты подопечного населения означало, в конечном итоге, «выпадение» из временной динамики, отсутствие жизни и окаменение. «При взгляде на судьбу остяков невольно вспоминается предание о чудском народе: вынужденный уступить землю более сильным, он предпочёл скорее убежать со всем своим добром, знаниями и искусствами под землю, чем отдаться на милость победителей или слиться с ними» – размышлял К.Ф. Карьялайнен [12, с. 61].

Рудименты мифического прошлого у аборигенов Сибири по многим параметрам совпадали с характеристиками учёных путешественников, которые они давали современным для них коренным этносам. В частности, А.А. Павловым в книге «3000 вёрст по рекам Западной Сибири» следующим образом описаны затруднения при возможном улучшении жизни аборигенов: «Причина неуспеха миссионерства заключается главным образом в обособлении умственного развития этих инородцев, неподвижностью нравственного и материального прогресса. Чем теснее делается сближение остяка с русским, тем очевиднее он теряет свою самостоятельность и вымирает, не получая от пришельцев ничего, кроме кабалы, нищеты, порока и болезни. Мысль остяка не движется далее какого-то тупого пассивного отношения к пришельцам и их эксплуатации и рабского суеверия во внешних впечатлениях. Остяки вообще скрытны, на откровенность их нельзя вызвать, да и не сумеет даже

при желании остяка быть откровенным всё по той же причине умственной неподвижности» [13, с. 83-84].

Современник А.А. Павлова учёный зоолог И.С. Поляков придерживался аналогичных воззрений относительно характера сибирских аборигенов: «не приученный обстоятельствами особенно много трудится, при малом труде получающий всё, остяк вышел кротким, миролюбивым, малоподвижным дикарём; при довольстве тем, что он имел, у него сложилась привычка уважать чужую собственность, которая сохранилась в нем и до нашего времени» [14, с. 66-67]. По замечаниям составителей этнографического сборника «Народы России», остяцкие мужчины «имеют вид пасмурный, смотрят исподлобья, а женщины – болезненный». Считалось, что остяки честны, добродушны; они «нрава тихого, скромны, услужливы и гостеприимны» [15, с. 472]. При этом положительные черты мужчин не проявлялись в отношении их женщин: «Остяк в юрте у себя целый день сидит, поджавши ноги, курит и жуёт табак, и глядит на огонёк, требуя только услуг от своей рабыни-жены. Кроме работ по домашнему хозяйству, остячки занимаются выделкою холста, шитьём, вязанием коллот дрова. И всё это делается ими беспрекословно, с полнейшею покорностью судьбе, которая будто обрекла их на это рабство с самой колыбели» [15, с. 475].

Близкие черты приданы и соседям остяков – вогулам в подобном же сборнике. Наряду с леностью, жестокостью и упрямством у них дополнительно отмечены весёлость и живость характера. Но, в целом, «Вогул молчалив, и на лице его редко можно подметить знаки удовольствия; даже во время танцев и возбуждения табаком и водкою его физиономия сохраняет своё спокойствие и угрюмость. В тоже время, вогул, в противоположность остяку и самоеду, почти никогда не жалуется ни на что; его сжатые губы, глубокий и мрачный взгляд резко выражают непреклонный характер» [16, с. 379-380]. Данные типичные суждения в основном относились к 70-80 гг. XIX в., но они были и в начале XX в. В докладе березовского пристава, которого командировали в 1913 г. на полуостров Ямал, отмечались этнические черты, связанные с жизненным укладом местных самоедов, – «их тяжёлый неподвижный характер» [17, л. 22]. Частичная парадоксальность утверждения вызвана кочевым способом жизни коренного населения, объективно противостоящим «неподвижности».

Наблюдатели считали, что социальные трансформации на Севере носили природный характер и были связаны с временами года. «Образ жизни остяков, столь близкий к природе, доказывает, что они жили во всей невинности нравов. Чуждые лукавства и обмана, ныне же причиною некоторого отступления их от прежних невинных нравов – русские поселенцы. Чем просвещённее народ, тем порочнее!» – признавал врач Франц Белявский [18, с. 73-74]. С одной стороны, данная позиция позволяла признавать коренных жителей недееспособными объектами для возможной опеки, с другой же, частично снимала социальную ответственность с самих цивилизаторов. Получалось, что действия последних были во многом обречены именно из-за природных «дикости» и «страстности» местных «детей природы».

Ещё одно объяснение было сведено к большим расстояниям и отсутствию транспортной доступности: «остяцкие селения разбросаны по обширной стране в больших расстояниях друг от друга, часть остяков кочует с места на место, церковей и священников, которые могли бы их просвещать очень мало, а школ, где бы они могли учиться, почти совсем нет. Поэтому остяки – народ совсем тёмный; между ними христианами, на деле остаются прежними язычниками (...)» [19, с. 22-23]. Применительно к сибирским «дикарям» предполагалось, что современная им цивилизация, провоцируя своеобразную «потерю невинности», в тоже время была способна привнести на окраины свет просвещения в церковном или светском вариантах. Возникающие аллюзии с библейскими сюжетами вполне закономерны. Реалии малонаселённой и малознакомой местности вынужденно регенерировали у путников архаические стереотипы. Но прежний культурный опыт далеко не всегда оказывался пригодным в новых условиях.

В 1869 г. чиновники разбирали случай о якобы насильственном крещении 87 человек самоедов. Священник Полноватской церкви Иоанн Дурыгин в рапорте в Тобольскую духовную консисторию разъяснял обстоятельства этого дела. Он привёл аргументы о добровольности

крещения и объяснил, как именно ему пришлось уговаривать аборигенов забрать назад кресты и иконы, возвращённые ими в полицейское управление г. Берёзова. Священник Дурыгин опровергал возможность насилия: «какой пастырь решится нарушить правила св. Церкви, св. отцов и положения высшего правительства окрестить насильно возмужалого самоеда, который как лесной житель, имея при себе ножи и прочее орудие для сохранения жизни от всякого зверья, легко мог бы против насилия пастыря вооружиться и нападающего на него пастыря лишить даже жизни» [20, с. 159].

Убеждая самоеда Алкапчу в необратимости уже произошедшего крещения, священник Дурыгин подчёркивал: «И наши предки христиане так же, как и вы, прежде были идолопоклонники и так же, как и вы жили незавидно, но когда, познав истинного Бога, приняли православную веру чрез св. крещение, то стали жить хорошо, и Господь Бог не стал их ни в чем оставлять, как своих детей. Ты видишь, Алкапчу, живут русские богато, от кого же это у них богатство? От Бога. Они хорошо добывают рыбу, кто же им даёт хорошие промыслы? Бог. Если и эти окрещённые самоеды твердо будут веровать в истинного Бога, живя в православной вере, то и они будут, как и наши предки русских вознаграждены от Него». Уговоры священника были поддержаны и окружным исправником Брамино. Тот привёл свои основания: «Прежде и я сам был неправославный, а еврей, по принятии же этой истинно православной веры через святое крещение, видите вы сами, Господь Бог удостоил меня быть над вами начальником. Почему же и вам, по призыву самого Бога, нежелательно перейти из худшего прежнего состояния в лучшее» [20, с. 160-161].

Ещё более последовательным прагматиком в вопросах веры оказался один из зырян-ижемцев, собеседник финского исследователя М. Кастрена. Весьма характерно, что он причислил этого путешественника к приверженцам татарской веры. По мнению зырянина, бог «отдал вместе со стадами и самих самоедов к нам в ученье. Теперь они наши слуги; когда же кончат ученье, сделаются настоящими православными христианами, Господь, наверное, възыщет и их своею благодатью, потому что възыскивает всякого, кто уповае на Него» [9]. Эта позиция не была случайной. Местный священник в конце XIX в. упрекал своих прихожан зырян, принявших крещение ранее вогулов, в том, что они «полны ещё духа гордости» [21, с. 40].

Неоднозначность такого миссионерского подхода и порочность поступков «культуртрегеров» из местных предпринимательских слоёв осознавалась большинством наблюдателей. По замечанию И.С. Полякова, по соседству с сибирским инородцем, «на его собственных владениях, совершается промышленность более развитого племени в громадных размерах, но по тем же первобытным приёмам, на хищнических основаниях» [14, с. 102]. Разумеется, что подобные отношения не могли продолжаться бесконечно. Постепенно, при совершении актов купли и продажи, коренное население стало руководствоваться экономическими интересами. В начале XX в. исследователь В. Павловский сокрушался: «Вогул из тихого миролюбивого и честного человека превратился в отъявленного мошенника, огрубел до невозможности. Теперь мы видим вогулов злыми, хитрыми, способными на всякую низость» [22, с. 21].

Столь резкая оценка северного этноса страдала откровенной предвзятостью. Она не получила значительного распространения. Напротив, наблюдатели акцентировали внимание на иных признаках. Доброжелательности и честности аборигенов, тем более тех, что приняли христианство, со временем начало придаваться самодовлеющее значение. В очерках К.Д. Носилова «На Новой Земле» были зафиксированы мифические рассказы аборигенов о видениях ими Святителя Николая и случаи предсказаний. При этом исследователь пришёл к поразительному выводу: «Кто знает, читатель, быть может, мы с вами, живя среди довольства, роскоши, родных, друзей, по самому содержанию нашей жизни, не можем читать тех заповедных страниц книги природы, которые открыты этим дикарям... Кто знает, читатель, быть может, эта чистая душа дикаря и его детство привлекают к нему того, кто всю жизнь приходил к погибающим и обремененным, и он приходит и теперь к тем, кто действительно предоставлен самому себе в этой суровой обстановке жизни, кто действительно способен верить и молиться. Как много мы ещё не знаем в природе. Но это ещё

ничего: досадно то, что мы так уверены в себе, так слепы ко всему подобному. И мы будем всегда такими, потому что не имеем такой чистой души, как этот дикарь, не умеем верить и молиться...» [23, с. 55].

Для Носилова отсутствовало лобовое противостояние между аборигенами с их наполовину языческими, наполовину христианскими представлениями и официальным православием. Подлинная вера означала свободное присутствие на территории чудес. «Станный народ, странная жизнь, странные верования, – размышлял он о религиозных представлениях коренных жителей Конды. – Но я думаю, что эта странность многое потеряет, если мы, отбросив свои предвзятые взгляды, просто заглянем глубже в нашу жизнь, взглянемся в некоторые странные случаи из нашей жизни, в которых нельзя не найти чего-то такого, что уже знакомо тем детям природы, которых мы называем дикарями.» [24, с. 23].

Укрепление веры в якобы неиспорченного «дикаря», живущего в его естественных природных просторах, вдали от греховной цивилизации, содействовало распространению новых стереотипных образов. Реабилитация этнических чужаков теперь происходила через их причисление к убогим, бедным (фактически – безгрешным) старикам, младенцам, к недееспособным маргиналам. Весьма характерна ремарка Ю. Слэзкина о воззрениях образованной публики, утвердившихся с начала XIX в.: «Невинная Природа породила невинных детей» [25, с. 95, 102-103]. Коренные народы Севера причислялись к слабым и беззащитным. Соответственно, они нуждались в опеке, их следовало радикально переделывать и воспитывать.

Это конструирование во многом ориентировалось на консервацию прежних устоев. Оно не было способно предложить реальных позитивных новаций. Не вполне корректные выводы в наблюдениях образованных путешественников оказались парадоксальными свидетельствами наличия устаревших компонентов, и в мировоззрении аборигенов, и образованных культуртрегеров. Конфликт между линейным временем, или временем прогресса, и старым циклическим временем вёл к признанию неполноценности их национального характера, а, следовательно, и самого существования аборигенов. По оценкам наблюдателей, их жизнь отличали неподвижность и незавершённость переходов в иные состояния. Считалось, что противоречия между современной цивилизацией и «дикарями» не препятствовали приобщению к Богу для последних, однако делали невозможным их равноправное существование в сфере прогресса.

Выводы. Результаты настоящего исследования выявили существование субъективных моментов в этнографических обзорах, дорожных и беллетристических очерках. В этих описаниях аборигенов использовались устойчивые клише. Их бытование – свидетельство присутствия в общественном сознании устойчивых стереотипов об окраинных северных народах. Ориентация на преимущественно прагматические основания оборачивалась для наблюдателей ментальным перемещением аборигенов, как объектов исследований, за границы «нормального» человеческого мира, в некое запредельное пространство, где их жизнь была якобы близка к животному состоянию. Такой функциональный подход к восприятию чужаков означал, что наблюдатели сами «переходили» из мира реальных людей в отвлечённые конструируемые образы.

В итоге происходили искажение обстоятельств жизни, мыслительная деонтологизация коренных народов, и даже фактическое отрицание их сущностного статуса [26, с. 81]. Изменяющиеся образы аборигенов не смогли покинуть свой прежний мифического массив и достичь принципиально новых соответствий с отображаемыми объектами. Этим провоцировались последующие кризисные явления в познании и в сфере межэтнических контактов. Данные обстоятельства максимально значимы для понимания государственной политики и проведения реформ на периферийных территориях, изучения генезиса и последующей исторической эволюции этнических стереотипов. Оптимальное направление дальнейших разработок в настоящем вопросе – последовательное выявление и историческая критика первоисточников о коренном населении Тобольского Севера.

Литература

1. Ершов М.Ф. Путешествия и межэтнические контакты на территории Югры в XIX – начале XX вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. М., Ханты-Мансийск, 2020. С. 204-213.
2. Ершов М.Ф. Социокультурные контакты иностранных путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 124-130.
3. Ершов М.Ф. Вне цивилизации: восприятие аборигенов Северо-Запада Сибири в XIX – начале XX в. // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история азиатских окраин России: сб. науч. ст. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2021. С. 201-210.
4. Августин Аврелий Творения. В 4-х т. Т. 3. О граде Божием. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. 595 с.
5. Липатов В. Конец света: Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. 2003. №9. С. 89-92.
6. Финш О. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема. М.: Тип-я М.Н. Лаврова, 1882. 573 с.
7. Дмитриев-Садовников Д.М. Вёрсты и строки. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 224 с.
8. Филимонов Ф. Стихотворения. I. Песни Сибиряка II. Шутки и пародии. СПб.: Тип-я А.С. Суворина, 1898. 208 с.
9. Кастрен М.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Лапландия, Карелия, Россия. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845-1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 251 с.
10. Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб.: Тип-я МВД, 1868. 156 с.
11. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 344 с.
12. Карьялайнен К.Ф. У остяков. Путевые записки // Сибирские вопросы. 1911. №32/33. С. 52-79.
13. Павлов А. 3000 вёрст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Изд-е И.И. Игнатова, 1878. 164 с.
14. Поляков И.С. Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 200 с.
15. Народы России. Этнографические очерки. Издание журнала «Природа и люди». СПб.: Тип-я т-ва «Общественная польза», 1880. 648 с.
16. Народы России. Этнографические очерки. Издание журнала «Природа и люди». СПб.: Тип-я т-ва «Общественная польза», 1878. 498 с.
17. ГУТО ГА в г. Тобольске (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). И-152. Ф. 40. Д. 341.
18. Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. 296 с.
19. Турский Д. Остяки. М.: Тип-я О-ва распространения полезных книг, 1898. 56 с.
20. Рапорт священника с. Полноватского И. Дурыгина в Тобольскую духовную консисторию о посещении Юильского городка // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 159-163.
21. Герасимов В. Освящение храма в с. Щекурьинском Березовского округа // Тобольские епархиальные ведомости. 1898. №2. С. 37-40.
22. Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-Литография Имп. ун-та, 1907. 220 с.
23. Носилов К.Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
24. Носилов К.Д. У вогулов. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
25. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
26. Смирнов С.В. Человек бессмысленный: апология деонтологизации // Научный журнал Nova Um.Ru. 2020. №25. С. 80-83.

References

1. Ershov, M.F. (2020). Puteshestviya i mezhetnicheskie kontakty na territorii Yugry v XIX – nachale XX vv. In *Ocherki istorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry*, Moscow, Khanty-Mansiisk, 204-213. (in Russ.).
2. Ershov, M.F. (2021). Sotsiokul'turnye kontakty inostrannykh puteshestvennikov na Tobol'skom Severe v XIX – nachale XX veka. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 31(1), 124-130. (in Russ.).
3. Ershov, M.F. (2021). Vne tsivilizatsii: vospriyatie aborigenov Severo-Zapada Sibiri v XIX – nachale XX v. In *Lyudi imperii – imperiya lyudei: personal'naya i institutsional'naya istoriya aziatskikh okrain Rossii: sb. nauch. st.*, Omsk, 201-210. (in Russ.).
4. Avgustin Avrelii Tvoreniya (1998). 3. O grade Bozhiem. St. Petersburg, Kiev. (in Russ.).
5. Lipatov, V. (2003). Konets sveta: Ural'skii kraj v fol'klore i literature. *Rodina*, (9), 89-92. (in Russ.).
6. Finsh, O. (1882). Puteshestvie v Zapadnyu Sibir' d-ra O. Finsha i A. Brema. Moscow. (in Russ.).

7. Dmitriev-Sadovnikov, D.M. (1998). Versty i stroki. Ekaterinburg. (in Russ.).
8. Filimonov, F. (1898). Stikhotvoreniya. I. Pesni Sibiryaka II. Shutki i parodii. St. Petersburg. (in Russ.).
9. Kastren, M.A. (1999). Sochineniya. In *1, Laplandiya, Kareliya, Rossiya. 2, Puteshestvie v Sibir' (1845-1849)*. Tyumen. (in Russ.).
10. Kuselevskii, Yu.I. (1868). Severnyi polyus i zemlya Yalmal. Putevye zapiski. St. Petersburg. (in Russ.).
11. Sirelius, U.T. (2001). Puteshestvie k khamtam. Tomsk. (in Russ.).
12. Kar'yalainen, K.F. (1911). U ostyakov. Putevye zapiski. *Sibirskie voprosy*, (32/33), 52-79. (in Russ.).
13. Pavlov, A. (1878). 3000 verst po rekam Zapadnoi Sibiri. Ocherki i zametki iz skitanii po beregam Tury, Tobola, Irtysha i Obi. Tyumen'. (in Russ.).
14. Polyakov, I.S. (2002). Pis'ma i otchety o puteshestvii v dolinu r. Obi, ispolnennom po porucheniyu Imperatorskoi Akademii nauk. Tyumen'. (in Russ.).
15. Narody Rossii (1880). Etnograficheskie ocherki. Izdanie zhurnala "Priroda i lyudi". St. Petersburg. (in Russ.).
16. Narody Rossii (1878). Etnograficheskie ocherki. Izdanie zhurnala "Priroda i lyudi". St. Petersburg. (in Russ.).
17. GUTO GA v g. Tobol'ske (Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske"). I-152. F. 40. D. 341.
18. Belyavskii, F. (2004). Poezdka k Ledovitomu moryu. Tyumen'. (in Russ.).
19. Turskii, D. (1898). Ostyaki. Moscow. (in Russ.).
20. Raport svyashchennika s. Polnovatskogo I. Durygina v Tobol'skuyu dukhovnuyu konsistoriyu o poseshchenii Yuil'skogo gorodka (2007). In *Pravoslavie na Ob'-Irtyskome Severe: materialy k istoriko-kul'turnomu atlasu*, Ekaterinburg, 159-163. (in Russ.).
21. Gerasimov, V. (1898). Osvyashchenie khrama v s. Shchekur'inskom Berezovskogo okruga. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (2), 37-40. (in Russ.).
22. Pavlovskii, V. (1907). Voguly. Kazan'. (in Russ.).
23. Nosilov, K.D. (1997). Na Novoi Zemle. Ocherki i nabroski. Tyumen'. (in Russ.).
24. Nosilov, K.D. (1997). U vogulov. Ocherki i nabroski. Tyumen'. (in Russ.).
25. Slezkin, Yu. (2008). Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa. Moscow. (in Russ.).
26. Smirnov, S.V. 2020. Chelovek bessmyslennyi: apologiya deontologizatsii. *Nauchnyi zhurnal Nova Um.Ru*, (25), 80-83. (in Russ.).

дата поступления: 08.02.2022

дата принятия: 15.04.2022

© Ершов М.Ф., 2022

УДК 947

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/07>

Задорожная О.А.

УЧАСТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВИНОКУРЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

Zadorozhnyaya O.A.

PARTICIPATION OF ENTREPRENEURIAL COMPANIES OF THE TOBOLSK PROVINCE IN THE DISTILLERY PRODUCTION (LATE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURIES)

Аннотация. Предпринимательские компании в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. формировались на основе традиционных и новых аспектов хозяйственно-экономического уклада. Предметом исследования стали предпринимательские компании в винокуренной промышленности Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. Цель статьи – выделить аспекты развития и деятельности винокуренных предприятий Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. При подготовке данной работы нами использовался метод моделирования, т. е. сбор полной информации и «создания» модели деятельности винокуренных предприятий отдельных предпринимательских компаний Тобольской губернии. Результаты исследования показывают процесс втягивания предпринимательских компаний в развитие промышленности по производству алкогольной продукции. Предпринимательские компании создавались, как правило, после объединения собственников промышленных предприятий, что заранее предопределяло как вид деятельности, так и направления развития. Уделяется внимание наиболее важным аспектам деятельности предприятий: численности рабочих, используемым системам оборудования, объемам произведенной продукции, характеристике наиболее выдающихся учредителей предпринимательских компаний и т. д.

Ключевые слова: винокурение, Тобольская губерния, завод, предпринимательская компания, промышленность, вино, пиво, дрожжи.

Сведения об авторе: Задорожная Ольга Анатольевна, ORCID: 0000-0002-1305-9728, канд. ист. наук, Сургутский государственный университет, zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Abstract. The entrepreneurial companies in the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries. were formed on the basis of traditional and new aspects of the economic structure. The subject of the study was the entrepreneurial companies of the Tobolsk province in the late XIX – early XX centuries. The purpose of the article is to highlight some aspects of the development and activities of distilleries in the Tobolsk province in the late XIX – early XX centuries). In preparing this work, we used the modeling method, i.e. collection of complete information and “construction” of the form of activity for the distilleries of individual entrepreneurial companies of the Tobolsk province. The results of the study show that the process of attracting entrepreneurial companies in the development of the alcohol industry. Entrepreneurial companies were created, as a rule, after the unification of the owners of industrial enterprises. Such an association predetermines the direction of entrepreneurial activity of capitalist associations, which does not always have a positive effect on the further development of production. Attention is paid to the most important aspects of the activities of enterprises: the number of workers, the equipment systems used, the volume of products produced, the characteristics of the most prominent founders of entrepreneurial companies and etc.

Keywords: distillery, Tobolsk province, plant, entrepreneurial company, industry, wine, beer, yeast.

About the author: Zadorozhnyaya Olga Anatolyevna, ORCID: 0000-0002-1305-9728, Ph.D., Surgut State University, zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Задорожная О.А. Участие предпринимательских компаний Тобольской губернии в винокуренном производстве (конец XIX - начало XX вв.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 49-55. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/07>

Zadorozhnyaya, O.A. (2022). Participation of Entrepreneurial Companies of the Tobolsk Province in the Distillery Production (Late XIX - Beginning of the XX Centuries). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 49-55. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/07>

Развитие капиталистических отношений в пореформенный период способствовало увеличению числа предприятий обрабатывающей промышленности на окраинных территориях

Российского государства, которые становились более привлекательными для инвестиций. Для винокуренной отрасли за Уралом были характерны как общие тенденции развития промышленного производства, так и специфические. В указанный период в Сибири, в том числе Тобольской губернии, стали открываться предприятия капиталистического типа или с чертами нового хозяйственно-экономического уклада. Однако в промышленном производстве сильны были традиции мелко-кустарного производства: преобладали объединения семейного типа. Распыление капитала по разным отраслям привело к тому, что не сложилась система конкуренции, хотя введение акциза и контроля исполнительной власти отразилось на данной отрасли. Появление предпринимательских компаний разной формы объединения многие исследователи объясняют желанием получения стабильной прибыли [1, с. 66]. Так, в изучаемый период большинство винокуренных предприятий за Уралом принадлежало предпринимательским компаниям и Торговым домам в форме полных товариществ.

Хотя государство не вмешивалось в производственный процесс, оно давало рекомендации по применению эффективных технологий по улучшению качества и количества выпускаемой продукции. Например, собственники должны были внедрить для обработки сырья технологию ректификации. В 1886 г. появились предписания о размещении винокуренных производств в специально построенных зданиях, так и в помещениях с отдельными выходами [2, с. 44-47]. По данным источников в изучаемый период в Западной Сибири ежегодно действовало от 40 до 43 заводов по производству алкоголя. В документах по Тобольской губернии на 1890 г. было указано 18 винокуренных предприятий, в 1914 г. – по 19 предприятий у разной категории собственников [3, с. 429-431; 4, с. 131, 248-249]. Нередко заявленные предприятия работали какой-либо сезон или вовсе простаивали, например, в 1891 г. 50% заводов было закрыто. Что касается производимой продукции, то в 1908 г. в губернии действовало 9 предприятий с общим объемом в 1 043 023 ведер 40⁰ спирта, 1914 г. – 1 205 767 ведер [5, с. 49; 6, с. 25, 67]. Отметим, что по данным статистических материалов в некоторые годы приходилось даже завозить алкогольную продукцию из других губерний.

Большое влияние на динамику появления предприятий винокуренной промышленности оказывала ситуация на общероссийском и региональном рынках. Интерес предпринимательских компаний к винокурению был не случаен, т. к. этот контролируемый сегмент рынка имел значительное число потребителей. Поэтому уже с 1880-х гг. наблюдалась тенденция к вытеснению мелких и средних производителей посредством «стачки» [7, с. 49]. Исследователь А.М. Мариупольский считает, что в «стачке» в Западной Сибири добровольно или «принудительно» вынуждали участвовать всех крупных собственников. Но результат был удовлетворительным: при временном сокращении производства на 30-45% были «вытеснены» мелкие производители. Отметим, что в процесс «стачки» в Тобольской губернии оказались втянутыми другие отрасли: транспорт, торговля хлебом, мукомольные предприятия и др. Среди положительных последствий «стачки» можно назвать: диверсификацию капитала большей части торговой прибыли в промышленность («Н-ки А.Ф. Поклевского-Козелл»), создание фонда оборотного капитала компаний (А. Щербаков и К^о), внедрение новых методов управления, вложение инвестиций в новые технологии или приемы организации производства, создание больших производственных комплексов и т. д. [8-15].

На 1912 г. в губернии было указано 21 винокуренное предприятие, из которых 4 принадлежало Министерству Финансов, 6 – частным производителям и 11 заводов, предпринимательских компаний разных форм объединения (табл. 1). Так, на 1912 г. компании владели 11 предприятиями в сфере винокурения производственной мощностью 234 л. с., на которых было занято около 644 постоянных рабочих с объемом производимой продукции на 1 165 494 руб.

В соответствии с российским законодательством с 1890 г. винокуренные предприятия делились на две группы в зависимости от применяемой технологии: с сельскохозяйственной и промышленной выкуркой. В Тобольской губернии только два предприятия (владелец – предпринимательская компания и частное лицо) в указанный период относились к группе

сельскохозяйственных заводов, т. е. предприятий, расположенных в сельской местности и использующих полностью или частично в качестве сырья собственную зерновую продукцию [16, с. 55-57]. Производственный цикл на винокуренном заводе компании «Наследники М.С. Хаймовича» длился около 125 дней в году, выпуская продукцию на 80 тыс. руб. На производстве постоянно было занято до 45 человек, в обязанности которых входили заготовка сырья, производство сырого и ратифицированного спирта. В начале XX в. наследнице винокуренного завода в небольших объемах удалось организовать поставку продукции за границу [17, с. 73-74].

Таблица 1

**Винокуренные предприятия предпринимательских компаний
Тобольской губернии на 1912 г. [5, с. 248-250]**

<i>компания</i>	<i>завод</i>	<i>местоположения</i>	<i>продукция</i>	<i>годовое произ-во</i>	<i>мощность двигателя</i>	<i>число рабочих</i>
Братья Злокозовы	Петропавловский винокуренный з-д №7	с. Заводо- Петровское, Ялуторовский у.	сырой и очищенный спирт	158130	25	153
Наследники А.Ф. Поклевского- Козелл	Падунский винокуренный з-д №6	д. Падун Ялуторовский у.	сырой и очищенный спирт	291155	16	102
Наследники А.Ф. Поклевского- Козелл	Дрожжево- винокуренный з-д	Омск, городской выгон	сырой и очищенный спирт	48708	25	20
Наследники Д.И. Смолина	Пиво-медоваренный з-д №3	Курган, заимка	пиво	86852	3	58
Наследники Д.И. Смолина	Федоровский винокуренно- рефтикационный з-д №3	Курган, за городской чертой	сырой и очищенный спирт	225000	40	108
Торговый Дом «А.А. Сыромятников»	Николаевский винокуренный з-д №8	Вершинское предместье, Тобольск	спирт	72189	35	52
Торговый Дом «А.А. Сыромятников»	Тобольский пивоваренный з-д №6	Тобольск	пиво	22692	8	23
Н. Тартаковский и Компания	Баборымский дрожжево- винокуренный з-д	Тюмень	сырой спирт, солод, дрожжи	14777	15	10
Наследники М.С. Хаймовича	Дмитриевский сельскохозяйственн о-винокуренный з-д №2	хутор Марфушино, Омск	сырой и очищенный спирт	70671	16	20
Сибирское торгово- промышленное тов-во Щербаков и Компания	Тарский винокуренный завод №10 и лесопильня	Тара	сырой и очищенный спирт, лесопильны й материал	143760	50	88
Ядрышников Г.П.	Пивоваренный з-д №11	Тюмень	спирт	31560	1	10

* Два предприятия расположены были вне пределов Тобольской губернии, но продукция производилась для данной территории и заводы принадлежали местным компаниям.

Традиционно в Тобольской губернии для винокурения использовались ржаная мука и сухой солод, что было особенно выгодным для компаний, владеющих мукомольным производством. Тобольский купец А.А. Сыромятников в качестве сырья применял отходы собственной крупчатой мельницы, для которой он закупал зерно в сельской местности и частично выращивал сам [18, с.

105-106]. В Вершининском предместье Тобольска размещался комплекс промышленных предприятий компании Сыромятниковых: винокурня, паровая мельница для перемола зерна, бочарня, складские и хозяйственные здания. Производственный комплекс располагал жилыми помещениями, включающими: усадьбу управляющего, два дома для семейных рабочих и казармы для сезонных работников. На винокуренном производстве компаний «Н-ки Смолина», «Поклевского-Козелл Н-ки», «Тартаковский и К^о» и одном заводе Торгового дома «А.А. Сыромятникова» использовали два вида сырья – картофель и зерно. В начале XX в. усложнилась процедура оформления разрешений на работу винокуренных предприятий из-за обязательного применения очистки сырья холодным способом в соответствии с рекомендациями Министра Финансов, Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием.

Интенсивность вводимых изменений приводила к тому, что компании, не располагая свободными средствами, закрывали или сдавали в аренду промышленные предприятия. Например, на несколько лет был сдан в аренду Пиво-медоваренный завод №3 компании «Н-ки Смолина» предпринимателю В.А. Гамплу, Николаевский завод №8 Торгового Дома Сыромятниковых – А.Г. Фильберту и т. д. К обязательным рекомендациям центральных органов добавились требования местной исполнительной власти, например, об ограничении или полной замене вида топлива на производстве из-за нанесения ущерба окружающей среде. Власти пытались ограничить сброс отходов производства в реки (барда), в овраги или за населенными пунктами (навоз). В изучаемый период были установлены допустимые объемы выкурки для предприятий, которые не могли превышать 5 тыс. ведер спирта в 40^о. В Тобольских и Томских губерниях, Семипалатинской области устанавливались ежегодные нормы производства для предприятий разных форм собственности.

Местное законодательство пыталось, таким образом, ограничить уничтожение лесных запасов в регионе, удерживать стабильные цены на зерновую продукцию, перераспределить размещение промышленности в регионе, противостоять монопольным объединениям. Это привело к тому, что винокурение становилось одним из производств предпринимательских компаний: на Баборымский заводе стали изготавливать дрожжи, солод, при Тарском винокуренном заводе №10 была открыта лесопильня и т. д. [19]. Некоторым поощрением было то, что предприятия, соблюдающие все нормативные требования, могли увеличить выкурку продукции для свободной продажи.

Длительный период власти не обращали внимание на оборудование предприятий по производству алкоголя, но в конце XIX в. появилась рекомендация по использованию аппаратов системы «Барбе и Гильома», производительность которых составляла около 90%, т. к. у используемых аппаратов Савалья – 65%. Отсутствие свободных денежных средств, нестабильность самой законодательной системы, традиционные методы хозяйствования приводили к тому, что производители стремились сочетать разные системы и не всегда рекомендуемые. По данным источников, в Томской и Тобольской губерниях 19 предпринимательских компаний использовали 32 аппарата разных фирм: 11 – фирмы Саваль, 7 – Мюллер, 5 – Дангауэр, 3 – Барбе, 2 – Гербст и по 1 приходилось на Борман, Пфора, Визер. По данным источников в Тобольской губернии на 1911-1912 гг. 11 предпринимательских компаний эксплуатировали аппараты следующих фирм: «Саваль», «Дангауэр и Кайзера», «Раузера Вибера и К», «Гербст», «Мюллер, Фугельзанг и К», «Борман, Шведе и К». Так, аппараты «Саваль» не использовали только 4 компании, а рекомендованные аппараты «Барбе и Гильома» вообще не упоминались [4; 20].

Переход капитала из торговой сферы в промышленную способствовал тому, что сбытом собственной продукции занимались сами производители. Так, на 1890 г. владельцам винокуренных предприятий принадлежало 15 складов для винокуренной продукции и 233 питейных заведения в Тобольской, Томской, Челябинской губерниях, Омской, Акмолинской, Семипалатинской областях. При этом, крупные производители оговаривали объемы продаваемой продукции, например, партией не менее 5-6 тысяч ведер и т. п. Это было удобно, т. к. производитель заранее находил потребителя через старые деловые контакты, но, с другой стороны, это отвлекало от основного производства. Но продукция для свободной продажи могла «появиться» только после выполнения

поставок на казенные склады. Отметим, что на предпринимательские компании в 1910-е гг. приходилось более 16% произведенной продукции в регионе, но основным производителем оставались казенные предприятия (табл. 2). Первенство по производству винокуренной продукции принадлежало компании «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл» которая произвела продукции в 1910 г. на 244 тыс., в 1912 г. на 291155 руб., т. е. производство увеличилось на 19,3%.

Отметим, что производительность труда на предприятиях предпринимательских компаний на одного рабочего составляла 1809 руб. 77 коп., в то время как у частных производителей – 1728 руб. 30 коп. [3, с. 248-250].

Таблица 2

Объем произведенной продукции винокуренной промышленностью Тобольской губернии на 1912 г.

<i>владельцы</i>	<i>произведено продукции (руб.)</i>	<i>процент</i>
частные производители	312 823	4,4
предпринимательские компании	1 165 494	16,3
заводы Министерства Финансов	5 657 383	79,3
всего	7 135 700	100

Во многом размеры прибыли, активность предпринимательской компании на рынке зависели от внутренней организации, а не только от производственных мощностей. В товариществе «Н. Тартаковский и Ко» обязанности распорядителя и управляющего всеми предприятиями выполнял учредитель – Тартаковский, остальные члены компании занимались заготовкой сырья, руководством отдельными операциями, поставками продукции заказчику и т. д. Компанией «Наследники Смолина» руководил сам Смолин, который сначала был компаньоном своего тестя Шишкина, а затем главным наследником.

В товариществе «А. Щербаков и Ко» сначала появился винокуренный завод по производству водки, а затем рядом была открыта лесопилка и пристань для собственного парохозяйства. Водочный завод уже в первое время работы производил продукции на 365 тыс. руб. в год. Общий объем изготавливаемого алкоголя постепенно увеличивался, что можно проследить по динамике производства приходящегося на одного рабочего: 698 руб. 36 коп. в 1897 г., 1386 руб. 63 коп. в 1908 г., 1633 руб. 63 коп. в 1912 году. Отметим, что на заводе в основном производили очищенный спирт из зерна и сырой спирт из картофеля. Для увеличения объемов продукции на винокуренном предприятии и лесопильне стали использовать паровой двигатель мощностью в 50 л. с.

Длительный период в винокуренной промышленности преуспевали тюменские предприниматели польского происхождения Поклевские-Козелл. Отметим, что А.Ф. Поклевский-Козелл состоял учредителем, полным товарищем или вкладчиком предпринимательских компаний: в винокурении – Товарищество по продаже вина, в речных перевозках «А.Ф. Поклевский-Козелл и компания [21, с. 83]. После выхода в отставку Поклевский-Козелл вложил значительную часть накопленного капитала в винокуренную промышленность. В 1860-е гг. он арендовал казенные: Екатеринбургский, Успенский заводы, что не оправдало его планов. Поэтому в дальнейшем предприниматель стремился эксплуатировать только собственные предприятия, например, организация посменной работы в трехэтажном корпусе Падунского завода позволила довести объем производимой продукции до 800 тыс. ведер в год. Затем были открыты Семипалатинский винокуренный завод, Омский водочный завод, винокуренный завод в Туринском округе, винокуренные заводы в селах Талицком и Щадринском. Эти предприятия были меньшими как по занимаемой площади, так и объемам производимой продукции по сравнению с Падунским заводом. Однако создание предприятий в разных населенных пунктах Западной Сибири расширяло возможности рынка сбыта и удешевляло труд наемных работников. Вторым важным шагом стало создание разветвленной сети для сбыта произведенной продукции, которая включала 35 оптовых складов вина и спирта, 7 водочных магазинов, 93 кабака и т. д. К началу XX в. компания «Н-ки А.Ф. Поклевского-Козелл» носила семейный характер и объединяла родственников, которые контролировали различные сферы предпринимательской деятельности. Распыление средств по

разным отраслям, вовлеченность в конкурентную борьбу, традиционные методы хозяйствования, ужесточение предпринимательского законодательства приводило к постепенному сокращению объемов производства, закрытию или «потере» промышленных предприятий [22, с. 23-24; 23, с.

34].

Таким образом, интенсивное развитие промышленного производства, в том числе винокуренного, во многом обусловлено изменением хозяйственно-экономических условий в Тобольской губернии. С одной стороны, предпринимательские компании чувствовали себя в деловом мире Западной Сибири более выгодно по сравнению с частными собственниками, т. к. имели объединенный капитал, возможности для применения новых технологий и оборудования, использования административного ресурса. С другой стороны, отсутствие традиции объединять чужой капитал вызывало к этому процессу осторожное или порой предвзятое отношение и приводило к конфликтам между компаньонами, многие из которых такое положение рассматривали как временное. Государство как крупный регулирующий институт стремилось оказать посильную помощь в выделении выгодных подрядов, оказании финансов, выступало в роли арбитра между потребителями и производителями, что повышало доходность производства на время. Но покровительство ограничивало возможности для маневра предпринимательских компаний, формирования у корпораций капиталистической тактики поведения в деловом мире [24]. Оказывая помощь, государство стремилось создать «цивилизованный» деловой мир, который должен жить по правилам нового хозяйственно-экономического уклада. В Тобольской губернии появился капитал из других регионов, например, из Урала компании братьев Злоказовых, Чердынцевых и др. В начале XX в. склады алкогольной продукции полностью находились под контролем государства, в которых рекомендовалось иметь фильтры «Минутка» из Риги, печати системы Комарова, машину «Экономия» для наклеивания этикеток, транспортеры системы Панфилова для раскупоривания бутылок резиновые колотушки системы Комарова и т. д. Подобная «забота» о развитии винокуренного производства отрицательно сказывалась на развитии не только промышленного производства, но и на политике предпринимательских компаний [25, с. 34].

Литература

1. Развитие винной монополии в Томской губернии с Семипалатинской областью в связи с винной монополией в Сибири. Томск: Сибирский Печатный дом К.А. Колокольникова, 1914. 220 с.
2. Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 5. 328 с.
3. Список винокуренных заводов Российской империи с указанием их характера, размеров производства и условий сбыта вина. СПб.: Типография Киришбаума, 1890. 470 с.
4. Список фабрик и заводов Российской империи со включением Сибири, Средней Азии и Кавказа. СПб.: Изд. Типография В.Ф. Киришбаума, 1912. 720 с.
5. Адресная книга винокуренных, дрожжево-винокуренных и спиртоочистительных заводов Российской империи. СПб.: Реклама, 1911. 302 с.
6. Статистика производств, облагаемых акцизом за 1908 г. с предварительными данными за 1909 г. СПб., 1910. 373 с.
7. Статистический сборник за 1913-1917 гг. М., 1921. Вып. 1. 275 с.
8. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863-1902 гг.). Бийск: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2000. 158 с.
9. Обзор Тобольской губернии за 1892 г. Тобольск: Типография губернского правления, 1893. 52 с.
10. Обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск: Типография губернского правления, 1898. 94 с.
11. Обзор Тобольской губернии за 1898 г. Тобольск: Типография губернского правления, 1900. 115 с.
12. Обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск: Типография губернского управления, 1900. 126 с.
13. Обзор Тобольской губернии за 1902 г. Тобольск: Губернская типография, 1903. 108 с.
14. Обзор Тобольской губернии за 1903 г. Тобольск: Губернская типография, 1903. 122 с.
15. Обзор Тобольской губернии за 1904 г. Тобольск: Губернская типография, 1905. 89 с.
16. Обзор Тобольской губернии за 1905 г. Тобольск: Губернская типография, 1906. 96 с.
17. Свод законов Российской империи. СПб., 1901. Т. 5. 364 с.
18. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: РИПЭЛ, 1998. Т. 4. Кн. 2. 129 с.
19. Юшков И.Н. Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1876. №50. 9 с.

20. РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1015.
21. Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи. СПб.: Центр. стат. ком., 1882. 264 с.
22. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. Кн. 2. 184 с.
23. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: РИПЭЛ-плюс, 1997. Т. 3. Кн. 3. 122 с.
24. Фридман М.И. Винная монополия. СПб.: Правда, 1916. 628 с.
25. Второе дополнение к Алфавитному указателю совершеннолетних лиц и товариществ, ограниченных в правоспособности с 1 июля по 1 января 1913 г. М., 1914. 113 с.

References

1. Razvitiye vinnoi monopolii v Tomskoi gubernii s Semipalatinskii oblast'yu v svyazi s vinnoi monopoliei v Sibiri (1914). Tomsk. (in Russ.).
2. Svod zakonov Rossiiskoi imperii (1893). St. Petersburg, 5. (in Russ.).
3. Spisok vinokurenykh zavodov Rossiiskoi imperii s ukazaniem ikh kharaktera, razmerov proizvodstva i uslovii sbyta vina (1890). St. Petersburg. (in Russ.).
4. Spisok f(in Russ.).abrik i zavodov Rossiiskoi imperii so vklyucheniem Sibiri, Srednei Azii i Kavkaza (1912). St. Petersburg. (in Russ.).
5. Adresnaya kniga vinokurenykh, drozhzhevo-vinokurenykh i spirtoochistitel'nykh zavodov Rossiiskoi imperii (1911). St. Petersburg. (in Russ.).
6. Statistika proizvodstv, obлагаemykh aktsizom za 1908 g. s predvaritel'nymi dannymi za 1909 g. (1910). St. Petersburg. (in Russ.).
7. Statisticheskii sbornik za 1913-1917 gg. (1921). Moscow. (in Russ.).
8. Mariupol'skii, A.M. Vinokurenii i vinotorgovlya Zapadnoi Sibiri v period deistviya aktsiznoi sistemy (1863-1902 gg.) (2000). Biisk. (in Russ.).
9. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1892 g. (1893). Tobol'sk. (in Russ.).
10. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1897 g. (1898). Tobol'sk. (in Russ.).
11. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1898 g. (1900). Tobol'sk. (in Russ.).
12. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1899 g. (1900). Tobol'sk. (in Russ.).
13. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1902 g. (1903). Tobol'sk. (in Russ.).
14. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1903 g. (1903). Tobol'sk. (in Russ.).
15. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1904 g. (1905). Tobol'sk. (in Russ.).
16. Obzor Tobol'skoi gubernii za 1905 g. (1906). Tobol'sk. (in Russ.).
17. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. (1901). St. Petersburg. (in Russ.).
18. Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri (1998). Novosibirsk. (in Russ.).
19. Yushkov, I.N. (1876). Kratkii ocherk promyshlennosti i trgovli v Tobol'skoi gubernii. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, (50), 9. (in Russ.).
20. РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1015.
21. Materialy dlya statistiki parovykh dvigatelei v Rossiiskoi imperii (1882). St. Petersburg. (in Russ.).
22. Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri (1995). Novosibirsk. (in Russ.).
23. Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri (1997). Novosibirsk. (in Russ.).
24. Fridman, M.I. (1916). Vinnaya monopoliya. St. Petersburg. (in Russ.).
25. Vtoroe dopolnenie k Alfavitnomu ukazatelyu sovershennoletnikh lits i tovarishchestv, ogranichennykh v pravospobnosti s 1 iyulya po 1 yanvarya 1913 g. (1914). Moscow. (in Russ.).

дата поступления: 12.01.2022

дата принятия: 27.03.2022

© Задорожная О.А., 2022

УДК 930

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/08>

Шаяхметова И.З.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В 1870-1919 гг.***Shayakhmetova I.Z.***PUBLIC SAFETY IN THE ACTIVITIES OF THE MUNICIPAL AUTHORITIES
OF THE S SOUTHERN URALS IN 1870-1919**

Аннотация. Статья посвящена вопросам общественной безопасности в практической деятельности городских дум и временных комитетов общественных организаций. В 1870-1919 гг. мероприятия органов городского самоуправления сводились к введению квартирного налога с целью учета граждан – нанимателей квартир, обеспечению надзора за всеми гражданами для предотвращения распространения революционного движения, особенно после 1905 г. Образование городских дум связано с постоянным наблюдением и патронатом над этим процессом со стороны министерства внутренних дел. Нормативные акты, регламентирующие формирование и функционирование органов самоуправления в городах, были составлены и изданы министерством внутренних дел. Городовыми положениями 1870 г. и 1892 г. были четко обозначены состав избирателей, полномочия городского головы и его товарищей, функции городских управ. Городские думы были призваны стать опорой государственной власти на местах наряду с губернаторским управлением. Однако в результате вместо этого органы городского самоуправления стали оппозиционными губернаторской власти. Весь период своего существования городские думы находились в постоянной конфронтации с администрациями губернаторов. Содержание практической деятельности органов городского самоуправления в городах отражало повседневные проблемы граждан: жилищное строительство, текущий ремонт, дорожное строительство, вопросы санитарии и здравоохранения, народного образования и культуры, соблюдение общественной безопасности. Временные комитеты общественных организаций, сформированные после Февраля 1917 г., должны были стать переходными органами самоуправления: от дореволюционных городских дум к постреволюционным. Их главной задачей была организация выборов на местах в новые думы. Однако их практическая деятельность была полностью сосредоточена на обеспечении общественной безопасности.

Ключевые слова: городское самоуправление, городские думы, временные комитеты общественных организаций.

Сведения об авторах: Шаяхметова Ирина Зуфаровна, канд. ист. наук, Центр развития талантов «Аврора», г. Уфа, Россия, irina_shayakhmetova@mail.ru

Abstract. the article is devoted to the issues of public safety in the practical activities of the city dumas and temporary committees of public organizations. In 1870-1919, the activities of the city self-government bodies were reduced to the introduction of the apartment tax in order to take into account the citizens – tenants of apartments, to ensure supervision of all citizens to prevent the spread of the revolutionary movement, especially after 1905. The formation of city dumas is associated with the constant supervision and patronage of this process by the ministry of internal affairs. Normative acts regulating the formation and functioning of self-government bodies in cities were drawn up and issued by the ministry of internal affairs. The city regulations of 1870 and 1892 clearly defined the composition of voters, the powers of the mayor and his comrades, the functions of city councils. The city дума was called upon to become a pillar of state power on the ground along with the governor's office. However, as a result, instead, the municipal governments became oppositional to the governor's power. The entire period of its existence, the city дума was in constant confrontation with the administrations of governors. The content of the practical activities of municipal governments in the cities reflected the everyday problems of citizens: housing, maintenance, road construction, sanitation and health, public education and culture, public safety. The provisional committees of public organizations formed after February 1917 were to become transitional bodies of self-government: from pre-revolutionary city dumas to post-revolutionary ones. Their main task was to organize local elections to the new дума. However, their practical activities were fully focused on public security.

Keywords: city self-government, city дума, temporary committees of public organizations.

About the author: Shayakhmetova Irina Zufarovna, Talent Development Center "Aurora" The East economic-law humanitarian academy, Ufa, Russia, irina_shayakhmetova@mail.ru

Шаяхметова И.З. Общественная безопасность в деятельности органов городского самоуправления Южного Урала в 1870-1919 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. №2(58). С. 56-60. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/08>

Shayakhmetova, I.Z. (2022). Public Safety in the Activities of the Municipal Authorities of the s Southern Urals in 1870-1919. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 56-60. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/08>

В настоящее время в Российской Федерации продолжается осуществление реформы местного самоуправления. Его составной частью является деятельность по обеспечению общественной безопасности. Для успешного реформирования местного самоуправления необходимо учитывать наследие прошлого: становление и эволюцию органов местного самоуправления.

Проведение городской реформы 1870 г. предусматривалось, прежде всего, в губернских и областных центрах, в остальных городах ее предполагалось реализовывать постепенно, с учетом местных условий, по усмотрению министра внутренних дел [1, с. 244-245]. На Южном Урале в первую очередь реформа началась в административных центрах губерний: Уфе и Оренбурге. Уфимская городская дума приступила к работе в декабре 1870 г., Оренбургская – в апреле 1871 г.

В Уфимской губернии городские думы были образованы в 6 городах, включая Уфу и 5 уездных городов, с 1870 по 1874 гг. В Оренбургской губернии – в 5 городах, включая Оренбург и 4 уездных города, с 1870 по 1872 гг.

Для надзора за деятельностью городских дум и управ в каждой губернии Городовым положением 1870 г. создавалось губернское по городским делам присутствие из чиновников под председательством губернатора. В функции этого подразделения входила реализация городской реформы 1870 г., а также рассмотрение жалоб на городские органы самоуправления. По сути, под надзором губернского по городским делам присутствия находилась вся хозяйственная и социальная деятельность городского самоуправления, в том числе и обеспечение общественной безопасности. Так, уфимский губернатор Н.П. Щепкин пытался исправить недостатки в губернии, в том числе и в деятельности Уфимской городской думы и управы, обнаруженные сенатской ревизией М.Е. Ковалевского в 1881 г. Результаты ревизии вскрыли серьезные злоупотребления служебным положением чиновников. Ревизия положила конец хищническим расхищениям башкирских земель и их льготной продаже. 30 марта 1881 г. в отставку был отправлен военный генерал – губернатор Н.А. Крыжановский, а 12 июля 1881 г. было ликвидировано Оренбургское генерал – губернаторство [3].

В связи с противодействием деятельности Н.П. Щепкина со стороны уфимского дворянства и администрации, а также прямых доносов на этого губернатора, он был вынужден оставить Уфимскую губернию, и был определен на службу губернатором Архангельской губернии. На его место был назначен П.А. Полторацкий [7]. Его попытки навести порядок в губернии также не увенчались успехом. П.А. Полторацкий вынес ходатайство министру внутренних дел об оказании содействия в преодолении кризиса в деятельности местных учреждений Уфимской губернии. В результате министерство внутренних дел 22 июня 1883 г. разослало циркуляр с предписанием губернаторам Российской империи представить свои соображения по вопросам местных учреждений в Уфимской губернии. Однако и П.А. Полторацкий, не найдя поддержки со стороны местного дворянства и Уфимской городской думы, был вынужден подать в отставку. В 1889 г. он был назначен казанским губернатором [8].

Задолго до введения Городового положения 1892 г. обсуждался вопрос о введении квартирного налога с целью распространения избирательного права на ту часть горожан, которая не имела недвижимого имущества и не была занята торгово-промышленной деятельностью. Эти граждане условно именовались «наниматели квартир». К ним были отнесены разночинцы, врачи, преподаватели, юристы, представители творческой и технической интеллигенции, а также дворяне, переселившиеся в города для несения противниками включения в состав избирателей «нанимателей

квартир» завершилась решением Государственного совета. Города получили право ходатайствовать перед правительством о включении этой категории населения в состав избирателей гласных городских дум, но положительное решение по этому вопросу могло быть только после введения в этом городе квартирного налога и с согласия министра внутренних дел. Так, 28 ноября 1900 г. Троицкая городская дума вынесла определение о признании избранными в гласные думы по квартирному налогу 10 граждан, в том числе 2 мусульман [9].

В целом попытки введение квартирного налога были связаны не столько с расширением базы избирателей в органы городского самоуправления, сколько с попытками властей установить контроль и учет над гражданами страны в период распространения революционного движения и радикальных идей.

Реформы 1860–1870 гг. не приостановили тенденции роста бюрократического аппарата в стране, начавшейся в первой половине XIX века [11, с. 489]. Блокируя активность общественности в управлении, власть оказалась перед необходимостью осуществления преобразований лишь сверху с помощью чиновничьего аппарата. Это выявило проблему острой нехватки квалифицированных кадров, особенно в местном управлении [5, с. 272]. Например, в Уфимской губернии с 1865 по 1917 гг. сменилось 14 губернаторов. Все они были потомственными дворянами, имели военный или гражданский чин 4-го класса. В частых перемещениях губернаторов из губернии в губернию правительство усматривало противодействие коррупции и более слаженной работы государственного аппарата: чиновники приобретали управленческий опыт, не успевали обзавестись связями, что служило определенным препятствием распространению взяточничества. Министерство внутренних дел, несшее ответственность за кадровую политику, было заинтересовано в способных грамотных чиновниках, подготовленных к исполнению службы всей предшествующей деятельностью. Ни один из вице-губернаторов не стал впоследствии губернатором по месту своей службы.

Заметный рост численности чиновников в 1880–1913 гг. по сравнению с 1857–1880 гг. был связан с попытками Александра III и Николая II укрепить роль государственного управления [6, с. 202]. Курс контрреформ, борьба с распространением революционного движения требовали усиления бюрократии, особенно полиции, численность которой превышала даже численность чиновников.

Со второй половины 1850-х гг. и особенно после введения земств и городских дум, по мнению ряда исследователей, деятельность местной коронной администрации находилась в определенной степени под контролем со стороны органов общественного самоуправления [12, с. 185–189].

В 1905–1907 гг. усилился надзор губернаторов над органами городского самоуправления. В этот период на губернаторов были возложены «общий надзор за правильным производством выборов», право «приостанавливать собственной властью действие общества» и т.п. [4, с. 5]. Так, 28 мая 1903 г. уфимским губернатором был назначен И.Н. Соколовский, сменивший Н.М. Богдановича [3]. Его назначение было связано с распространением революционного движения в Уфимской губернии. В целом новый губернатор сумел наладить противодействие движению, опираясь на Общее учреждение губернское, по которому при назначении или перемещении служащего с должности на должность губернатор мог выразить несогласие, если признавал это лицо неблагонадежным [4, с. 5]. За период 1905–1907 гг. на посту уфимского губернатора сменилось 3 чиновника: И.Н. Соколовский, Б.П. Цехановский и А.С. Ключарев. Революция 1905–1907 гг. вынудила министерство внутренних дел производить частую ротацию кадров. В условиях нехватки управленческих кадров в губерниях министерство внутренних дел выводит на первые роли лиц второго плана, преданных и проявивших организаторские способности в деле противодействия революции.

После Февральской революции 1917 г. были организованы выборные временные комитеты общественных организаций, в состав которых вошли гласные городских дум [2, с. 333]. Эти организации были призваны стать органами общественного управления переходного периода. Одной из функций городских дум в 1918–1919 гг. была организация эвакуации населения,

оборудования и частично коммуникаций (например, телефона) в период Гражданской войны. При этом перед органами городского самоуправления стояла задача сохранения порядка и общественного спокойствия. Например, в Челябинске был создан временный комитет в составе гласных городской думы, представителей общественных, профессиональных, кооперативных организаций и представителей квартальных старост [10, л. 32, 27–28, 65]. Основной задачей этого комитета было соблюдение безопасности населения Челябинска в переходный период.

В целом обширная территория Южного Урала, распространение революционного движения в крае актуализировали вопросы общественной безопасности в деятельности органов городского самоуправления. Надзор за гражданами, особенно неблагонадежными, противодействие усилению радикальных настроений в обществе было основным содержанием работы городских дум и выборных временных комитетов общественных организаций в 1870–1919 гг., особенно в период Гражданской войны.

Литература

1. Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Урале во второй половине XIX – начале XX века // Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2003. С. 244–245.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
3. Кантимирова Р.И. Основные направления деятельности уфимского губернатора П.А. Полторацкого // Государственное и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект: Сборник научных трудов. Уфа, 2013. С. 69–91.
4. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2003. 292 с.
5. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1993. 320 с.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 583 с.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 248.
8. НАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 478.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-160. Оп. 1. Д. 9.
10. ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 131. Л. 32, 27–28, 65.
11. Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империей (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
12. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991.

References

1. Apkarimova, E.Yu. (2003). *Gorodskoe samoupravlenie na Urale vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka*. In *Sel'skoe i gorodskoe samoupravlenie na Urale v XVIII – nachale XX veka*, Moscow. 244–245. (in Russ.).
2. Eroshkin, N.P. (1968). *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii*. Moscow. (in Russ.).
3. Kantimirova, R.I. (2013). *Osnovnye napravleniya deyatelnosti ufimskogo gubernatora P.A. Poltoratskogo*. In *Gosudarstvennoe i mestnoe samoupravlenie na Yuzhnom Urale (XVIII – nachalo XX vv.): personal'no-biograficheskii aspekt: Sbornik nauchnykh trudov*, Ufa, 69–91. (in Russ.).
4. Lyubichankovskii, S.V. (2003). *Gubernskoe pravlenie v sisteme gubernatorskoi vlasti v poslednee desyatiletie sushchestvovaniya Rossiiskoi imperii (na materialakh Urala)*. Ekaterinburg. (in Russ.).
5. Medushevskii, A.N. (1993). *Utverzhenie absol'yutizma v Rossii. Sravnitel'noe istoricheskoe issledovanie*. Moscow. (in Russ.).
6. Mironov, B.N. (1999). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. Genезis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. St. Petersburg. (in Russ.).
7. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NARB). F. 9. Op. 1. D. 248.
8. NARB. F. 11. Op. 1. D. 478.
9. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO). F. I-160. Op. 1. D. 9.
10. OGACHO. F. 596. Op. 1. D. 131. L. 32, 27–28, 65.

11. Remnev, A.V. (2010). Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiiskoi imperiei (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Moscow. (in Russ.).

12. Shumilov, M.M. (1991). Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX veka. Moscow. (in Russ.).

дата поступления: 18.01.2022

дата принятия: 12.03.2022

© Шаяхметова И.З., 2022

УДК 94(47)

https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/09

Цимцба А.Л.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА НА КАВКАЗЕ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДЕЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ АБХАЗОВ

Tsimtsba A.L.

THE ESTABLISHMENT OF THE SOCIETY FOR THE RESTORATION OF ORTHODOX CHRISTIANITY IN THE CAUCASUS AND ITS ACTIVITIES IN THE EDUCATION OF THE ABKHAZIAN

Аннотация. События середины 60-х годов XIX столетия для народов Кавказа во многих отношениях становятся поворотными. Происходят коренные изменения социально-политической и культурной жизни края. Все это было обусловлено как энергичными действиями Российского правительства, так и изменениями происходившими в среде кавказских народов. С включением Кавказа в состав Российской империи возникла необходимость модификации действий самодержавия в этом регионе. Используя различные «рычаги», царизм целенаправленно реализовывал свои основные задачи в регионе – распространение в крае православия и формирование среди кавказских народов имперской идентичности и сознания. Важнейшими элементами подобной цивилизаторской политики России становятся светская школа и просветительство. Абхазия, расположенная в северо-западной части Кавказа, занимает важное стратегическое положение. С включением Абхазии в состав Российской империи, царизм на протяжении всего XIX и начала XX веков стремился привлечь в первую очередь местную элиту в общероссийское культурное пространство. Царская администрация стремилась создать в крае прочную систему управления, которую без привлечения в аппарат управления грамотных чиновников из числа местного населения, знающих обычаи, быт, знакомых со здешними условиями жизни, невозможно было бы организовать. Правительство полагало, что важнейшим инструментом политики царизма на Кавказе может стать Общество восстановления православного христианства на Кавказе, на которое возлагались большие надежды. В данной статье рассмотрены вопросы образования Общества восстановления православного христианства на Кавказе, а также некоторые аспекты его деятельности в области просвещения в Абхазии.

Ключевые слова: Абхазия, Общество восстановления православного христианства на Кавказе, просвещение, письменность, священнослужители.

Сведения об авторе: Цимцба Адгур Людвигович, SPIN-код: 2395-4476, канд. ист. наук, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия, foma1998@gmail.com

Abstract. The events of the mid-60s of the 19th century became a turning point for the peoples of the Caucasus in many respects. There are fundamental changes in the socio-political and cultural life of the region. All this was due to both the energetic actions of the Russian government and the changes that took place among the Caucasian peoples. With the inclusion of the Caucasus into the Russian Empire, it became necessary to modify the actions of the autocracy in this region. Using various "levers", tsarism purposefully realized its main tasks in the region - the spread of Orthodoxy in the region and the formation of imperial identity and consciousness among the Caucasian peoples. The most important elements of such a civilizing policy in Russia are the secular school and enlightenment. Abkhazia, located in the northwestern part of the Caucasus, occupies an important strategic position. With the inclusion of Abkhazia into the Russian Empire, tsarism throughout the 19th and early 20th centuries sought to attract, first of all, the local elite into the all-Russian cultural space. The tsarist administration sought to create a strong system of government in the region, which would not have been possible without the involvement of competent officials from among the local population who knew the customs, life, familiar with the local living conditions. The government believed that the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus, on which great hopes were pinned, could become the most important instrument of tsarist policy in the Caucasus. This article discusses the formation of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus, as well as some aspects of its activities in the field of education in Abkhazia.

Keywords: Abkhazia, Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus, education, writing, clergy.

About the author: Tsimtsba Adgur Ludvigovich, SPIN-code: 2395-4476, Ph.D., Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia, foma1998@gmail.com

Цимцба А.Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 61-74. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/09>

Tsimtsba, A.L. (2022). The Establishment of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus and its Activities in the Education of the Abkhazians. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 61-74. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/09>

Введение. Проблемы политических, религиозных и культурных взаимоотношений России и Абхазии интересовали многих историков, создавших общие труды по истории Кавказа и Абхазии. Однако деятельность Абхазской миссии Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК) осталась неисследованной. Впервые деятельность Общества нашла отражение в трудах дореволюционных авторов А.И. Лилова [1] и А.И. Платонова [2].

Советская историческая наука почти не касалась проблем, связанных с деятельностью многих миссионерских обществ и организаций, с определением их значения и места в духовной культуре народов. Несмотря на своеобразие подходов этого периода в трудах Г.А. Дзидзария [3], А.П. Дудко [4] отмечалась роль ОВПХК в становлении народного образования в Абхазии и формировании дореволюционной абхазской интеллигенции.

В новейшее время проблеме восстановления православия в Абхазии и его деятельности абхазской миссии «Общества» посвящены работы Р.Б. Гергедава [5, с. 209-214], И.Х. Дамения [6], А.Л. Цимцба [7, с. 206-214]. Вопросы образования ОВПХК и его деятельности на Северном Кавказе освещались в работах Н.О. Блейх [8, с. 29-36], М.А. Волхонского [9, с. 105-126], Л.В. Дзанаговы [10], З.В. Кануковой [11, с. 40-50], Р.Э. Кесаевой [10], М.В. Клычниковой [12, с. 118-124], Е.А. Савенко [13, с. 91-97], Б.В. Туаевой [14, с. 96-97].

Обсуждение. С середины XIX века царская администрация на Кавказе начинает изыскивать новые средства для укрепления своего влияния в этом регионе. Главным союзником и проводником политики царизма в этот период была Русская православная церковь. Итогом такого объединения становится учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК).

Впервые мысль об организации Общества восстановления православного христианства на Кавказе озвучил Наместник на Кавказе князь Александр Иванович Барятинский, занимавший эту должность с 1856 по 1862 год.

После обсуждения этой идеи в 1857 году с Экзархом Грузии, митрополитом Картлийским и Кахетинским Исидором, князь Барятинский передает через начальника главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанта Милютина императору Александру II записку «о положении христианской веры между горными племенами Кавказа», где наместником были высказаны предложения о целесообразности открытия Общества восстановления православного христианства на Кавказе, а в заключении подчёркивалось, что учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе есть первейший долг православного государства [2, с. 91, 15, с. 107].

Тщательно изучив историю становления и развития религиозных взглядов горцев Кавказа на протяжении нескольких столетий, наместник Кавказа пришел к выводу, что еще несколько веков тому назад многие горцы: абхазы, адыги, осетины, народы Дагестана и Чечни исповедовали христианскую религию. До сих пор еще, по самым глухим ущельям Кавказа рассеяно много мест, которые кавказские народы окружают благоговейным почтением, необъяснимым для самих себя. В труднопроходимых местах в горах встречаются развалины величественных древних храмов, поросших мхом, на которых время оставило свой неизгладимый след. На перевалах стоят кресты, а на отвесных скалах просматриваются полустертые изображения и надписи христианского содержания. Все это указывало на то, отмечал А.И. Барятинский, что когда-то, не так давно, православная религия являлась «господствующей в Кавказских горах» [16, л. 7]. Говоря об исламе,

он считал, что вера в Аллаха сегодня для многих народов Кавказа является символом и знаменем их независимости, в которой для кавказца заключалось все, чем мила ему жизнь. Такая оценка веры с политической стороны существовала как у мирных, так и немирных горцев [17, с. 4].

Перечисляя христианские народы Кавказа: осетин, абхазов, хевсуров, сванов – А.И. Барятинский добавлял, что в середине XIX века их религиозные понятия представляли странную смесь христианства, мусульманства и язычества. Учитывая, что у этих народов сохранились элементы христианства, а также их географическое положение, по мнению Наместника Кавказского, необходимо было уже только с одной политической стороны осознать всю важность процесса восстановления в горах христианской веры. Кроме того, необходимо было создать препятствия распространению влияния исламских проповедников, пресечь постепенно развивавшуюся под их влиянием вражду населения Кавказа к русскому правительству и православному духовенству, не допустить, чтобы горцы пополняли ряды мюридов.

Для достижения этой цели он предлагал использовать не насилие и принуждение, а средствами убеждения восстанавливать христианские верования и традиции. Россия слишком долго «вырабатывала себе мечом мирское владычество на Кавказе», это время уже прошло, «божественное учение покоряло и покоряет себе целые миры путями нравственными и бескровными». Горцам необходимо нести новые знания, способы хозяйствования, знакомя их с позитивными сторонами бытия Российского общества [17, с. 1]. Для реализации поставленных целей А.И. Барятинский предлагал не только возводить новые церкви, но и восстанавливать древние, глубоко почитаемые в свое время, храмы и монастыри, подготовить священнослужителей, которые владея кавказскими языками, могли донести до горцев на понятном для них родном наречии христианские заповеди, перевести православную литературу и главное, чтобы христианство было в горах покровительствуемой, а не угнетаемой верой. А пока наместнику приходилось подтверждать тот факт, что, находясь под русским владычеством, христианство осетин, хевсуров, сванов и абхазов оставалось в таком же положении «как если бы Кавказ не принадлежал христианскому государству» [16, лл. 8,9]. Правительство в первые тридцать лет своего присутствия на Кавказе не обращало на этот предмет никакого внимания, и только разлив мюридизма в горах вызвал со стороны России некоторые меры, которые могли остановить этот процесс. Христианская религия между кавказцами была почти забыта. Ее восстановлением занимались слабые местные епархии, которые в силу своей немощи при всей доброй их воле не в состоянии были что-либо сделать. О переводе священного Писания на язык кавказских народов до начала шестидесятых годов вообще и не помышляли [16, лл. 10-11].

Как видим, к концу 50-х годов XIX века самодержавие приходит к пониманию необходимости изменения приемов и способов покорения Кавказа. Наряду с жесткими военными методами предпринимаются попытки использовать более мягкие гуманистические приемы. Учреждение ОВПХК как раз являлось таковым, оно должно было оказывать содействие в утверждении влияния среди народов Кавказа.

Наместник Кавказа сформулировал концептуальные основы, структуру и важнейшие направления деятельности планируемого братства. Первоначально новое образование предполагалось назвать братство «Воздвижения Святого Креста». В него могли войти лица обоего пола, различного положения и состояния, обязанные ежемесячно вносить определенную сумму на содержание духовенства, просвещение местного населения, сооружение и обновление церквей, а также прочие расходы.

Всех участников братства предполагалось делить на четыре разряда, что обуславливалось той суммой, которую каждый из них вносил ежегодно. Для представителя каждого разряда учреждался специальный знак. Предлагалось по всей стране открыть ежегодную подписку, а один из членов Императорской фамилии брал братство под свой патронаж. А.И. Барятинский полагал, что братство должно возглавляться Наместником Кавказа под вице-председательством Экзарха Грузии,

митрополита Картийского и Кахетинского, а Главное Управление должно располагаться на Кавказе.

Важнейшими проблемами, решением которых должно безотлагательно заняться братство, определялись: а) организация подготовки духовных лиц с соответствующим образованием и знанием кавказских языков; б) строительство и содержание церквей; в) открытие школ при церквях и монастырях с целью просвещения детей, выходцев из кавказских народов; г) перевод на кавказские языки церковной и иной литературы. Главное Управление должно было представлять отчет, который ежегодно печатался.

А.И. Барятинский считал, что основание братства «Воздвижение Святого Креста» для всего Российского государства знаменательное событие, а со временем оно сможет расширить границы своей деятельности, обратив взоры и на другие, нуждающиеся в просвещении регионы [16, л. 14].

Разделение и разобщенность горских народов, явившиеся результатом Кавказской войны, и связанная с этим определенная осторожность не позволяли дать выше означенной мысли быстрое практическое воплощение. С окончанием периода кровавого противостояния и наступления новой эпохи, эпохи мирного строительства и сосуществования России и народов Кавказа появилась возможность осуществить давно вынашиваемые проекты гуманистического характера. В такой сложной обстановке князь А.И. Барятинский призывал всех православных людей любовью, просвещением, высоконравственными идеями и поступками «покорять» седовласый Кавказ.

Вот такими соображениями и идеями поделился Наместник Кавказа по организации новой миссионерской организации на Кавказе [18, с. 294-302].

Приняв во внимание представленные в записке предложения светлейшего князя А.И. Барятинского, император Александр II свое мнение выразил следующим образом, собственноручно написав на записке наместника Кавказа: «Предмет этот нахожу весьма важным, но Мне кажется, что можно того же достигнуть без учреждения подобного братства, не совместного с нашими учреждениями. Записку эту можно внести в Кавказский Комитет» [19, с. 110].

Следующие два с половиной года были посвящены всесторонней проработке вопроса о формировании Общества. Активное и непосредственное участие в его решении приняли император Александр II, наместник Кавказа князь А.И. Барятинский, Святейший Синод, Кавказский Комитет, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Григорий (в миру Постников Георгий Петрович), статс-секретарь граф Дмитрий Николаевич Блудов, а также местные церковные и гражданские деятели.

Кавказский Комитет на своем заседании 14 декабря 1857 года, заслушав предварительную записку Наместника Кавказского, «признал полезным учредить в Санкт-Петербурге особое Общество для поддержания Православия в Кавказских горах», предложил Святейшему Синоду оказать посильное содействие и помощь в этом важном деле. Комитет считал нужным во всех церквях России организовать сбор пожертвований на строительство в пределах Кавказа православных церквей [16, л. 4, 5]. На князя А.И. Барятинского возлагалась обязанность подготовки Устава Общества и составление объявления о сборе пожертвований на устройство православных церквей. На заключительном этапе подготовленные документы представлялись на ратификацию императора [16, с. 11].

21 февраля 1858 года Святейший Синод изъявил готовность во всем содействовать организуемому Обществу, но из-за отсутствия средств он отказал в учреждении даже минимального денежного пособия [2, с. 99].

Через полгода в сентябре месяце Наместником Кавказским были подготовлены: проекты воззвания и Устава ОВПХК, в котором были обозначены следующие основные положения:

1. Главному Управлению по делам Общества надлежит размещаться в Тифлисе, центре административного округа, т. к. «Перенесение этого направления в Санкт-Петербург имело бы величайшие неудобства, разделяя на огромное пространство высшее направление действий Общества от самого места этих действий, неминуемо произвело бы прежде всего медленность в делах, потом огромную и бесполезную переписку и наконец, множество недоумений и затруднений

в практическом отношении». Организация Общества в Тифлисе даст возможность избежать аналогичных проблем.

2. Для всех членов Общества князь А.И. Барятинский предлагал ввести особый знак отличия, с разделением его на четыре разряда с соответствующим каждому разряду годовым взносом.

3. По необходимости, помимо членских взносов, Общество могло распространять воззвания к населению страны о сборе пожертвований.

4. Устав Общества предполагалось ввести на три года [16, л. 19-21].

В процессе обсуждения предложенного Устава прошла широкая дискуссия по многим вопросам. Полемику вызвали такие пункты как – название Общества, его внутренняя структура, основные направления деятельности Общества и пределы его функционирования.

В частности, митрополит Филарет полагал, что центром подобного Общества необходимо было бы сделать Санкт-Петербург, а по епархиям могли быть образованы его отделения.

Митрополит Московский задавался вопросом: должно ли Общество ограничиться тем, чтобы восстанавливать православие в некоторых странах Кавказа, в которых оно было, но подавлено язычеством или магометанством? Возможно, замечал он, православная Российская церковь должна усилить свои подвиги для распространения христианства не только на одном Кавказе. Такая деятельность необходима и на более отдаленных территориях Востока, в частности, в Китае [17, с. 36-38; 20, лл. 284-286].

Граф Д.Н. Блудов к предложениям митрополита Московского Филарета позволил добавить несколько своих дополнений: по планируемому знаку отличия, а также по срокам функционирования предполагаемого общества.

К тому же статс-секретарь высказал опасения о предписании параграфа семидеятого, что воспитанники, получившие образование на счет Общества, обязаны прослужить в ведомстве не менее пяти лет. Такое решение, по его мнению, могло быть воспринято многими негативно и сказаться на желании проходить обучение в учебных заведениях Общества. Граф Блудов предполагал, что «не будут учиться для того именно, чтобы не быть принужденными к обаянной службе», связывая это с непростыми климатическими и бытовыми условиями, имеющимися на Кавказе [17, с. 11; 20, л. 287].

Все предложения и замечания, сделанные деятелями Русской православной церкви и светскими чиновниками, были представлены Наместнику Кавказа.

Выразив благодарность всем лица духовного и светского звания, князь А.И. Барятинский, заметил, что предложенные замечания возможно разделить на два уровня: основные, которые кардинально влияют на решение рассматриваемого вопроса, и второстепенные, принятие или непринятие которых не имеют решающего значения.

Так, вопрос о наименовании весьма глубоко и всесторонне обсуждался с Киевским митрополитом Исидором и экзархом Грузии Евсеем, что позволило сформулировать единое мнение по данному вопросу. Наименование «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» вполне соответствует самой сущности дела. Восстанавливать христианство там, где оно было «дело простое и естественное». Распространение же христианства имело совсем другой вид, особенно в глазах мусульман. Заявление о желании не восстанавливать, а распространять православную веру вызвало бы сильное предубеждение среди горцев, исповедующих ислам, и создало бы большие затруднения в достижении поставленной цели. И все же возможность распространения христианства князь Барятинский не исключал, но это, как он считал, не должно «изменить ни основной, главной задачи Общества, ни самого его наименования» [17, с. 39-40]. В завершении Наместник Кавказа отметил, что вопрос о наименовании разрешается не только одними историческими указаниями, но еще более он может быть уяснен политическими соображениями [20, л. 288].

Относительно проблемы расширения деятельности миссии на районы Сибири и Китая, Барятинский замечал, что он ограничивался потребностями вверенной ему территории, и «не имел

ни права, ни повода рассматривать вопросы в применении к Сибири и Китаю», так как это составляет уже предмет общих государственных соображений. Главная цель создаваемого кавказского Общества заключалась, по его мнению, в восстановлении христианства, и эта цель вовсе не применима ни к Сибири, ни к Китаю [17, с. 41-42].

В отношении предположения митрополита Филарета о возможности нахождения Главного Управления Общества в Санкт-Петербурге, князь А.И. Барятинский приводил обстоятельные доводы в пользу раннее высказанного им мнения, что для пользы дела оно должно располагаться именно в Тифлисе [20, л. 289].

На замечание о неограниченных полномочиях председателя, Наместник Кавказский отвечал, что рассеянные по всей России члены миссии не смогут ни своевременно собрать общего собрания, ни провести выборы в его совет. В таком положении только Наместник Кавказа, по своему положению как член Общества и его председатель, уполномочен к избранию и назначению представителей в Совет. На этом же основывалось право Наместника изменять, в некоторых случаях, решения Совета Общества [17, с. 44].

Точка зрения же графа Д.Н. Блудова о знаке отличия полностью согласовывалось с суждением князя А.И. Барятинского. По проекту представленного Устава для членов Общества предполагалось установить не знак в виде награды, а знак «участия в деле христовом» [17, с. 16]. Установление подобного знака, по предположению Наместника Кавказского, явится «краеугольным камнем» предстоящего дела. Только таким методом возможно создать и иметь постоянные и достаточные средства для достижения поставленных перед Обществом целей и задач. Разделение знака, по мнению А.И. Барятинского, на степени необходимо, чтобы независимо от состояния и положения любой гражданин России, пожелавший участвовать в деятельности организуемого братства, мог внести свой вклад в это благородное дело [17, с. 45].

Князь А.И. Барятинский разделял высказанное графом Д.Н. Блудовым мнение, что даже за три года упорной деятельности положительного результата в подобном деле достичь невозможно. Предлагая утвердить Общество всего на три года в виде опыта, он имел в виду, что возможно на основании полученных за этот период результатов появится необходимость произвести некоторые изменения и дополнения в уставе. Наместник Кавказский считал, что этот пункт не столь важен и возможно это определение следует вовсе исключить [17, с. 47].

На замечание статс-секретаря о возможном негативном отношении к пункту устава, в котором предлагалось после получения образования выпускникам отслужить пять лет в ведомстве князь А.И. Барятинский отвечал, что данный параграф можно видоизменить, прописав, что служба в Обществе производится по собственному желанию воспитанников либо их родителей.

После всестороннего анализа и изучения всех предложений и замечаний, был утвержден правительством проект Устава Общества, разработанный князем А.И. Барятинским.

28 января 1860 года Александр II, рассмотрев представление об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе, выразил мнение, что правительство обязано стремиться к восстановлению православия на Кавказе. Для достижения этой цели его Величество изволил признать полезным образовать согласно представлению Наместника Кавказского особое Общество, присвоив ему наименование «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». По распоряжению императора Святейший Синод сделал немедленно постановление об учреждении сборов во всех церквях государства Российского. Поступающие средства должны были передаваться непосредственно Наместнику Кавказскому, и уже с марта в церквях России устраивались особые кружки для сбора денег с надписью «На восстановление Православия на Кавказе» [16, л. 32,33,38].

1 июня 1860 года начинает свою деятельность сформированное в Тифлисе Общество восстановления православного христианства на Кавказе под непосредственным руководством Наместника Кавказского и Экзарха Грузии [16, л. 79].

2 июня 1860 года последовало высочайшее утверждение Устава Общества, а 9 июня 1860 года император Александр II в Царском Селе дал грамоту на имя Наместника Кавказского, князя А.И.

Барятинского, в которой сообщалось об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Государь император в этом документе акцентировал внимание на том, что «с покорением Кавказа, желая действовать к восстановлению в этом крае православия, но действовать путем убеждений, распространяя в горах слово Евангелия. Мы признаем полезным призвать к участию в этом великом деле всех ревнителей православия. Учреждая с этой целью особое Общество под названием «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Ее Императорское Величество, Любезная Супруга Наша Государыня Императрица Мария Александровна, ревнуя успехами православия на Кавказе, принимает это Общество под Свое особое покровительство» [21]. Наместнику Кавказскому предписывалось до начала работы Общества сделать надлежащие распоряжения. В заключение император желал, чтобы под руководством А.И. Барятинского организуемая миссия успешно продвигалась к поставленной цели [22, с. 13-14]. В дополнение к грамоте прилагался проект воззвания к русскому народу, одобренный Российским самодержцем [2, с. 101].

Основная цель, ставившаяся перед Обществом, заключалась в восстановлении православного христианства среди народов Кавказа. При этом учитывалось и то обстоятельство, что православная вера способствовала целостности Российского государства, и могла «просвещением разума сделать мирных и верных граждан из вооруженных врагов церкви и Российской державы» [23, с. 2].

Исходя из поставленной цели, определялись и основные задачи ОВПХК – возведение и содержание храмов и состоящего при них духовенства; просвещение детей из горских семей путем открытия школ при церквях в горных аулах и деревнях; распространение миссионерской деятельности; составление письменности для горских народов и перевод на местные языки священных книг и другой служебной литературы; подготовка образованных православных священнослужителей и учителей из природных кавказцев [16, л. 83,92-93].

Средствами для реализации установленных целей и задач были определены: теплое, христианское сочувствие всех членов громадного Российского общества, конечно же, материальная поддержка всех желающих успеха этому богоугодному начинанию и посильная помощь со стороны различных сословий обширного Российского государства [16, л. 90-91]. Во всех церквях Российской империи учреждались особые кружки для сбора пожертвований, предназначенные на восстановление и распространение православной веры в пределах Кавказа, накапливавшиеся средства поступали непосредственно в казну Общества.

После принятия Устава Общества князь А.И. Барятинский представил императору проект рисунков знаков для членов миссии, и вместе с тем обратился с просьбой к вице-президенту Академии Художеств, князю Г.Г. Гагарину о составлении проекта дипломов для ее членов. 25 декабря 1860 года рисунки знаков были одобрены Александром II.

Знаки представляли собой изображение креста Святой Равноапостольной Нины. Крест первого разряда сделан был из белой финифти с изображением на нем зеленым цветом крестообразно сплетенных виноградных лоз, перевязанных посередине волосами Святой Нины. В промежутках креста располагалось золотое прорезное украшение.

Крест второго разряда отличался от первого отсутствием украшений в промежутках.

Крест третьего разряда – золотой без финифти, но с тем же изображением, как и крест второго разряда.

Крест четвертого разряда – серебряный. На оборотной стороне крестов надпись славянскими буквами «Святая Равноапостольная Нина». На крестах первых двух разрядов надпись эта сделана золотыми буквами по белой финифти, а на двух последних – выпуклыми буквами [23, с. 5].

Члены Общества, получившие звание и право на ношение знаков, ежегодно вносили в казну: 1 степень – 1000 рублей, 2 степень – 500 рублей, 3 степень – 200 рублей, 4 степень – 20 рублей [23, с. 4].

На первоначальном этапе Наместник Кавказский по согласованию с Экзархом Грузии, определили, что для эффективного функционирования ОВПХК необходимо сформировать центральные органы Общества – Совет Общества, Главное Управление и канцелярию.

Однако в связи с тем, что по уставу, состав Совета образовывался из членов Общества, а последнее к 3 сентября 1860 года «еще не составилось», был образован «Временный комитет» при Главном управлении Наместника Кавказского, на который возлагались обязанности Совета Общества.

Председателем «Временного комитета» был утвержден наместник Кавказа, а его членами состояли Экзарх Грузии Евсевий, член Совета Наместника А. Фадеев и действительный статский советник Василий Антонович Инсарский, на которого возлагались обязанности делопроизводителя Комитета; а с 1861 года и протоирей Иоаким Романов [2, с. 115].

Комитету предстояло решить следующие вопросы: на какие местности Кавказа должны быть обращены действия Общества и какие меры, определенные уставом, должны быть в начале приведены в действие [23, с. 11].

Одним из первых мероприятий Временного Комитета становится решение о включении в состав Общества учрежденной еще в 1771 году (воссоздана в Тифлисе в 1814 году) Осетинской духовной комиссии, которая в некоторой степени имела тождественные цель и задачи с образованным Обществом.

Заручившись довольно солидными средствами для осуществления своих планов, комитет счёл нужным, прежде всего, обратить внимание на возрождение и утверждение православного христианства в тех районах Кавказа, где оно еще не совсем померкло: в Самурзакане (Южная Абхазия), в Сванетии, в Южной Осетии и в Тушино-Пшаво-Хевсурском районе Грузии. Предполагалось, что «светильник христианских начал, первоначально внесенный в эти страны», будет постепенно разливать свои лучи и за их рубежи, где население подавлено исламом. Таким образом, из Самурзакана христианство распространится по всей Абхазии, из Сванетии попадет к балкарцам и карачаевцам, из Южной Осетии – в Северную, из Тушетии разнесется среди кистин и других чеченских народностей [23, с. 12].

Кавказский Комитет определил, что первоочередными действиями должны стать:

1. Перевод на осетинский, абхазский, сванский и кистинский языки священных богослужебных книг. На осетинском языке переводы уже осуществлялись и достаточно успешно. Для абхазского, сванского и кистинского языков необходимо было составить азбуки. Исполнение этой задачи поручалось члену комитета генерал-майору Ивану Алексеичу Бартоломею.

2. При наличии средств восстанавливать существующие в горских приходах церкви и на месте старых строить новые. Первоначально было принято решение приступить к сооружению церквей:

- а) в Хевсурии – в селениях Ардоти, Лебайскари и Хахмати;
- б) в Тушетии – в селениях Илурте, Нацхвари, Шенако и Тионетах;
- в) в Сванетии – в селениях Пари и Бечо;
- г) в Самурзакане – в Окумском и Бедийском приходах.

3. Снабдить миссионеров инструкцией, составленной преосвященным Экзархом Грузии, которая представляла собой наставление пастырям-проповедникам Слова Божия, переведенное на грузинский язык и разосланное для руководства всем миссионерам.

4. При Тифлисской и Ставропольской семинариях открыть специальные классы для преподавания языков кавказских народов и для образования духовных лиц, которые должны были распространять основы православия на Кавказе [19, с. 138-139].

Такие соображения послужили главным основанием для первоначальных действий Общества.

Абхазия, расположенная на северо-западе Кавказского перешейка, занимала стратегическое положение во всех отношениях. Поэтому Общество обращает особое внимание на этот край, и уже с первых лет своей деятельности начинает реализовывать на практике поставленные перед ним задачи.

Вопрос о введении письменности для народов Кавказа на родных языках, а также о распространении грамотности среди них возникал уже в начале XIX века. При этом царизм преследовал русификаторские цели, но некоторые мероприятия, осуществленные им в данном направлении, имели, несомненно, объективно прогрессивное значение [24, с. 36]. Неизвестный автор в статье «Введение письменности у кавказских горских народов» отмечал: «Создание письменного языка для всех вообще кавказских народов есть без сомнения самое лучшее и верное средство введения между ними гражданственности и твердое основание умственного и нравственного их развития: без письменности ни народ, ни правительство не достигнут никаких результатов... Образование горцев на природных их языках будет естественнее и более заключает в себе гарантии в быстроте и прочности их развития» [25].

С начала 60-х годов вопросами просвещения занялось созданное в 1860 году Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Общество считало необходимым обратить основное внимание на те меры, которые могли возбудить в горах истинное и сознательное расположение к христианству. Чтобы достичь подобной цели надо было сделать доступным для кавказцев церковную литературу и направить к ним способных священнослужителей. Отсюда следовало, что одна из задач заключалась в составлении для тех горских народов, у которых нет «никакой письменности, письменный язык и перевести на него священные книги» [2, с. 153-154]. В этой связи в Тифлисе была открыта особая типография для издания церковных книг на языках народов Кавказа.

Одним из первых исследователей абхазского языка являлся сотрудник отдела Российского географического общества, лингвист-кавказовед, основоположник изучения горских кавказских языков, барон Петр Карлович Услар. Он в середине 1861 года в течение трех с лишним месяцев в Сухуме, а затем семи дней в Тифлисе, занимался изучением абхазского языка совместно с тремя абхазами, из которых «двое понимали и объяснялись по-русски довольно хорошо» [26]. В 1862 году Услар составил, на основе русской графики, абхазский алфавит, создал грамматику абхазского языка (в основу был положен бзыбский диалект), а также подготовил абхазский букварь.

С 1850 года на Кавказе проходил службу генерал-лейтенант И.А. Бартоломей, командовавший во время Крымской войны особым отрядом на границе Абхазии. Одновременно он занимался изучением этнографии абхазского народа.

В 1861 году И.А. Бартоломей представил наместнику Кавказа особую записку о введении письменности среди кавказских горских народов. Он предлагал возложить труд по составлению азбук на особую комиссию, в состав которой должны были войти не только лингвисты, но и представители горских народов, владеющие своим и русским языками [27, с. 10].

По решению Общества восстановления православного христианства на Кавказе, генералу И.А. Бартоломею поручалось создать и возглавить специальную комиссию и приступить к составлению азбук для всех кавказских народов, предоставив его собственному усмотрению, с какого языка начать [25]. В 1865 году в Тифлисе, в объеме 188 страниц, был издан первый абхазский букварь и книга под названием «Доброе чтение православным» [28].

Оценивая значение букваря, известный абхазский ученый Г.А. Дзидзария отмечал, что при всех своих недостатках и несовершенстве и несмотря на исключительно неблагоприятные условия, создавшиеся в Абхазии в связи с событиями 60-70-х годов, «абхазский букварь 1865 года сыграл важную роль в истории развития просвещения и всей культурной жизни абхазского народа» [3, с. 58].

На протяжении почти тридцати лет он был первым и единственным абхазским учебником для учащихся и преподавателей. В отчете ОВПХК за 1866 год указывалось, что учащиеся Самурзаканских школ: Окумской, Дихазурской и других, знающие абхазский язык, выучились читать и писать по-абхазски, а также свободно рассказывали содержание статей, помещенных в абхазском букваре [29, с. 21]. В остальных районах Абхазии учащиеся читали по-русски и по-абхазски намного хуже. Молитвы, которые они знали, заучивали наизусть, не понимая их смысла.

В 1866 году в Абхазию Обществом было прислано 426 экземпляров [29, с. 27], в 1868 г. – 50 экземпляров [30, с. 55], а в 1877 г. – 94 экземпляра абхазского букваря [31, с. 17]. На перевод церковных богослужебных книг и на составление букваря Общество израсходовало в 1862 году 5382 руб. 68,5 коп. [32, с. 5]. На следующий год сумма уменьшилась до 2664 руб. 90 коп., а в 1867 году расходы на печатное дело возросли до 5600 руб. [6, с. 20].

В 1866 году Общество восстановления православного христианства на Кавказе издало в Тифлисе вторую книгу на абхазском языке – «Краткая священная история» [33, с. 242]. Ее перевод подготовили: священник Иоанн Гегиа, подпоручик Д.К. Маан и прапорщик Г.Д. Курцикидзе. В том же году в Абхазию было прислано шестнадцать экземпляров «Священной истории», а через два года еще пять [31, с. 55]. Дальнейшие работы по развитию абхазской письменности были приостановлены. В 1868 году Совет Общества признал абхазский язык «настолько младенческим, что всякие попытки к передаче на нем книг Священного Писания были остановлены» [2, с. 157]. С 80-х годов XIX в. к исследованию абхазского языка приступает учитель Гупской школы Абхазской миссии Общества Петр Георгиевич Чарая. В 1894 году им составлен труд «Об отношении абхазского языка к яфетическим», который был опубликован в 1912 году [34, с. 89]. Николай Яковлевич Марр, ученый-абхазовед, востоковед, считал этот труд «большим шагом вперед в деле изучения абхазского языка» [35, с. 75].

С 80-х годов к исследованию абхазского языка приступает учитель Гупской школы Абхазской миссии Общества Петр Георгиевич Чарая. В 1894 году им составлен труд «Об отношении абхазского языка к яфетическим», который был опубликован в 1912 году [34, с. 89]. Николай Яковлевич Марр, ученый-абхазовед, востоковед, считал этот труд «большим шагом вперед в деле изучения абхазского языка» [35, с. 75].

В 1899 году Общество восстановления православного христианства на Кавказе снова обращается к вопросу абхазской письменности, осуществив перевод некоторых молитв и возгласов [2, с. 157]. На средства ОВПХК в 1906–1907 гг. были переведены и изданы на абхазском языке – литургия святого Иоанна Златоуста, Требник, а также переведены чины погребения и венчания, обиход церковного пения [36, с. 31].

Церковь всегда чувствовала духовные запросы масс и стремилась использовать тягу народа в своих интересах, а абхазы проявляли большое стремление к «благодетельному образованию» [4, с. 91]. Благодетельный протоирей Давид Мачавариани в 1868 году отмечал, что многие абхазы из различных близлежащих деревень приводили к нему детей «своих обоюбого пола для обучения грамоте» [37, с. 81].

Один из видных представителей прогрессивной абхазской интеллигенции, педагог, этнограф, общественный деятель и детский писатель Н.С. Патеипа считал, что большую помощь в просвещении абхазов может оказать перевод священно-исторического писания, богослужебных книг и литературы религиозно-нравственного содержания на абхазский язык [38, с. 181-189]. Такого же мнения придерживался и Шабат Гублиа. Это свое убеждение он выразил в прошении на имя обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева от 16 декабря 1892 года [39, с. 402, 403]. Так как оно совпадало с видами официальной русской церкви, то дело сразу приняло практический характер. В том же году в Сухуме при архиепископской кафедре решением Синода было образовано особое учреждение, призванное заниматься переводом на абхазский язык богослужебных книг, а также учебных пособий для школ Абхазии – Абхазская переводческая комиссия. Одним из ее членов стал Ш. Гублиа. Однако комиссия приступила к своей работе лишь в 1906 году. Большую материальную помощь в деятельности переводческой комиссии оказала и Абхазская миссия ОВПХК. В 1909 году Синод выделил Обществу на организацию переводческого дела 9 000 руб., с отпуском этой суммы в течение 3 лет по 3 000 руб. [6, с. 20].

Активное участие в работе комиссии приняли местные просветители: Григорий Александрович (Алибеевич) Чачба (Шервашидзе), Константин Давидович Мачавариани, Николай Батович (Соломонович) Патеипа, Антон Иванович Чукбар, Константин Васильевич Маршаниа, Дмитрий Иосифович Гулиа, Николай (Иоиль) Васильевич Ладариа. Из-за нехватки средств работа

шла медленно. В отчете 1908 года 3-го Сухумского благочиния в Епархиальную канцелярию указывается, что «дело о переводе священного писания на абхазский язык, если бы не застряло по отсутствию необходимых средств, бесспорно могло оказать утверждению христианства в Абхазии громадную услугу, о чем крайне необходимо означенное переводческое дело поставить на прочной почве и всячески содействовать доведению его до конца...» [6, с. 20].

За время своего существования комиссией были переведены с русского на абхазский язык и изданы Обществом восстановления православного христианства на Кавказе книги: в 1908 году – Сборник «Житие святого великомученика Георгия Победоносца», в 1910 году – Нотный обиход абхазских литургических песнопений, в 1911 году – послание к абхазскому народу сухумского епископа Дмитрия, «Слово святого Тихона Задонского», в 1912 году – «Евангелие». Перевод церковной литературы благотворно сказался на развитии православной религии в Абхазии, увеличилось число христиан, богослужебная литература на абхазском языке получила широкое распространение в учебных заведениях края. Помимо этого, работа переводческой комиссии способствовала развитию книгопечатания на родном для абхазов языке.

В 1909 году абхазская азбука была усовершенствована народным учителем Андреем Максимовичем Чочуа (1879-1965), создавшем букварь для употребления в абхазских школах. В предисловии к букварю автор писал: «Предлагая составленный мною букварь вниманию деятелей абхазской народной школы, я буду очень благодарен за сообщения о его недостатках и приложу все старания, чтобы исправить букварь в той надежде, что общими усилиями подвинется вперед трудное и чрезвычайно важное для абхазского народа дело начального образования. На практике выяснилась необходимость произвести в азбуке некоторые изменения: расположить буквы в ином порядке и изменить правописание применительно к принятому Сухумской Абхазской комиссией» [40].

В 1914 году в Тифлисе вышло второе дополненное издание «Абхазской азбуки» А.М. Чочуа. К ней прилагалась статья С.А. Алферова, Епархиального наблюдателя церковных школ, «Методические указания к абхазской азбуке», которая явилась первой работой, посвященной вопросам преподавания абхазской азбуки и содержала ценные методические указания.

С проблемами образования был хорошо знаком учитель-просветитель А.И. Чукбар (1885-1938), получивший первоначальное образование в Новоафонской церковно-приходской школе. Учитывая, что большая часть абхазского народа никакого иного языка, кроме абхазского, не знала, он заявлял о необходимости обучения учащихся на родном языке. Совместно с Н.С. Патейпа им был создан учебник на абхазском языке – «Книга для чтения на абхазском языке, для абхазских училищ» в который также вошли материалы Д.И. Гулия и Д.Т. Маан (Маргания) [41].

Кроме учебников на абхазском языке издавались учебные пособия и на русском. Так в 1910 году была издана составленная С.А. Алферовым и А.И. Чукбаром книга для чтения по русскому языку – «Родная жизнь». В учебнике, наряду с произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, В.А. Жуковского и других русских поэтов, и писателей, был представлен и местный материал. Описывались природа, растительный и животный мир Абхазии, занятия жителей, нравы и обычаи, сказки, пословицы и предания из жизни и истории абхазского народа.

Заключение. Представленный материал позволяет сделать следующие выводы. 1 июня 1860 года начало работу Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Основной целью Общества являлось восстановление христианства среди народов Кавказа, его задачами ставились – сооружение и содержание церквей, учреждение при церквях школ, проведение миссионерской деятельности среди горцев и создание для них письменности, перевод на кавказские языки священного писания и богослужебных книг [23, с. 12].

Несмотря на то, что создание Общества восстановления православного христианства на Кавказе было вызвано политической необходимостью, оно сыграло положительную роль в распространении просвещения среди народов Кавказа и в частности, Абхазии. Многие выдающиеся деятели культуры, получившие образование в учебных заведениях Общества, составили местную

интеллигенцию, которая в лице А.И. Чукбар, Д.И. Гулия, М.М. Бжания, В.Д. Гарцкия, А.М. Эмухвари (Эмхаа), Ф.Х. Эшба и других возглавили ряды приверженцев образования своего народа.

Таким образом, можно утверждать, что в жизни абхазского народа Абхазская миссия ОВПХК сыграло важную роль. Из ее недр вышли известные деятели абхазской литературы, искусства, политики. Абхазцы знакомились с русской культурой, а через нее и с идеями и взглядами крупнейших европейских мыслителей, приобщались к сокровищнице мировой культуры.

Литература

1. Лилов А.И. Деятельность Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1850-1870 гг. Тифлис: Тип. Меликова и К, 1872. 96 с.
2. Платонов А.И. Обзор деятельности Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1860-1910 гг. Тифлис: Изд-во Совета Общества, 1910. 236 с.
3. Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1976. 354 с.
4. Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851-1917). Сухуми, 1956. 330 с.
5. Гергедава Р.Б. Роль общества восстановления православия на Кавказе в процессе просвещения Абхазии во второй половине XIX века // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. №1(11). С. 209-214.
6. Дамения И.Х. Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX-XX вв. СПб., 1994. 71 с.
7. Цимцба А.Л. Цели, задачи и обстоятельства учреждения Общества восстановления православного христианства на Кавказе // Материалы VIII Международных дворянских чтений. Краснодар. 2012. С. 206–214.
8. Блейх Н.О. Образовательная миссия общества по восстановлению православного христианства на северном Кавказе (XIX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. . 2020. Т. 12. №2. С. 26-39.
9. Волхонского М.А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. №6. С. 105-126.
10. Кесаева Р.Э., Дзанагова Л.В. Роль общества восстановления православного христианства в развитии школы и просвещения народов Центрального Кавказа. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 2013. 108 с.
11. Канукова З.В. Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2016. №20 (59). С. 40-50.
12. Клычникова М.В., Савенко Е.А. Общества восстановления православного христианства на Кавказе // Ставропольский хронограф на 2010 год. Ставрополь, 2010. С. 118–124.
13. Савенко Е.А. Из истории деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе (к 150-летию основания) // Университетские чтения – 2010: Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010. Ч. 15. С. 91-97.
14. Туаева Б.В. Роль конфессиональных обществ в развитии народного образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX-начало XX веков) // Успехи современного естествознания. 2004. №7. С. 96-97.
15. Кирион Е.К. Краткий очерк истории грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. СПб.: Тип. К.М. Козловского, 1901. 345 с.
16. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82.
17. По предложениям заместителя Кавказского об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Тифлис, 1858. 47 с.
18. Цимцба А.Л. Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Цели, задачи, условия образования // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность: Сборник материалов IX международной научно-практической конференции. Краснодар: ИМСИТ, 2009. С. 294-302.
19. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. М.: Унив. тип. Страстной бульвар, 1891. Т. 3. 390 с.
20. РГИА. Ф.797. Оп.52. 3 Стол. II. Отд.
21. Устав Общества восстановления православного христианства на Кавказе // Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1860. 22 июля. №59. Приложение.
22. Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1890 год. Тифлис: Типография Главного Управления заместителя Кавказского, 1891. 425 с.
23. О действиях высочайше учрежденного Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1862. 32 с.
24. Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967. 71 с.
25. Введение письменности у кавказских горских народов // Кавказ. 1862. 6 сентября. №70.
26. Услар П.К. Нечто о Азбуках кавказских горцев // Кавказ. 10 марта. 1863. №20.

27. Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1864 год. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского 1865. 147 с.
28. Бартоломей И.А. Абхазский букварь. Тифлис, 1865. 188 с.
29. Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1866 год. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского 1867. 173 с.
30. Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1868 год. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского 1869. 112 с.
31. Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1877 год. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского 1882. 112 с.
32. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1862-1863 года. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского 1865. 94 с.
33. Краткая священная история. Перевод на абхазский язык под руководством И. Бартоломея. Издание Общества Восстановления Христианства на Кавказе. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказа, 1866. 242 с.
34. Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим // Материалы по яфетическому языкознанию IV. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. Вас. Лин., 1912. №12. 89 с.
35. Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938. 439 с.
36. Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1910-1911 годы. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского 1913. 381 с.
37. Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. 167 с.
38. Патеяпа Н.С. Печальная действительность в Абхазии // СЗМ. 1912. №12. С. 181-189.
39. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. VI. Ч. I. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского 1874. 941 с.
40. Чочуа А.М. Апсуа анбан. Абхазская азбука. Карт-Тифлис: Издание Кавказского Учебного Округа, 1909. 46 с.
41. Патеяпа Н.С., Чукбар А.И. Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ. Издание Управления Кавказского учебного округа. 2-е изд. Карт-Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе. 1911. 48 с.

References

1. Lilov, A.I. (1872). Deyatel'nost' Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1850-1870 gg. Tiflis. (in Russ.).
2. Platonov, A.I. (1910). Obzor deyatelnosti Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1860-1910 gg. Tiflis. (in Russ.).
3. Dzidzariya, G.A. (1976). Formirovanie dorevol'yutsionnoi abkhazskoi intelligentsii. Sukhumi. (in Russ.).
4. Dudko, A.P. (1956). Iz istorii dorevol'yutsionnoi shkoly v Abkhazii (1851-1917). Sukhumi. (in Russ.).
5. Gergedava, R.B. (2019). Rol' obshchestva vosstanovleniya pravoslaviya na Kavkaze v protsesse prosveshcheniya Abkhazii vo vtoroi polovine XIX veka. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, (1(11)), 209-214. (in Russ.).
6. Dameniya, I.Kh. (1994). Rossiya. Abkhaziya. Iz istorii kul'turnykh vzaimootnoshenii v XIX-XX vv. St. Petersburg. (in Russ.).
7. Tsimitsba, A.L. (2012). Tseli, zadachi i obstoyatel'stva uchrezhdeniya Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze. In *Materialy VIII Mezhdunarodnykh dvoryanskikh chtenii. Krasnodar*, 206–214. (in Russ.).
8. Bleikh, N.O. (2020). Obrazovatel'naya missiya obshchestva po vosstanovleniyu pravoslavnogo khristianstva na severnom Kavkaze (XIX v.). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 12(2), 26-39. (in Russ.).
9. Volkhonskogo, M.A. (2019). Obshchestvo vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze: mezhdru missionerstvom i tsivilizatorstvom (1860–1885). *Rossiiskaya istoriya*, (6), 105-126. (in Russ.).
10. Kesaeva, R.E., & Dzanagova, L.V. (2013). Rol' obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva v razvitiy shkoly i prosveshcheniya narodov Tsentral'nogo Kavkaza. Vladikavkaz. (in Russ.).
11. Kanukova, Z.V. (2016). Pravoslavie v formirovanii rossiiskoi gosudarstvennosti i obshcherossiiskoi identichnosti v Osetii (konets XVIII – nachalo XX v.). *Izvestiya SOIGSI*, (20 (59)), 40-50. (in Russ.).
12. Klychnikova, M.V., & Savenko, E.A. (2010). Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze. In *Stavropol'skii khronograf na 2010 god. Stavropol'*, 118–124. (in Russ.).
13. Savenko, E.A. (2010). Iz istorii deyatelnosti Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze (k 150-letiyu osnovaniya). In *Universitetskie chteniya – 2010: Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Pyatigorsk*, 15, 91-97. (in Russ.).
14. Tuaveva, B.V. (2004). Rol' konfessional'nykh obshchestv v razvitiy narodnogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX-nachalo XX vekov). *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, (7), 96-97. (in Russ.).
15. Kirion, E.K. (1901). Kratkii ocherk istorii gruzinskoi tserkvi i ekzarkhata za XIX stoletie. St. Petersburg.

16. RGIA. F.796. Op.139. D.82.
17. Po predlozheniyam namestnika Kavkazskogo ob uchrezhdenii Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze (1858). Tiflis. (in Russ.).
18. Tsimitsba, A.L. (2009). Obshchestvo vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze. Tseli, zadachi, usloviya obrazovaniya. Fedor Andreevich Shcherbina, kazachestvo i narody Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost': In *Sbornik materialov IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Krasnodar, 294-302. (in Russ.).
19. Zisserman, A.L. (1891). Fel'dmarshal knyaz' Aleksandr Ivanovich Baryatinskii. 1815-1879. Moscow. (in Russ.).
20. RGIA. F.797. Op.52. 3 Stol. II. Otd.
21. Ustav Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze (1860). *Sankt-Peterburgskie Senatskie vedomosti*, 22 iyulya, (59), Prilozhenie.
22. Otchet Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1890 god (1891). Tiflis. (in Russ.).
23. O deistviyakh vysochaishe uchrezhdenного Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze (1862). St. Petersburg. (in Russ.).
24. Bgazhba Kh.S. Iz istorii pis'mennosti v Abkhazii (1967). Tbilisi. (in Russ.).
25. Vvedenie pis'mennosti u kavkazskikh gorskikh narodov (1862). *Kavkaz*, 6 sentyabrya, (70). (in Russ.).
26. Uslar, P.K. Nechto o Azbukakh kavkazskikh gortsev (1863). *Kavkaz*, 10 marta, (20). (in Russ.).
27. Otchet Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1864 god (1865). Tiflis. (in Russ.).
28. Bartolomei, I.A. (1865). Abkhazskii bukvar'. Tiflis. (in Russ.).
29. Otchet Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1866 god (1867). Tiflis. (in Russ.).
30. Otchet Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1868 god (1869). Tiflis. (in Russ.).
31. Otchet Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1877 god (1882). Tiflis. (in Russ.).
32. Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1862-1863 goda (1865). Tiflis. (in Russ.).
33. Kratkaya svyashchennaya istoriya. Perevod na abkhazskii yazyk pod rukovodstvom I. Bartolomeya. Izdanie Obshchestva Vosstanovleniya Khristianstva na Kavkaze (1866). Tiflis. (in Russ.).
34. Charaya, P. (1912). Ob otnoshenii abkhazskogo yazyka k yafeticheskim. In *Materialy po yafeticheskomu yazykoznaniiu IV*, St. Petersburg, (12), 89. (in Russ.).
35. Marr, N.Ya. (1938). O yazyke i istorii abkhazov. St. Petersburg, Moscow. (in Russ.).
36. Otchet Obshchestva Vosstanovleniya Pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze za 1910-1911 gody (1913). Tiflis. (in Russ.).
37. Anchabadze, Z.V. (1976). Ocherki etnicheskoi istorii abkhazskogo naroda. Sukhumi. (in Russ.).
38. Pateipa, N.S. (1912). Pechal'naya deistvitel'nost' v Abkhazii. *SZM*, (12), 181-189. (in Russ.).
39. Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii (1874). Tiflis. (in Russ.).
40. Chochua, A.M. (1909). Apsua anban. Abkhazskaya azbuka. Kart-Tiflis. (in Russ.).
41. Pateipa, N.S., & Chukbar, A.I. (1911). Kniga dlya chteniya na abkhazskom yazyke dlya abkhazskikh uchilishch. Kart-Tiflis. (in Russ.).

дата поступления: 18.01.2022

дата принятия: 23.03.2022

© Цимцба А.Л., 2022

УДК 94(47): 39

https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/10

Степанова О.Б.

ДОМАШНИЕ ДУХИ ЧАСТНОГО ВЛАДЕНИЯ У СОВРЕМЕННЫХ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Stepanova O.B.

HOUSE SPIRITS OF PRIVATE OWNERSHIP AMONG MODERN NORTHERN SELKUPS: VISUALIZATION OF ETHNICITY

Аннотация. Целью исследования ставилось изучение изображений домашних духов, которые по сей день хранятся во многих семьях северных селькупов. В задачи исследования входило рассмотреть, как частные семейные духи визуализируют селькупскую этничность, т. е. какую они содержат информацию о национальной селькупской культуре, и чем визуализация этничности духами, находящимися сегодня в частном владении, отличается от репрезентации культуры аналогичными музейными экспонатами. С таких позиций домашние духи северных селькупов еще никем не изучались, в чем заключается новизна исследования. Дополнением к оригинальному ракурсу работы служил классический подход, сочетающий в себе традиционные методы этнографического исследования – сбор полевого материала, описание, анализ, сравнение, типологизацию и т. д. Результатом стал всесторонний разбор трех комплексов домашних духов частного хранения, включая их отношения с владельцами, выполненный автором на основе собственных экспедиционных материалов. Исследование пришло к следующим выводам. Современные селькупы сохраняют веру в магическую силу родовых домашних духов, обращаются к ним с просьбами о здоровье и помощи в трудных жизненных ситуациях. Они разными способами проявляют уважение к духам в обмен на охрану ими семейного благополучия. В отношении семейных духов продолжает соблюдаться традиция утаивания: духов запрещается показывать чужим людям; нарушителей правил, а также их семьи, как полагают селькупы, ждет наказание свыше. Сакральные изображения, находящиеся во владении современных селькупов, визуализируют их этничность, демонстрируя на фоне общего отмирания и трансформации традиции сохранность селькупских анимистических верований. Этой функции нет у изображений духов, которые перекочевали на хранение в музеи. В то же время у «активных» домашних духов для репрезентации культуры нет той широкой аудитории, которая есть у духов музейных, на широкую аудиторию они могут воздействовать лишь опосредованно, через труды написавших о них ученых. Последний вывод указывает на практическую значимость данного исследования.

Ключевые слова: селькупы, «активные» изображения домашних духов, музейные изображения домашних

Abstract. The purpose of the study was to study (images) of household spirits, which are still kept in many families of the northern Selkups. The objectives of the study were to consider how private family spirits visualize the Selkup ethnicity, i.e. what information they contain about the national Selkup culture, and how the visualization of ethnicity by spirits that are today in private possession differs from the representation of culture by similar museum exhibits. No one has yet studied the home spirits of the northern Selkups from such positions, which is the novelty of the study. An addition to the original perspective of the work was the classical approach, which combines the traditional methods of ethnographic research - the collection of field material, description, analysis, comparison, typology, etc. The result of the study was a comprehensive analysis of three complexes of privately kept home spirits, including their relationship with the owners, carried out by the author on the basis of his own expeditionary materials. The study came to the following conclusions. Modern Selkups keep faith in the magical power of ancestral household spirits, turn to them with requests for health and help in difficult life situations. They show respect for the spirits in various ways in exchange for their protection of the family well-being. With regard to family spirits, the tradition of concealment continues to be observed: it is forbidden to show spirits to strangers; violators of the rules, as well as their families, as the Selkups believe, will be punished from above. Sacred images, which are in the possession of modern Selkups, visualize their ethnicity, demonstrating the preservation of Selkup animistic beliefs against the background of the general extinction and transformation of tradition. This function is not available for images of spirits that have migrated to museums for storage. At the same time, “active” household spirits do not have the wide audience that museum spirits have to represent culture; they can only influence a wide audience indirectly, through the works of scientists who have written about them. The last conclusion indicates the practical significance of this study.

Keywords: Selkups, “active” images of household spirits, museum images of household spirits, animistic beliefs, visualization of ethnicity

духов, анимистические верования, визуализация этничности.

Сведения об авторе: Степанова Ольга Борисовна, ORCID: 0000-0002-2130-2695, канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, stepanova67@mail.ru

About the author: Stepanova Olga Borisovna, ORCID: 0000-0002-2130-2695, Ph.D., Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia, stepanova67@mail.ru

Степанова О.Б. Домашние духи частного владения у современных северных селькупов: визуализация этничности // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 75-83. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/10>

Stepanova, O.B. (2022). House Spirits of Private Ownership Among Modern Northern Selkups: Visualization of Ethnicity. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 75-83. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/10>

Введение. Статья рассматривает изображения домашних духов северных селькупов, которые находятся в частном хранении. Первой задачей ставится рассмотреть, как домашние духи визуализируют селькупскую этничность, или какая в них содержится информация о национальной селькупской культуре. Во вторую задачу входит определить отличия по части визуализации этничности между изображениями духов, используемыми по прямому назначению, и изображениями, представляющими культуру народа в музеях. Предполагается, что исследование внесет свой вклад в этнографическую науку, будет практически значимо для самих северных селькупов, у которых сегодня идет процесс формирования новой этничности, собирания, сохранения и переосмысления исконных традиций, а также упрочит селькупские позиции в многонациональной политической общности российского государства.

В исследовании использовались сведения, собранные автором в полевых сезонах 2012, 2015 и 2018 гг., проходивших в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого округа Тюменской области [1-3]. Поиск трактовок тех или иных явлений и фактов проводился с опорой на научные публикации, посвященные вопросам селькупской этнографии [4-11] и теме визуализации этничности [12-15]. Главными методами исследования были метод полевой работы, описание, анализ, сравнение и типологизация.

Материальную часть исследования составили три комплекса домашних духов, которые автору удалось осмотреть во время полевой работы. Почему всего три? – потому что таких вещей в селькупских семьях осталось очень мало, и потому, что доступ к сакральным предметам у селькупов затруднен традицией их утаивания, т.е. домашних духов у селькупов положено прятать от глаз чужих людей. Категория чужих людей при этом довольно расплывчата, однозначно в нее попадают все не селькупы, во многих случаях к чужим причисляют не членов семьи, в большинстве семей духов прячут также от своих детей.

Результаты исследования. Рассмотрение духов, находящихся в домашнем хранении, будет проводиться здесь в том порядке, в каком автор их осматривала. Первые духи – пара – Бабушка и Дедушка – были осмотрены автором в школьном музее с. Толька Тазовская в сентябре 2012 г. Через три месяца после этого умерла его директор, и молодой селькуп, который принес туда духов – он в свое время активно участвовал в создании и оформлении музея – их оттуда забрал, таким образом духи вернулись в частное хранение. По словам владельца, он стал чувствовать внутреннюю связь с духами, которая тяготила и мучила его, и с течением времени становилась все сильнее. Хозяин увез духов с собой в Салехард, куда перебрался жить и работать незадолго до этого. Духи принадлежали его бабушке А.А. Баякиной, 1943 г.р., сказительнице, хранительнице селькупских традиций.

Информации по толькинским духам – владелец называл их общим для всех селькупских деревянных изображений духов словом *поркя* – мало. О Дедушке никаких дополнительных сведений не сохранилось, Бабушка, по словам владельца, представляла собой дух Огня [1; 10]. Головы у духов были остроконечные, рук-ног они не имели, туловища внизу тоже заострились. С.В.

Иванов писал, что данный тип остроголовой скульптуры, характерный для ненцев, встречается также у других народов самодийской группы – нганасан, селькупов и др., но занимает у них второстепенное место и является реликтовым [4, с. 124].

Лица толькинских изображений детализированы: вырезаны надбровья, носы. Глаза сделаны из бусин – у Бабушки красных, у Дедушки — голубых. Дедушка одет в одежду из черной ровдуги, внизу порезанной на бахрому, на туловище повязаны три полосы ткани. На ту полосу, которая изображает пояс, привешена низка бус. Бусы также надеты на дедушкину шею. Бабушка одета в одежду из цветастого ситца красных тонов, ее украшают красные ленты, на шее – ожерелье из когтей орла и кожаных ремешков с голубыми бусинами на концах. Когда-то на бабушке был платок, но он не сохранился. Как сказал нынешний хозяин, когда он получил духов, «там был кусок обычного платка с красными цветами» (рис. 1.).



Рис. 1. Изображения домашних духов, Бабушки (духа Огня) и Дедушки.
Село Толька, Красноселькупский район Тюменской области. 2012 г. Фото автора

Второй раз изображение селькупского домашнего духа было осмотрено автором в 2015 г. на стойбище Белый Яр, что в верховьях р. Толька [2]. В день ее приезда на стойбище находился Алексей Каргачев, 35 лет, который присматривал за оленями. Хозяин стойбища, его дядя, Георгий Силантьевич Чекурмин, 52 лет, приехал через два дня с фактории Быстринка, где ловил рыбу для общины «Ича», дислоцированной в пуровской Тольке. И Алексей, и Георгий относятся к тазовским селькупам, их род происходит из поселка Кикки-Акки и с р. Печалька, что на Тазу. До приезда дядьки Алексей поведал, что у них есть шаманские вещи, но показывать их и вообще открывать ящик, где они лежат, он не может, ему это запрещено, поскольку он не хранитель. Хранителем шаманских вещей, среди которых находился домашний дух, был Георгий, следовательно, он являлся старшим мужчиной в семье. Георгий согласился показать вещи только при условии оплаты и цену назвал немаленькую. При осмотре оказалось, что о вещах он почти ничего не знает. В роду Георгия и Алексея раньше было много шаманов, Георгий непрозрачно намекал, что тоже унаследовал шаманский дар и собирается стать практикующим шаманом, что он владеет какой-то ценной информацией¹, но расскажет об этом «потом», по приезду в Быстринку. К шаманскому

¹ То, что автор правильно поняла намеки Георгия, подтверждает статья О.А. Казакевич «Видение селькупского шамана» [5], где есть упоминание о нем и его намерении стать шаманом. О.А. Казакевич посещала Белый Яр в 2013 г. Планам Георгия не дано было сбыться: во время экспедиции на Таз в 2018 г.

становлению в условиях прекратившейся шаманской традиции автор относится скептически, платить за очередную порцию скудных сведений ей не хотелось, поэтому по приезду в Быстринку Георгий остался без благодарного слушателя. Было очевидно, что хранитель традиционных секретов делал бизнес на этих самых секретах.

При расшифровке диктофонной записи разговора с Георгием обнаружилось, что он назвал сразу двух хозяев демонстрируемых вещей. Сначала он сказал, что вещи принадлежали Андрею Ивановичу Чекурмину, одному из его дедов-шаманов, а потом обмолвился, что это были реликвии дедова брата, тоже шамана, Игната Ивановича Чекурмина.

Основная часть шаманских вещей хранилась в деревянном сундуке, подвешенном с помощью проволоки к ветке кедра, растущего в километре от стойбища. Другая часть – три железных изображения – была подвешена на ствол молодой березы в десяти метрах от сундука. Григорий объяснил, что расположил шаманские вещи специально так далеко от дома, «чтобы дети маленькие не крутили, не топтали».

Связку предметов, повешенных на березу, составили: массивное кованое изображение гагары; вырезанное из железа изображение сложной несимметричной конфигурации, похожее на верхнюю часть надмогильного креста; «поплавок» – кольцеобразная железная деталь от какого-то технического средства. К лесине были также привязаны свежие приклады (жертвы) – широкие полосы ткани белого цвета.

В сундуке лежало два тряпичных свертка. В первом свертке, сделанном из нового черного вельвета, находились: шаманская шапка; колотушка из оленьего рога с закрепленным на ней железным изображением *түши* и привязанными к ручке 5-ю медными рельефными медальонами; аркалан, к которому были прикреплены железная птица, 4 медных медальона с изображением птиц и две железные подвески; железный «поплавок» в виде шестиугольного медальона; камень; железные антропоморфное и орнитоморфные изображения; железная «петелька» (не исключено, что тоже антропоморфная); трехголовая железная птица или выдра, завернутая отдельно в две тряпочки; алюминиевое кольцо.

Во втором свертке находился домашний дух, Дедушка, замотанный также в черный вельвет и плюс к нему в кусок красного нового ситца. «Дедушка» представлял собой плоское деревянное антропоморфное изображение с большой круглой слегка заостренной на макушке головой. Изображение имело хорошо выраженные нижние конечности и рельефно обозначенные на плоскости туловища руки. На слегка вогнутом лице ямками были обозначены глаза и рот, вырезан прямой рельефный нос и брови. Линия бровей обозначала также нижний край волосистой части головы или же шапки, волосы или мех шапки изображались рельефными волнистыми линиями. На шею Дедушки была намотана низка синих бус. На затылке слева в голове Дедушки находилось прорезанное ушко, к которому были привязаны низка бисера и цепочка, замотанные вокруг шеи. Бусами, цепочкой и бечевкой к телу духа были примотаны два железных изображения – зооморфное и орнитоморфное. Они выдавали наличие у него кроме человеческого обличья звериной и птичьей ипостасей (рис. 2).

Вместе с Дедушкой в сверток было запаковано его имущество – нож (маленький покупной перочинный с кожаными, возможно, самодельными ножнами); два пояса (первый – из ровдужного ремешка с привешенными на него двумя связками полосок черного сукна с цепочкой и низками бисера; второй – из полоски черного сукна, вышитой бисером, с пришитой к ней завязкой красного сукна) и низка бисера.

Удивительно было то, что на Дедушке отсутствовала одежда. У селькупов домашним духам такого типа положено быть одетыми. Георгий сказал, что хотел ему сделать из кожи новую одежду, но пока не нашел на это времени. По словам племянника Алексея, духа давно не передевали, и

автор встретилась с его младшим братом Евгением, который сообщил, что Георгий полтора года назад умер от инсульта.

шить одежду должна женщина. Георгий вдовец, как он говорил: «Хозяйки нет, кто будет делать, жена давно уже умерла. Хотел я это все сделать. Все старое, все порвалось». Мать Георгия Варвара Васильевна Чекурмина (в девичестве Агичева, родом с Печальки) была известной сказительницей и знатоком селькупских традиций, она умерла в 2011 г. Думается, ее статус позволял шить духу кожаную одежду, но, вероятно, до ее смерти на духе еще сохранялась одежда, в которую его одели при изготовлении. Хранительницей женщина быть не могла, так как относилась к другому роду, а в этом роду была невесткой. По устным сведениям одного информанта из Тольки, до Георгия хранителем родовых реликвий был его отец Силантий.

По сообщению нынешнего владельца, Дедушка – шаманский дух, однако, исходя из опыта своей работы среди селькупов, автор может утверждать, что грань между шаманскими и домашними духами, особенно в семье, где много шаманов, очень тонка, если не сказать, что вообще есть. В наше время, когда уже не осталось ни одного селькупского шамана, она почти не просматривается. После смерти последнего активного шамана в роду Дедушку, скорее всего, использовали только в качестве домашнего духа.



Рис. 2. Изображение шаманского/домашнего духа, Дедушки Тылай Ильджя. Стойбище Белый Яр, верховья р. Толька, Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

У духа-Дедушки есть имя, его зовут Тылай Ильджя, т.е. Тылай-дедушка. Он главный дух среди всех чекурминских реликвий, Георгий использует его по прямому назначению. Он разговаривает с ним, молится ему, обращается к нему с просьбами, и дух ему помогает. Общение их начинается, когда Георгий снимает с дерева ящик. Так было во время устроенного в честь автора демонстрационного сеанса. Разматывая проволоку, Георгий сказал несколько слов по-селькупски и перевел: «Я сказал, пускай эта бабушка тебя посмотрит, не делай ей плохо. Предупредил». Заверчивая Дедушку обратно в тряпки, он произнес: «Плохо тебя ничё, не обидел...» [2, с. 18].

Вот выдержка из интервью, где Георгий рассказывает о функциях своего домашнего духа и правилах обращения с ним: «Кто меня обидит, приду, помолюсь, руками он уберет человека. Этот без меня меня защитит. Сундучок специально на кедре висит. Я здесь повесил, чтобы... Никто здесь не ходит. В стороне. Кто-то здесь проехал, туда, обратно. Возле дома хранить не положено. Или олени потеряются, например, зимой, осенью. Схожу, помолюсь, посижу. Недели через две олени

придут. Нынче зимой 15 голов потерялись. Весь лес объездил. Пришел, посидел, бутылку взял, вылил. Сам-то не пью, вообще не пью. Новый год прошел, по зимнику домой еду, по зимнику оленей перегоняю. Домой приезжаю. Что за олени там ходили? По снегу завалились, с неба завалились. Все по следам олени там. Вот так. Вот такой Дед у меня. Кто меня обидит... Пришел, посидел, поговорил. Мне мента не нужно. Через неделю это мне, как кто руками все снесет...» [2, с. 19].

По словам Георгия, раньше у них хранились также вещи другого деда-шамана, Савелия, но их «утацил» Рудольф (Виктор Рудольф – местный краевед, основатель Красноселькупского краеведческого музея, умер в 1991 г. в поезде). Среди тех вещей было «еще чучело, кукла, бабушка, Имя Алага», а также блюдо из металла с рисунком и много стрел – одна с вилкой, одна на белку тупая, стрела с наконечниками с двух сторон и т. д. Сейчас вещи, которые Рудольф увез в 1980-х годах от Чекурминых, хранятся в Красноселькупском краеведческом музее, чекурминская шаманская железная корона с оленьими рогами, якобы, находится в музее им. Шемановского в Салехарде.

Никаких обрядов с духами последние хранители семьи Чекурминых не проводили. Еще интересный факт – эти шаманские вещи нельзя унести подальше в лес и там оставить, чтобы никто их больше не видел, а надо обязательно хранить.

Георгий Чекурмин упомянул редкий селькупский термин для обозначения изображения домашнего духа – *алага*: духа-Бабушку он назвал нарицательным именем Имя Алага и, отвечая на вопрос автора, есть ли поблизости от их стойбища *порге* (*поркя*) – изображения духов, вырезанные на деревьях, он акцентировал, что в его семье их называют *полгалага* (*поргалага*).

Третий дух был осмотрен автором в 2018 г. на стойбище Куболевых на р. Ширта. Хранителем его был Федор Иосифович Куболев, которому хранительские обязанности передал его старший брат Геннадий Иосифович, когда состарился и переехал жить в поселок. Автор испрашивала разрешение на осмотр и фотосъемку духа в поселке, у этого самого брата. За осмотр было заплачено три тысячи рублей, но деньги в данном случае владельцами не вымогались, а наоборот, разрешение было получено очень легко. Следующим хранителем духа может стать любой из более молодых Куболевых.

Старинное изображение духа у Куболевых было одно, без сопровождающих предметов, хранилось оно в свайном хозяйственном лабазе для продуктов, стояло на коробке с макаронами рядом с тазиком, называлось общеупотребительным термином *порге*. *Порге* было Бабушкой, по-селькупски Има кота, собственного имени оно не имело, или имя это было давно позабыто. Бабушка считалась духом-охранителем семьи и отвечала за здоровье и благополучие ее членов. У изображения была круглая голова и хорошо выраженные руки и ноги (рис. 3).

Раз в год хранитель переодевал Бабушку – делал ей новый ситцевый наряд, обычно это происходило весной. Наряд представлял собой простой кусок ситца, в который заматывалось изображение, отдельно на голову изображения повязывалась косынка. Прошлогдняя одежда духа при этом выбрасывалась, постоянно на духе оставался только тот наряд, который был на него надет, когда его изготовили. У Бабушки этот наряд был сделан из шкуры россомахи и плотно подогнан по фигуре, в частности по голове, которую он укрывал в виде капюшона. Обычай каждый год переодевать духов, как сказал Федор, переходил из поколения в поколение. В июле месяце того года, когда автор ездила на Ширту, Федор уже поменял на Бабушке одежды. Когда были живы родители нынешних старших Куболевых, они возили Бабушку всюду с собой в нарте с коробом. У Геннадия с Федором такого «ящика», не было, поэтому они лет 15 назад определили Бабушку в новый лабаз, тогда только построенный. Раньше Бабушку хранила их мать, т. е. это был родовой дух их матери. Бабушка, сколько Федор себя помнил, всегда была одна, других изображений не имелось. Как сказал Федор, «сейчас такие старинные изображения редко у кого есть, у меня, да там, наверное, еще у нескольких, да на Ватыльке, я не знаю, держат, не держат. Раньше приезжали, собирали такие изображения, люди сдавали. Сейчас мало осталось. Мы не сдавали» [3, с. 28].



Рис. 3. Изображение домашнего духа, Бабушки. Стойбище на р. Б. Ширта, Красноселькупский район Тюменской области. 2018 г. Фото автора

На большую часть вопросов автора – можно ли привязать на духа ленточки, почему у изображения черное лицо, из чего сделаны глаза, разговаривают ли с духом, когда меняют на нем одежды и т. д. – хранитель не знал ответа. Посмотреть более тщательно, что у духа внутри, под ситцевым покровом, он автору не позволил.

Спекуляции, которые были зафиксированы автором при получении доступа к сакральным вещам частного хранения, подтверждают живучесть традиции утаивания. Автору также известно не менее пяти семей, которые хранят семейных – домашних и шаманских духов, каждую весну меняют на них одежды и отказываются демонстрировать реликвии ни ради идеи сохранения культуры, ни за деньги: селькупы верят, что, если традиция укрывания духов будет нарушена, духи их покарают, и в их семье случится несчастье.

Выводы. Таким образом, домашние изображения духов, находящиеся в частном хранении, визуализируют традиционную культуру селькупов, сообщая нам о ней следующие сведения. Одной из форм традиционных верований селькупов была вера в духов, духи воплощались в изготовленных для них изображениях, существовала специальная категория домашних духов. Их изготавливали из дерева, называли *porge*, реже *alaga*. Домашние духи были антропоморфными, но в то же время олицетворяли природные явления (например, огонь), животных и птиц. По форме фиксируется два типа духов – круглоголовые и остроголовые. При изготовлении духов облачали (обшивали) в кожаные или меховые одежды, украшали бусами. Поверх шкур на духов надевали еще и ситцевые одежды, которые каждый год полагалось менять/обновлять, старые при этом выбрасывались. Духи разделялись по полу на Бабушек и Дедушек, в некоторых семьях они хранились парами. В каждой селькупской семье был хранитель духов – в его обязанности входило прятать духов от чужих глаз и менять на них одежды. Хранителем становился старейший в роду мужчина или самая старшая женщина. Согласно верованиям, домашние духи отвечали за благополучие членов семьи, к ним обращались с просьбами о здоровье и помощи в каких-то трудных жизненных ситуациях. Хранили

духов, как правило, в лесу, на удалении от дома – в хозяйственных лабазах, в сундуках, подвешенных к веткам кедра и т. д. Это связывалось с исходящей от духов в определенных случаях опасностью. К таким случаям относилось неуважительное к ним отношение, включающее демонстрацию их чужим людям, и просто беспокойство. За плохое отношение к себе, как верили селькупы, духи наказывали хранителя и всех членов семьи каким-нибудь несчастьем. Из собранной информации, по совокупности, можно заключить, что духи были предками рода.

Сегодня почти все домашние духи безличны, из рассмотренных изображений лишь толькинская Бабушка имеет дополнительную характеристику духа Огня. Возможно, что отличительные характеристики были раньше у всех домашних духов, но к нашим дням забылись. Когда прекратилась селькупская шаманская традиция, в компанию к домашним духам попали духи шаманские, по крайней мере, они теперь имеют одно место хранения.

Объекты, которым доступна и на которых воздействует визуализация, исходящая от селькупских изображений духов частного хранения, единичные, не массовые. В число этих объектов входит несколько ученых, сами владельцы изображений и их ближайшее окружение. Через ученых, которые где-то расскажут и куда-то напишут о собранном полевом материале, могут быть дополнены уже известные сведения об этом классе предметов селькупской культуры. Это в свою очередь позволит уточнить информацию об изображениях, хранящихся в музеях. Если сравнивать частные и музейные изображения по производимому ими визуализирующему эффекту, то у музейных предметов он будет значительно выше, поскольку намного крупнее объект, на который они воздействуют (посетители музея). С другой стороны, домашние духи частного хранения, в отличие от музейных, визуализируют современное состояние традиционной культуры, они демонстрируют сохранность, современность селькупской веры в родовых духов и в их силу – созидательную и разрушающую. Вследствие сохранности этой веры, селькупы отказываются отдавать в музеи свои традиционные сакральные вещи.

Литература

1. Полевые материалы О.Б. Степановой: экспедиционная поездка 01.09.2012 – 14.09.2012 в Красноселькупский район Тюменской области // Архив Музея антропологии и этнографии. К-И. оп. 2. №2123. 36 с.
2. Материалы экспедиции О.Б. Степановой в Пуровский и Красноселькупский районы Ямало-Ненецкого АО в июне 2015 г. // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. К-И. оп. 2. №2270. 40 с.
3. Материалы экспедиции н.с. отдела Сибири МАЭ РАН к.и.н. О.Б. Степановой в Красноселькупский район Тюменской области 04.07.2018 – 01.08.2018 // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. К-И. оп. 2. №2330. 64 с.
4. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX вв. Л.: Наука, 1970. 295 с.
5. Казакевич О.А. Видение селькупского шамана // Антропологический форум. 2018. №38. С. 194-205.
6. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5-70.
7. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник МАЭ, Т. 33. Л., 1977. С. 66-79.
8. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник МАЭ. Т. 20. М.-Л., 1961. С. 54-74.
9. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106-128.
10. Степанова О.Б. "Огненная" ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. 2008. С. 218-225.
11. Степанова О.Б. Мать-змея и образ духа-охранителя в мифологических представлениях селькупов // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб., 2009. С. 87-93.
12. Головнев А.В. Визуализация этничности: музейные проекции // Уральский исторический вестник. 2019. №4. С. 72-81.
13. Коломиец О.П., Нувано В.Н., Вуквукай Н.И., Церковникова Е.А. Предметы чукотской оленеводческой культуры в повседневной жизни и музейных коллекциях // Уральский исторический вестник. 2019. №4. С. 98-107.

14. Перевалова Е.В. И не шаман, и не этнограф (этническая идентичность в музейных коллекциях) // Уральский исторический вестник. 2019. №4. С. 108-115.
15. Перевалова Е.В., Киссер Т.С., Конькова Ю.С. Сувенир и этничность (опыт Ямала и Таймыра) // Кунсткамера. 2021. №4(14). С. 249–261.

References

1. Polevye materialy O.B. Stepanovoi: ekspeditsionnaya poezdka 01.09.2012 – 14.09.2012 v Krasnosel'kupskii raion Tyumenskoi oblasti. In *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii*, K-I. op. 2. No2123. Pp. 36.
2. Materialy ekspeditsii O.B. Stepanovoi v Purovskii i Krasnosel'kupskii raiony Yamalo-Nenetskogo AO v iyune 2015 g. In *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii*, F. K-I. op. 2. No2270. Pp. 40.
3. Materialy ekspeditsii n.s. otdela Sibiri MAE RAN k.i.n. O.B. Stepanovoi v Krasnosel'kupskii raion Tyumenskoi oblasti 04.07.2018 – 01.08.2018. In *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii*, F. K-I. op. 2. No2330. Pp. 64.
4. Ivanov, S.V. (1970). *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX – pervoi poloviny KhKh vv.* Leningrad. (in Russ.).
5. Kazakevich, O.A. (2018). Videnie sel'kupskogo shaman. *Antropologicheskii forum*, (38), 194-205. (in Russ.).
6. Pelikh, G.I. (1980). Materialy po sel'kupskomu shamanstvu. In *Etnografiya Severnoi Azii*, Novosibirsk, 5-70. (in Russ.).
7. Prokofeva, E.D. (1977). Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov. In *Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.)*, *Sbornik MAE*, 33, Leningrad, 66-79. (in Russ.).
8. Prokofeva, E.D. (1961). Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov). *Sbornik MAE*, 20, Moscow, Leningrad, 54-74. (in Russ.).
9. Prokofeva, E.D. (1976). Starye predstavleniya sel'kupov o mire. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa*, Leningrad, 106-128. (in Russ.).
10. Stepanova, O.B. (2008). "Ognennaya" ipostas' materi-praroditel'nitsy sel'kupov. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, 218-225. (in Russ.).
11. Stepanova, O.B. (2009). Mat'-zmeya i obraz dukha-okhranitelya v mifologicheskikh predstavleniyakh sel'kupov. In *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, II, St. Petersburg, 87-93. (in Russ.).
12. Golovnev, A.V. (2019). Vizualizatsiya etnichnosti: muzeinye proektsii. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 72-81. (in Russ.).
13. Kolomiets, O.P., Nuvano, V.N., Vukvukai, N.I., & Tserkovnikova, E.A. (2019). Predmety chukotskoi olenevodcheskoi kul'tury v povsednevnoi zhizni i muzeinykh kollektsiyakh. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 98-107. (in Russ.).
14. Perevalova, E.V. (2019). I ne shaman, i ne etnograf (etnicheskaya identichnost' v muzeinykh kollektsiyakh). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 108-115. (in Russ.).
15. Perevalova, E.V., Kisser, T.S., & Kon'kova, Yu.S. (2021). Suvenir i etnichnost' (opyt Yamala i Taimyra). *Kunstkamera*, (4(14)), 249–261. (in Russ.).

дата поступления: 05.02.2022

дата принятия: 03.03.2022

© Степанова О.Б., 2022

УДК 93/94 (571.12) (091)
https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/11

Сулимов В.С., Федотова Д.Ю.

УЧАЩИЕСЯ ТОБОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905-1907 гг.)

Sulimov V.S., Fedotova D.Y.

STUDENTS OF THE TOBOLSK MALE GYMNASIUM DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION (1905-1907)

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности учащихся старейшего учебного заведения Западной Сибири – Тобольской мужской гимназии в период революционных потрясений 1905-1907 гг. Внимание уделяется анализу особенностей учебно-воспитательного процесса, нашедших отражение в протоколах педагогических советов и отчетах директора гимназии П.И. Панова. Отмечается, что несмотря на контроль за поведением учащихся гимназии со стороны директора, педагогов, классных наставников и родителей, ученики постепенно втягивались в политические процессы, охватывающие всю страну. Проникновение одной революционной прокламации в стены гимназии после событий 9 января 1905 г. привело к продолжительному конфликту между учениками учебного заведения. Произошла забастовка ряда учащихся, что выразилось в отказе посещать занятия по причине невыполнения администрацией гимназии требования гимназистов. Авторами рассматриваются основные требования, выдвигаемые воспитанниками мужской гимназии осенью 1905 г., которые были представлены руководству учебного заведения в виде петиции, содержащей 29 пунктов. Следует учитывать тот факт, что петиция была прислана из Европейской России для объединения требований учащихся средних школ по изменению учебно-воспитательного процесса. В работе сделан вывод о том, что гимназисты выступали против запретов и ограничений, не имели четкой политической программы и плана действий, поэтому протестные акции были стихийны и хаотичны. В данной статье авторы используют репрезентативную источниковую базу неопубликованных материалов из фондов Государственных архивов г. Тобольска и г. Томска, относящихся к истории Тобольской мужской гимназии.

Ключевые слова: Тобольская мужская гимназия, педагогический совет, Первая русская революция, революционные события 1905–1907 гг.

Сведения об авторах: Сулимов Вадим Сергеевич, ORCID: 0000-0002-0688-3831, д-р ист. наук, Тюменский государственный университет, г. Тобольск, Россия, sulimov1968@mail.ru; Федотова Дарья Юрьевна, ORCID: 0000-0002-9832-8914, канд. филол. наук, Тобольская комплексная научная станция, Уральское отделение Российской академии наук, г. Тобольск, Россия, dashulya-23@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of students of the oldest educational institution in Western Siberia – the Tobolsk male gymnasium during the revolutionary upheavals of 1905-1907. Attention is paid to the analysis of the features of the educational process, reflected in the protocols of pedagogical councils and reports of the director of the gymnasium P.I. Panov. It is noted that despite the control over the behavior of the students of the gymnasium by the director, teachers, class mentors and parents, the students were gradually drawn into political processes covering the whole country. The penetration of one revolutionary proclamation into the walls of the gymnasium after the events of January 9, 1905 led to a long conflict between the students of the educational institution. There was a strike of a number of students, which resulted in a refusal to attend classes due to the failure of the gymnasium administration to fulfill the requirements of the gymnasium students. The authors consider the main demands put forward by the pupils of the male gymnasium in the autumn of 1905, which were presented to the leadership of the educational institution in the form of a petition containing 29 points. It should be taken into account that the petition was sent from European Russia to unite the demands of secondary school students to change the educational process. The paper concludes that the high school students opposed prohibitions and restrictions, did not have a clear political program and action plan, so the protests were spontaneous and chaotic. In this article, the authors use a representative source base of unpublished materials from the funds of the State Archives of Tobolsk and Tomsk, related to the history of the Tobolsk male gymnasium.

Keywords: Tobolsk Men's Gymnasium, Pedagogical Council, First Russian Revolution, revolutionary events of 1905-1907.

About the authors: Sulimov Vadim Sergeevich, ORCID: 0000-0002-0688-3831, Dr. habil., Tyumen State University, Tobolsk, Russia, sulimov1968@mail.ru; Fedotova Darya Yuryevna, ORCID: 0000-0002-9832-8914, Ph.D., Tobolsk Complex Research Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, dashulya-23@bk.ru

Сулимов В.С., Федотова Д.Ю. Учащиеся Тобольской мужской гимназии в период первой русской революции (1905-1907 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 84-93. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/11>

Sulimov, V.S. & Fedotova, D.Y. (2022). Students of the Tobolsk Male Gymnasium During the First Russian Revolution (1905-1907). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 84-93. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/11>

Одним из крупнейших событий в истории России являлась Первая русская революция 1905–1907 гг. Она потрясла старый строй буржуазно-помещичьей России, широкой волной прокатившись от Петербурга до Дальнего Востока. Помимо рабочих и крестьян в борьбе против самодержавия приняли участие представители образовательных учреждений страны. Не обошли события революции и образовательные учреждения Тобольской губернии.

Вопросы участия учащейся молодёжи в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг. в России рассматривались Б.К. Тебиевым [1]. Социальную активность различных слоев населения, Курской губернии в условиях революции 1905 г. проанализировала А.Г. Евдокимова [2]. Протестные акции воспитанников средних учебных заведений Петербурга, Казани, Ярославля, Вятки, Оренбурга, Елецка, Тюмени изучались в работах Р.В. Ковшова, Т.И. Пашковой, Е.В. Мироновой, С.Ю. Иерусалимской., А.С. Масютина, А.С. Алешина, О.А. Саввина, В.С. Сулимова [3-10]. Ищенко О.В. был проведен анализ текстов ученических газет и журналов, издававшихся в Сибири, охарактеризованы основные требования, выдвигаемые воспитанниками различных заведений Сибири в изучаемый период [11; 12].

До настоящего времени выступления учащихся светских школ Тобольской губернии в годы Первой русской революции не нашло должного отражения в российской историографии. Преимущественно изучались проблемы, связанные с активностью представителей рабочего класса и учащихся духовных школ региона в революционный период [13-16]. В исследовании Ю.П. Прибыльского проанализирована эволюция системы среднего образования в Сибири, уделено внимание отдельным периодам истории Тобольской мужской гимназии [17].

Детальному изучению участия учащихся светских школ Тобольской губернии в событиях 1905–1907 гг. мешало, в первую очередь, отсутствие достаточной источниковой базы в местных архивах, а также стереотипные подходы исследователей советского периода в угоду идеологии. В наше время появилась возможность рассмотреть многие вопросы более объективно, в том числе и работу светских школ региона в период 1905-1907 годов. В данной работе впервые раскрывается деятельность учащихся Тобольской мужской гимназии в годы Первой русской революции. Исследование проведено на основе неопубликованных ранее документов Государственных архивов г. Тобольска и Томска, относящихся к истории Тобольской мужской гимназии.

С 1879 г. Тобольскую мужскую гимназию возглавлял магистр богословия Петр Иванович Панов [18]. Будучи достаточно осторожным руководителем, Петр Иванович пытался оградить гимназистов от вмешательства в революционные процессы. Педсоветом Тобольской мужской гимназии в 1905 г. принимались меры для нормального хода учебно-воспитательного дела, несколько нарушенного окружающими условиями общественной жизни России [19, л. 60].

За успехами и поведением учеников гимназии следили классные наставники. Они в конце каждой четверти сообщали на заседаниях педсовета точные и подробные сведения касающиеся успеваемости и поведения учащихся. Особое внимание всегда обращалось на малоуспешных учеников, обсуждались возможные меры для поднятия их успеваемости и исправления их поведения [19].

Нередко появлялась надобность общаться с родителями, опекунами и родственниками учащихся. Классные наставники иногда посещали своих учеников на дому, знакомились с условиями домашней жизни учащихся, со средой, в которой они проводили внеклассное время [19].

Велось наблюдение за учениками и вне стен гимназии – на улице и общественных местах. Несмотря на все указанные меры, спокойное течение жизни гимназии в 1905 г. под влиянием внешних событий было нарушено: в конце первого полугодия и в первой половине второго [19].

29 апреля ученик 6 класса Шабунин принес в класс прокламацию за подписью Гапона, обращенную к русскому пролетариату и предложением истребления всего существующего правопорядка в империи. Одноклассник Лебедев по одной версии попросил почитать этот печатный листок, а по другой выхватил из рук читающего (подлинность факта не установлена из-за разных показаний) – и положил в карман блузы, пояснив, что «такую гадость» читать не следует, и что он знает, как поступить с этим документом. Не сказав директору гимназии об этом, он передал листок своему отцу, члену Тобольского губернского управления. В связи с этим 30 апреля на большой перемене стало заметно волнение среди учеников старших классов: гимназисты увидели в данном поступке Лебедева не только нарушение правил товарищества, но даже шпионство. Хотя директор и объяснил, что в поступке Лебедева нельзя было видеть злого умысла, что поступок его можно назвать только бестактным. Однако учащиеся продолжали волноваться, и 2 мая предъявили требование об удалении из гимназии данного ученика. Это требование не могло быть исполнено, и некоторые ученики самовольно оставили гимназию, за что педсоветом они тотчас же были временно уволены с правом обратного поступления только после сдачи экзаменов по всем предметам в конце августа [19].

Администрацией гимназии было проведено тщательное расследование инцидента. Никакой «политической подкладки» в поступке учеников, самовольно прекративших занятия со 2 мая, расследование не установило, а только лишь выявлено раздражение против нетоварищеского поведения Лебедева. Были учтены ходатайства родителей и заступающих их место об оказании снисхождения к их питомцам и о принятии их обратно в гимназию без всякого экзамена. К тому же ученики, хоть и не все, высказали директору гимназии и преподавателю Шиллерову сожаление о произведенной ими забастовке. В связи с необходимостью надзора за учениками в летние каникулы педсовет постановил: из учеников, самовольно покинувших гимназию 2 мая, освободить от экзаменов после каникул всех, за исключением ученика 6 класса Сеницына по Закону Божию и греческому языку: преподаватели этих предметов заявили, что курсы ими пройдены и повторены ко 2 мая, и некоторых по латинскому языку – тех из них, которые имели удовлетворительные баллы за год [19].

По отношению к Сеницыну требования были также пересмотрены. Ученик, по просьбе своей матери с 10 мая перестал поддерживать бастовавших, и с разрешения директора посещал уроки. Вел себя в это время безукоризненно и получил за год по всем предметам вполне удовлетворительные баллы. Потому педсовет нашел возможным не подвергать ученика никакому взысканию и перевести в 7 класс без испытаний [19].

Этому решению ученики подчинились, и можно было надеяться, что они успокоятся, и учебная жизнь с начала нового учебного года войдет в свою обычную колею. К сожалению, надежды эти не оправдались. Ученики уже не предъявляли прежних требований об удалении из гимназии Лебедева и первые три дня нового учебного года, когда Лебедев не посещал уроков, были совершенно спокойны. Однако с приходом Лебедева 22 августа на занятия одноклассники не могли не обнаружить по отношению к нему своего неприязненного чувства. Поводом к этому послужило, главным образом, поведение самого Лебедева и его отца, которые вели себя по отношению к ученикам старших классов вызывающе [19].

Последнее обстоятельство и другие соображения педагогического характера заставили педсовет прийти к заключению, что ученику Лебедеву следует оставить гимназию. Он оставил школу 10 октября. Между тем, в России в этот период совершились события, заставившие жить не спокойно все общество, в том числе родителей и опекунов учащихся. Довольно было малейшей искры, чтобы вспыхнул пожар. Эта искра, вначале зароненная в духовную семинарию, воспитанники которой предъявили своему начальству ряд требований, попала затем в гимназию [19].

В таком состоянии вступила Тобольская гимназия в период Первой русской революции. 1905 год в отчетах о состоянии учебно-воспитательного процесса мог ничем особо не отличаться от отчетов предыдущих лет, однако, отголоски событий Кровавого воскресенья 9 января наложили свой отпечаток на жизнедеятельность мужской гимназии.

События второй половины октября 1905 г. быстро стерли из памяти гимназистов и педагогов инцидент с учеником Лебедевым. В связи с царским манифестом 17 октября, «в ознаменование гражданской свободы», 20 и 22 октября в г. Тобольске были устроены две «совершенно мирных прогулки» по улицам. П.И. Панов отмечал в послании попечителю в конце месяца: «Особенно выделялось грандиозное шествие на кладбище к могилам декабристов». Организаторы данного мероприятия, «празднуя такое торжество свободы и неприкосновенности личности», пригласили к участию и воспитанников учебных заведений города, в том числе и многих учеников старших классов гимназии. «Окружив плотным кольцом» могилы декабристов, толпа примерно из 2000 человек пропела «вечную память», послушала речи и стихи, прокричала «ура» и «да здравствует свобода». На обратном пути в 5 часов вечера, толпа пела студенческие песни революционного содержания. Собравшиеся пропели вечную память против здания жандармского управления, что «привело в смущение тихое спокойное» до этой поры местное общество [20].

Очередное заседание педсовета гимназии состоялось 15 октября. На заседании был заслушан доклад директора. Почти одновременно с забастовкой учеников духовной семинарии, по поводу неприятия их петиции епархиальным начальством, началось брожение и в старших классах гимназии. Оно выразилось в том, что в перемены проходили совещания. Времени на переменах для обсуждения вопросов не хватало, и ученики четырех старших классов пришли к директору с просьбой разрешить им собрание для обсуждения насущных вопросов. Они заявили, что не желают делать сходок без ведома начальства вне стен гимназии в каком-либо частном доме или в саду Ермака. В виду такой откровенной просьбы и с учетом тяжелого положения, переживаемого средней школой, и руководствуясь примером гимназий европейской России в прошлом году, когда ученикам предоставлялось временное право устраивать совещания в учебных заведениях, директор разрешил ученикам собраться в один из ближайших праздничных дней для обсуждения злободневных вопросов. Однако поставил условие о проведении собрания в комнате рядом со своим кабинетом, где он будет следить за мероприятием.

17 октября в понедельник после обеда в гимназической церкви, директор спустился в свой кабинет и стал ждать учеников. Через 5-10 минут ему доложили о сборе учеников в одном из классов верхнего этажа. Учащиеся закрыли дверь на ключ и начали совещание. В классе оказались шесть учеников четвертого класса, и директор предложил выпустить младших школьников, так как им не разрешили участвовать в сходке. Гимназисты сказали, не могут найти ключ, что являлось ложью. После выхода учеников с совещания помощник наставника спросил о решениях собрания. Гимназисты ответили, что ничего определенного они не решили по причине неорганизованности. На следующий день в 12 часов ученики вновь пришли к директору с просьбой разрешить продолжение сходки во время последних двух уроков, но Панов отказал. Тогда ученики просили о продолжении вчерашней сходки после уроков. Директор согласился и дал разрешение на присутствие на собрании по выбору преподавателей И.П. Львова и П.П. Ершова. Последний руководил порядком совещания, прошедшего «совершенно тихо и спокойно» [20].

Плодом двух совещаний явилась петиция учеников из 29 пунктов, направленная в педсовет. Свою петицию ученики начали так: «Ненормальности школьной жизни, как-то: удручающая бесцветность ее, педантизм, бесправие учащихся, подавление их личности, неправильное отношение воспитателей к воспитанникам, стали для нас невыносимы. Пробудившееся сознание этих ненормальностей заставляет нас протестовать против них, так как школа вместо того, чтобы дать нам запас истинных знаний и сделать из нас тружеников для счастья родины, старается подавить в нас всякую самостоятельность и возможность свободно мыслить» [20, л. 68]. Петицию подписали ученики 5-8 классов и передали 19 октября в 10 часов после молебна по случаю царского

манifestа. Директор не хотел давать ход петиции, как составленной учениками, но, желая успокоить «сильно приподнятое настроение учащихся» в прошлые дни, решил представить педсовету на обсуждение все пункты документа для спасения гимназии от грозившей забастовки. Перед обсуждением петиции директор высказал свой взгляд на ее характер. Во-первых, она не являлась самостоятельным плодом учеников гимназии, а, скорее всего, была прислана из Европейской России, и целиком, без дополнений подписана ими, с целью присоединиться по пожеланиям учеников средних школ всей страны. Во-вторых, доказательством данного предположения служили два момента. Например, ученики просили ввести преподавание законовещения, истории философии и психологии. Это было уже сделано с начала учебного года. Увеличение количества уроков математики также являлось желанием запоздалым. В-третьих, директор был убежден, что в числе 66 учеников, подписавших петицию, половина, если не более, сделали это под давлением группы учеников, побоявшись бойкота. Данный прием борьбы к великому сожалению директора «свил себе гнездо» и в средних школах, приобрета «широкое право гражданства» [20]. Из 29 пунктов петиции педсовет принял решение удовлетворить 18 пунктов, которые нисколько не нарушали устава гимназии. Например, человеческое, добросовестное и равное отношение школьной администрации к учащимся, вежливое обращение со всеми учениками, предоставлении выбора квартир родителям учеников, опекунам их и заступающим их место, разрешение суждения по вопросам религии, политики и жизни.

По остальным пунктам учащимся было отказано в удовлетворении, как не подлежащим компетенции педсовета. Например, отмена обязательных богослужений, допущение ученических сходок, снятие внешкольного надзора за учениками, право жить приходящим иногородним ученикам, где им угодно по их желанию, право третейского суда над учениками, право предлагать увольнять учителей. Когда решение педсовета было объявлено ученикам, последними порядок в гимназии до конца отчетного учебного года не нарушался [20].

Очередные волнения были связаны с празднованием 80-й годовщины со дня восстания декабристов на Сенатской площади. Директор гимназии, опасаясь слухов по поводу предстоящей уличной манифестации, и возникновения случайных столкновений демонстрантов с народной толпой, способной привлечь учащихся школ во время занятий, по просьбе некоторых родителей и по соглашению с губернатором, разрешил ученикам не ходить в этот день в гимназию. Директор предупредил гимназистов, чтобы они не присоединялись к демонстрации, опасаясь всяческих несчастий. В других учебных заведениях ученики также были распущены по домам [20, л. 73].

13 июня 1906 г. из Министерства народного просвещения (далее МНП) попечителю учебного округа пришло секретное распоряжение запросить у директора Тобольской гимназии о прошедшем происшествии, связанном с учеником 6 класса А. Шабуниным, прочитавшим вслух ученикам революционное воззвание. Весной 1906 г. в Министерство внутренних дел поступило сообщение о найденном в Тобольске 28 марта на парадном крыльце губернаторского дома разрывном снаряде. Имелось указание на то, что снаряд был положен кем-то из учащихся. Из тех же сведений следовало, что многие ученики гимназии злоупотребляли спиртными напитками и были все «проникнуты духом своеволия, при чем легко поддаются тлетворному влиянию чуждых гимназии и вредных элементов» [21].

В доносе указывалось, что директор не пользовался надлежащим авторитетом у воспитанников вследствие преклонного возраста и слабости характера. В результате МНП по приказанию замминистра запросило у попечителя отзыв «по содержанию приведенных сведений» [20].

В начале августа 1906 г. директор гимназии отчитался перед попечителем об отсутствии каких-либо секретных расследований по обвинению учеников гимназии в политических преступлениях. Некоторые ученики старших классов «подпадали под влияние вредных элементов, но никаких активных проявлений своего сочувствия пропаганде обнаружено не было» [20]. Далее П.И. Панов объективно замечал: «При настоящих тяжелых условиях жизни, которые переживаются всей Россией, а учебными заведениями в частности, чрезвычайно трудно и даже невозможно

сохранить учащуюся молодежь от увлечения модными противоправительственными идеями» [20, л. 80]. Петр Иванович считал, что сведения о гимназии, имевшиеся в министерстве, являются результатом доноса одного частного лица, открыто заявлявшего, что он отомстит гимназии за некорректное отношение к нему со стороны учащихся.

Данный товарищ, боясь оскорблений общества в свой адрес, бежал рано утром из города, проникнув тайком на пароход перед самым его отправлением. Также, по мнению Панова, подобному доносу помог член при губернском управлении Лебедев, находившийся по своим делам в Петербурге, постарался очернить гимназию, так как его сыну было предложено в минувшем учебном году оставить гимназию и держать экзамен за 6 класс экстерном.

Вечером 1 мая 1907 г. в Тобольске прошла народная манифестация по поводу привоза ссыльных. Толпа с криками и песнями прошла мимо пансиона. Из второго этажа здания в открытые окна слышались крики «ура». Воспитатель находился на нижнем этаже. Панов срочно сообщил о случившемся происшествии телеграммой в Томск. Подробности обещал выслать почтой.

Губернатор Н.Л. Гондатти 4 мая отправил попечителю Л.И. Лаврентьеву конфиденциальное послание. В соответствии с ним 1 мая около восьми часов вечера в Тобольск прибыл из Тюмени, на специально зафрахтованном пароходе с баржей, партия политических арестантов в 179 человек. Среди них 101 были осуждены за политические преступления на каторжные работы.

При встрече присутствовала посторонняя публика, удерживаемая на приличном расстоянии воинским нарядом от арестантов. Среди публики было замечено немало гимназистов, последовавших при отправлении партии от пристани по тюрьмам, за арестантами, подпевая разные революционные песни. Во время прохода партии мимо пансиона гимназии, часть пансионеров, скорее всего, вместе с приходящими учениками, забравшись в здание, открыла окна и стала махать осужденным платками, крича «ура». Те же действия повторились на обратном пути, когда часть горожан, разгоняемая солдатами, бежала мимо пансиона. Гимназисты вновь выражали свое сочувствие из пансиона. Со стороны начальства гимназии при этом никаких мер воздействия на учеников не принималось. Губернатор просил директора гимназии «взыскать как можно строже» с гимназистов, участвовавших в указанных безобразиях. Гондатти считал необходимым сообщить попечителю о случившемся происшествии.

В тот же день отчет о проступке учеников отправил в Томск директор гимназии со своей версией происходящего. Под вечер 1 мая в Тобольск пришел первый пароход, на котором прибыло 180 арестантов-матросов из Тюменской тюрьмы. День стоял хороший, и публика по традиции массово встречала первые пароходы. На пристани собралось много народа из обыкновенного любопытства. Среди них были политические ссыльные и учащиеся разных школ. Немало присутствовало и гимназистов, выделявшихся своей форменной одеждой. Любопытство подогревалось еще и приходом на пристань роты солдат. Администрация вообще не знала о приходе парохода с арестантами и не сделала никаких распоряжений. К тому же данное событие произошло в родительский день и на кладбище собралось множество народа помянуть своих родных. Ходили слухи, что там готовится митинг с речами, и директор поручил инспектору съездить на кладбище. Факт присутствия гимназистов на кладбище не подтвердился. С горы он увидел приближающийся пароход из Тюмени и бегущую на пристань толпу. Здесь уже находилась громадная толпа, стоящая группами у сходней, оцепленных солдатами. После вывода первой партии арестантов-уголовников на берег все было спокойно. Во вторую очередь вывели партию матросов, запевших революционную песню. Публика зашумела и сопровождала процессию до горы. Часть народа поднялась на гору до тюрьмы. Когда партия арестантов поравнялась с пансионом, матросы снова запели, и горожане подняли «страшный шум, крича ура» [20].

Окна на верхнем этаже пансиона были открыты. Старшие пансионеры, «случайно попав в толпу», остановились у здания, где находился инспектор, пробравшийся через толпу к пансиону. На верхнем этаже у открытых окон оставалось пять пансионеров 1-2 классов. Увлечшись гулом толпы, они тоже крикнули и в двух окнах махнули платками. Дежурный надзиратель был в этот момент на

нижнем этаже, разучивая с пансионером 6 класса пьесу. Когда он поднялся наверх, то в зале уже никого не наблюдалось, а ученики. Проводив арестантов, толпа возвращалась обратно с пением песен. Было уже темно, небо заволочло тучами, начался дождь. Полицейские и военный патруль, пользуясь узким проходом у пансиона, преградили толпе дорогу. Начался гвалт, раздались резкие свистки. К моменту прихода директора в пансион, благодаря надзору дежурного и старшим пансионерам, окна были закрыты и воспитанники не допускались к окнам. Свистки, скорее всего, раздались в адрес полиции. Старшие пансионеры подумали, что освистывают их за невыход из пансиона. Затем толпа отправилась дальше и разошлась на Большой Архангельской улице. В толпе гимназистов замечено не было, кроме одного ученика 5 класса, который после окончания экзаменов должен был оставить гимназию. Такова была версия случившегося директора П.И. Панова.

Получив сообщение от Панова, попечитель был настроен очень решительно, считая, что гимназисты принимали активное участие в проводах арестантов с пристани до тюрьмы. Лаврентьев просил доложить, было ли проведено расследование об участниках данного события, обсуждали ли поведение гимназистов на педсовете. Какие взыскания были наложены на учащих, принявших участие в демонстрации и смеявших «выражать сочувствие отъявленным врагам Государя, отечества и всякого разумного порядка» [20].

П.И. Панов ответил попечителю 28 мая, что начальник губернии и Тобольское жандармское управление не зафиксировали ни одного случая с активным участием гимназистов в демонстрации 1 мая. Большая толпа народа собралась в большинстве своем из простого любопытства, «без всякой политической подкладки» [20]. К числу любопытных относились и ученики гимназии, сопровождавшие толпу. Кто именно участвовал из гимназистов в шествии, по причине большого количества народа, установить было трудно. К дознанию было привлечено три человека – мещане г. Тобольска. Активного участия гимназистов в пении и криках было не обнаружено. Однако на частном совещании с членами педсовета директор вынес порицание ученикам старших классов с предупреждением за их участие в толпе, хотя бы из простого любопытства. Если в будущем будет замечено даже пассивное участие в любой народной демонстрации, то на виновных будут наложены строгие меры взыскания вплоть до отчисления из гимназии. Что же касалось до криков «ура» и махания платками из окон пансиона во время прохождения шумевшей и певшей толпы, то расследованием инспектора было установлено, что настроением толпы увлеклись пять учеников младших классов. Они крикнули «ура» без осознания, «не выражая этим какой-либо симпатии преступникам», не зная, кто эти люди, и за что их направляют в каторжную тюрьму [20].

Директор гимназии был глубоко убежден, что «детвора примкнула к голосам ревущей толпы из стадного начала, так свойственного детскому возрасту» [20]. Петр Иванович сделал им выговор и сообщил родителям. Относительно одного ученика старшего класса, уходившего из пансиона на гору, как и о втором ученике, возвратившемся с горы вместе с толпой, директор собирался высказать свое мнение после сдачи экзаменов данными учениками.

Еще одна протестная акция состоялась 17 октября. Неизвестное лицо на крыше пансиона у трубы вывесило черный флаг с изображением мертвой головы. Размер флага был не больше аршина в длину, а череп, вырезанный из бумаги, покоился на двух костях. Данный проступок можно было совершить ночью или ранним утром, когда дворовой караульный снимался со своего поста. Панов ручался за старших пансионеров, что они не могли этого сделать, так сами узнали об этом лишь утром в 8-ом часу после снятия флага. Маленьким пансионерам повесить флаг было сложно, так как нужно было подниматься по высокой лестнице со двора, к тому же рискованно было лезть по крыше к трубе, к которой и был привязан флаг. Древком служила палка, вынутая из метлы. Директор считал происшествие делом посторонних лиц. Пансионеры запирались на ночь в 8 часов вечера и задние двери открывались только в 7 часов утра, когда опасно было подниматься на крышу из боязни быть замеченным. Неприятный инцидент закончился снятием флага.

Следует отметить, что П.И. Панов довольно лояльно относился к нарушению дисциплины со стороны учеников гимназии, пытаясь объективно рассматривать сложные моменты, связанные с

поведением учащихся. У него не было стремления без причины нагнетать обстановку вокруг нарастания напряженности в обществе, связанной с возрастанием роли политики в жизни страны.

События 1905–1907 гг. привели к уходу П.И. Панова с поста директора гимназии. Имея большой педагогический стаж, он не был готов воспринять веяния нового времени, считая, что создавшаяся ситуация ни к чему хорошему Россию не приведет. Проникновение одной революционной прокламации в стены гимназии после событий 9 января 1905 г. привело к продолжительному конфликту между учениками учебного заведения. Произошла забастовка ряда учащихся, что выразилось в отказе посещать занятия по причине невыполнения администрацией гимназии требования гимназистов.

Манифестом от 17 октября 1905 года были дарованы населению гражданская свобода, неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний, союзов. Однако консервативная школьная система не была готова предоставить учащимся декларируемые права и свободы в полном объеме. Активизация деятельности учащихся Тобольской мужской гимназии после провозглашения Манифеста 17 октября была связана с подготовкой петиции по внесению изменений в учебно-воспитательный процесс для противодействия запретам и ограничениям. Учащиеся старших классов гимназии начали принимать активное участие в демонстрациях, собраниях, сходках, несанкционированных властью. Участвовали в праздновании годовщины восстания декабристов на Завальном кладбище, отмечали Первомай, регулярно собирались для обсуждения текущих вопросов в Саду Ермака.

Следует признать, что у учащихся Тобольской мужской гимназии отсутствовала программа, не были четко сформированы политические убеждения, что приводило к их участию в стихийных мероприятиях г. Тобольска.

Литература

1. Тебиев Б.К. Студенческая и учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг // Высшее образование в России. 2017. №2 (209). С. 157-168.
2. Евдокимова А.Г. Социальный протест различных слоев населения Курской губернии в условиях революции 1905 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. №3(20). С. 182-188.
3. Ковшов Р.В. Кризис взаимоотношений поколений в петербургской гимназии в период русской революции 1905-1907 годов // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: Материалы VI международной научной конференции. (Санкт-Петербург, 10-11 ноября 2016 года), СПб., 2016. С. 433–439.
4. Пашкова Т.И. Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Политическая история России века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 93–104.
5. Миронова Е.В. Учащиеся в революции 1905–1907 гг. (на примере Казани) // Научный Татарстан. 2019. №1. С. 40–51.
6. Иерусалимская С.Ю. Революционная активность ярославских учащихся в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. №4(42). С. 5–8.
7. Масютин А.С. Учащаяся молодежь города Вятки в революционном движении начала XX в. // Молодежные движения и организации XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Шадринск, 23 октября 2018 года). Шадринск, 2018. С. 157–162.
8. Алешина С.А. Учебная администрация и учащаяся молодежь Оренбуржья в революции 1905–1907 гг. // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Материалы X Международной научно-практической конференции (г. Оренбург, 10-11 марта 2020 года). Ч. 2. 2020. С. 102–106.
9. Саввина О.А. Елецкая мужская гимназия и революционен волнения 1905–1906 годов // История: факты и символы. 2017. №3(12). С. 112–121.
10. Сулимов В.С. Светские школы Тюмени в октябре 1905 г. // История и археология. 2014. №6 (14). С. 4.
11. Ищенко О.В. Отражение характера и целей движения учащейся молодежи в Сибирских ученических изданиях периода революции 1905–1907 гг. // Омские научные чтения – 2018: Материалы Второй Всероссийской конференции. Омск, 2018. С. 54–56.

12. Ищенко О.В. Учащаяся молодежь Сибири в период Первой российской революции 1905–1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №34 (135). С. 148–160.
13. Бузилкин А.Е. Школьный компонент общественных движений в годы Первой русской революции // Вопросы студенческой науки: сборник научных статей. 2019. №12 (40). С. 388–392.
14. Никитина М.Н. Забастовка учащихся Тобольской духовной семинарии 1905–1907 гг. // Актуальные проблемы истории, документоведения и педагогики и педагогического и социального образования. 2017. С. 39–42.
15. Прахт Д.В. Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. №4. С. 33–37.
16. Кузнецов В.Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. №5 (56). С. 65–71.
17. Прибыльский Ю.П. Школа Тобольской губернии в XVIII – начала XX вв. К трехсотлетию сибирской школы. Тобольск: Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева, 1998. 112 с.
18. Замахаев С.И., Цветаев Г.А. Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск: Типография Губернского Правления, 1889. 321 с.
19. ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2029.
20. ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2030.
21. ГАТ – Государственный архив г. Тобольска. Ф. И-159. Оп. 1. Д. 43.

References

1. Tebiev, B.K. (2017). *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' v revolyutsii 1905–1907 gg. Vyshee obrazovanie v Rossii*, (2 (209)), 157–168. (in Russ.).
2. Evdokimova, A.G. (2016). *Sotsial'nyi protest razlichnykh sloev naseleniya Kurskoi gubernii v usloviyakh revolyutsii 1905 goda. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo*, (3(20)), 182–188. (in Russ.).
3. Kovshov, R.V. (2016). *Krizis vzaimootnoshenii pokolenii v peterburgskoi gimnazii v period russkoi revolyutsii 1905–1907 godov. In Obrazovanie kak faktor razvitiya intellektual'no-nravstvennogo potentsiala lichnosti i sovremennogo obshchestva: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (Sankt-Peterburg, 10–11 noyabrya 2016 goda)*, St. Petersburg, 433–439. (in Russ.).
4. Pashkova, T.I. (2011). *Uchashchiesya srednikh uchebnykh zavedenii Peterburga v pervye mesyatsy revolyutsii 1905 g. In Politicheskaya istoriya Rossii veka. K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva: sbornik nauchnykh trudov*, St. Petersburg, 93–104. (in Russ.).
5. Mironova, E.V. (2019). *Uchashchiesya v revolyutsii 1905–1907 gg. (na primere Kazani). Nauchnyi Tatarstan*, (1), 40–51. (in Russ.).
6. Ierusalimskaya, S.Yu. (2017). *Revolyutsionnaya aktivnost' yaroslavskikh uchashchikhsya v poslednei treti XIX – nachale XX v. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*, (4(42)), 5–8. (in Russ.).
7. Masyutin, A.S. (2018). *Uchashchayasya molodezh' goroda Vyatki v revolyutsionnom dvizhenii nachala XX v. In Molodezhnye dvizheniya i organizatsii XX veka: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Shadrinsk, 23 oktyabrya 2018 goda)*, Shadrinsk, 157–162. (in Russ.).
8. Aleshina, S.A. (2020). *Uchebnaya administratsiya i uchashchayasya molodezh' Orenburzh'ya v revolyutsii 1905–1907 gg. In Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii kraï kak istoriko-kul'turnyi fenomen: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Orenburg, 10–11 marta 2020 goda)*, 2, 102–106. (in Russ.).
9. Savvina, O.A. (2017). *Eletskaia muzhskaya gimnaziya i revolyutsionen volneniya 1905–1906 godov. Istoriya: fakty i simvoly*, (3(12)), 112–121. (in Russ.).
10. Sulimov, V.S. (2014). *Svetskie shkoly Tyumeni v oktyabre 1905 g. Istoriya i arkhologiya*, (6 (14)), 4. (in Russ.).
11. Ishchenko, O.V. (2018). *Otrazhenie kharaktera i tselei dvizheniya uchashcheisya molodezhi v Sibirskikh uchenicheskikh izdaniyakh perioda revolyutsii 1905–1907 gg. In Omskie nauchnye chteniya – 2018: Materialy Vtoroi Vserossiiskoi konferentsii*, Omsk, 54–56. (in Russ.).
12. Ishchenko, O.V. (2008). *Uchashchayasya molodezh' Sibiri v period Pervoi rossiiskoi revolyutsii 1905–1907 godov: kharakter protestnykh dvizhenii. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (34 (135)), 148–160. (in Russ.).
13. Buzilkin, A.E. (2019). *Shkol'nyi komponent obshchestvennykh dvizhenii v gody Pervoi russkoi revolyutsii. Voprosy studencheskoi nauki: sbornik nauchnykh statei*, (12 (40)), 388–392. (in Russ.).

14. Nikitina, M.N. (2017). Zabastovka uchashchikhsya Tobol'skoi dukhovnoi seminarii 1905–1907 gg. In *Aktual'nye problemy istorii, dokumentovedeniya i pedagogiki i pedagogicheskogo i sotsial'nogo obrazovaniya*, 39–42. (in Russ.).

15. Prakht, D.V. (2011). Protestnoe dvizhenie v Tobol'skoi dukhovnoi seminarii v nachale XX v. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (4), 33-37. (in Russ.).

16. Kuznetsov, V.D. (2011). Deyatel'nost' russkoi pravoslavnoi tserkvi po religioznomu vospitaniyu uchashchikhsya klassicheskikh gimnazii i voenno-uchebnykh zavedenii nakanune pervoi russkoi revolyutsii. *Klio*, (5 (56)), 65-71. (in Russ.).

17. Pribyl'skii, Yu.P. (1998). Shkola Tobol'skoi gubernii v XVIII – nachala XX vv. K trekhstotletiyu sibirskoi shkoly, Tobol'sk. (in Russ.).

18. Zamakhaev, S.I., & Tsvetaev, G.A. (1889). Tobol'skaya gubernskaya gimnaziya: istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tobol'skoi gimnazii za 100 let ee sushchestvovaniya. 1789–1889. Tobol'sk. (in Russ.).

19. GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. 126. Op. 2. D. 2029.

20. GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. 126. Op. 2. D. 2030.

21. GAT – Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska. F. I-159. Op. 1. D. 43.

дата поступления: 10.01.2022

дата принятия: 06.03.2022

© Сулимов В.С., Федотова Д.Ю. 2022

УДК 94 (571.51)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/12>*Дементьев А.П., Дробченко В.А.***СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ:
ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ***Dementev A.P., Drobchenko V.A.***SIBERIAN PEASANTRY DURING THE FIRST WORLD WAR AND REVOLUTION:
DETAILS OF A SOCIAL AND POLITICAL PORTRAIT**

Аннотация. В статье представлен анализ социально-политических процессов, происходивших в сибирской деревне в годы I мировой войны и революции 1917 г. Отмечено, что большое влияние на формирование сельского населения края на рубеже XIX–XX вв. оказало переселение из центральных районов страны, а социальная структура сибирской деревни была более сложной, чем в центре, в ней, кроме традиционных, были такие большие социальные группы, как старожилы и переселенцы, которые различались не только по своему имущественному положению, но и ментальности. Отсутствие помещичьего землевладения и выход на российский и мировой рынки после строительства Сибирской магистрали обеспечили интенсивное развитие сельского хозяйства. Этому способствовало и широкое развитие сельской кооперации. Первая мировая война оказала двойственное влияние на сибирское крестьянство. С одной стороны, массовая мобилизация, лишив деревню миллиона рабочих рук, вызвала острый дефицит рабочей силы в деревне, с другой стороны, рост цен на сельскохозяйственную продукцию способствовал обогащению деревни, ускорил ее социальную дифференциацию. Проанализировано отношение крестьянства к ключевым событиям русской революции, реконструирован процесс преобразований в сибирской деревне с марта 1917 по май 1918 гг., показана борьба политических партий за крестьянские массы, исследована деятельность органов сельского самоуправления (комитетов, земств, советов) и крестьянских союзов. Сделан вывод о том, что сибирское крестьянство после свержения самодержавия втягивалось в политические процессы независимо от своего желания, а чаще – вопреки ему. В чехарде сменяющихся властей, занимая выжидательную позицию, оно не участвовало в борьбе противоборствующих сторон и независимо от того, кто бы ни находился у власти, уклонялось от уплаты налогов и выполнения повинностей. Сибирская деревня дольше, чем город оставалась в стороне от социальных катаклизмов. Она не только опиралась на собственные материальные ресурсы, но в условиях ослабления властных вертикалей пыталась найти внутренние регуляторы общественных отношений, включившие в себя такие архаичные формы, как сельские сходы и самосуды. Приоритетным для крестьян оставался материальный интерес, на фоне которого морально-

Abstract. The article presents an analysis of the social and political processes that took place in a Siberian village during the years of World War I and the revolution of 1917. It is noted that migration from the central regions of the country had a great influence on formation of the rural population of the region at the turn of the 19th–20th centuries, and the social structure of a Siberian village was more complex than in the center, in addition to traditional ones, there were such large social groups as old-timers and settlers, who differed not only in their property status, but also in their mentality. The absence of landownership and access to the Russian and world markets after the construction of the Siberian railway ensured the intensive development of agriculture. This was facilitated by the broad development of rural cooperatives. The World War I had a dual effect on Siberian peasantry. On the one hand, mass mobilization, having deprived villages of a million workers caused an acute labor shortage in the countryside, on the other hand, the rise in prices for agricultural products contributed to enrichment of villages and accelerated its social differentiation. The attitude of the peasantry to the key events of the Russian revolution is analyzed. The process of transformations in a Siberian village from March 1917 to May 1918 has been reconstructed. The struggle of political parties for the peasant masses is shown. The activities of rural self-government bodies (committee, zemstvo, council) and peasant unions are studied. It is concluded that the Siberian peasantry, after the overthrow of the autocracy, was drawn into political processes regardless of their desire, and more often in spite of it. In the mess of changing authorities, taking a wait-and-see position, it did not participate in the struggle of the opposing sides and, regardless of whoever was in power, evaded paying taxes and other obligatory contributions. Siberian villages remained aloof from social upheavals longer than the city. It not only relied on its own material resources, but in the conditions of the weakening of power verticals, it tried to find internal regulators of social relations, which included such archaic forms as rural gatherings and lynching. Material interest remained a priority for the peasants, against which moral norms could be subject to significant

нравственные нормы могли подвергаться существенной корректировке. На этих принципах строились отношения с властью и внешним миром в целом. Крестьянство последовательно отстаивало полученную им после свержения самодержавия экономическую независимость от всяких внешних посягательств.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, переселение, мировая война, революция, земства, советы, хлебная монополия.

Сведения об авторах: Дементьев Александр Петрович, ORCID: 0000-0002-7841-5201, канд. ист. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dementjev.ap@yandex.ru; Дробченко Владимир Александрович, ORCID: 0000-0001-9764-378X, д-р ист. наук, г. Томск, Россия, vadrobchenko@yandex.ru

adjustments. Relations with the authorities and the outside world as a whole were built on these principles. The peasantry consistently defended the economic independence that they received after the overthrow of the autocracy from any external encroachment.

Keywords: Siberia, peasantry, resettlement, world war, revolution, zemstvo, councils, grain monopoly.

About the authors: Dementev Aleksandr Petrovich, ORCID: 0000-0002-7841-5201, Ph.D., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, dementjev.ap@yandex.ru; Drobchenko Vladimir Alexandrovich, ORCID: 0000-0001-9764-378X, Dr. habil., Tomsk, Russia, vadrobchenko@yandex.ru

Дементьев А.П., Дробченко В.А. Сибирское крестьянство в годы Первой мировой войне и революции: штрихи к социально-политическому портрету // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. №2(58). С. 94-106. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/12>

Dementev, A.P. & Drobchenko, V.A. (2022). Siberian Peasantry During the First World War and Revolution: Details of a Social and Political Portrait. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 94-106. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/12>

К началу XX в. крестьянство было основной социальной группой сибирского населения. Начало его изучения было положено еще дореволюционными исследователями и имело перед собой практические цели, связанные с организацией переселения, налогообложения, статистикой и т.п.

Советские историки, изучая крестьянство в рамках господствующей парадигмы, использовали классовый подход, делая акцент на социальной неоднородности крестьянства, его бедственном положении при царизме, его революционной активности. При изучении периода революции во главу угла ставились вопросы союза крестьянства с рабочим классом, советизации деревни и борьбы за установление Советской власти в крае. Все это не позволило советским историкам всесторонне раскрыть и объективно показать сложность и трагизм процессов, происходивших в сибирской деревне.

Современные исследователи в основном сосредоточили свое внимание на тех вопросах, которые ранее либо вообще не изучались, либо освещались поверхностно и искаженно (местное самоуправление, кооперация, казачество). Слабо изученными остаются такие вопросы, как внутренняя жизнь сибирской деревни в период социальных катаклизмов, эволюция взглядов крестьянства на различных этапах революции, антибольшевистское сопротивление весной 1918 г. В данной статье авторы пытаются хотя бы частично заполнить имеющиеся лакуны.

На протяжении трех столетий это сословие формировалось за счет переселенцев, беглых и ссыльных. Отмена крепостного права положила начало массовому переселению крестьян в Сибирь. По данным Л.М. Горюшкина, с 1897 по 1914 гг. сельское население края выросло с 5,3 до 9,2 млн. человек. Около 2/3 прироста обеспечили крестьяне-переселенцы [1, с. 134, 136].

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири шло более быстрыми темпами, чем в центре страны. У сибирского крестьянства было больше возможностей вести свое хозяйство по фермерскому пути. Уже к концу XIX в. Сибирь превратилась в одного из крупнейших в стране производителей сельхозпродукции, которая в 1913 г. дала 2/3 стоимости продукции края, а промышленность – только четверть [2, с. 44-45].

Удельный вес бедноты в сибирской деревне был значительно ниже, а середняков и сельской буржуазии – выше, чем в Европейской России. По данным Л.М. Горюшкина, в среднем по Сибири беднота составляла 45-50 %, середняки – 30-35 %, кулаки – 15-20 %. [3, с. 16]. Но, социальная структура сибирского крестьянства была более сложной, чем в центральных регионах и была

связана с наличием двух групп – старожилов и переселенцев. По подсчетам Л.М. Горюшкина, в 1914 г. старожилы составляли 29,2 %, переселенцы – 48,9 %, казаки – 3,4 % и аборигены – 18,5 % сельского населения края. А с учетом только русского крестьянства удельный вес переселенцев был равен 62 % сельских жителей [3, с. 15]. Соотношение социальных групп крестьянства было неодинаково в различных районах края. При этом, переселенцы были более революционно настроены, нежели старожилы [4].

Историки Д.Я. Резун и М.В. Шиловский, отмечали, что крестьянство было «социумом устойчивым, жизнестойким и консервативным» [5, с. 175]. Крестьяне вели размеренный образ жизни, определенный сезонностью сельскохозяйственных работ. Психологический склад крестьянства проявлялся в привычках, традициях, жизненных устоях. Постоянное и близкое соседское общение в селах и деревнях формировало определенные нравственные требования, оказывало воспитательное воздействие. Многие из деревенских обычаев отражали уровень правовой культуры общества. В жизни деревни переплетались черты нового и старые, сохраненные многими поколениями устои, взгляды, отношения [6, с. 29-30].

Привычный уклад крестьянской жизни был нарушен с началом первой мировой войны. Только в Западной Сибири в ходе мобилизационных кампаний 1914 г. было призвано около 250 тысяч человек [7, с. 17]. Было призвано 53,6 % трудоспособных мужчин на Алтае, 38,8 % в Енисейской, 51,8 % в Тобольской, 51,5 % в Томской, 49,5 % в Иркутской губерниях, 60,6 % в Акмолинской и 54,8 % в Забайкальской областях [8, с. 120; 9, с. 80]. «Во многих хозяйствах остались только женщины», – сообщалось с Алтая [10, с. 6].

Известие о свержении самодержавия крестьяне встретили с недоверием, даже с опаской. Многие и мысли не допускали о том, что «батюшку-царя» можно было лишить царского звания и даже арестовать его» [11, с. 2]. Тревога и беспокойство проявились в связи с возможным нарушением привычного уклада жизни. «Настроение крестьян скорее выжидательное», – сообщалось из села Верх-Пача Томского уезда [12, с. 4]. На митинге в селе Верх-Жилинское Барнаульского уезда крестьяне выслушали весть о свержении самодержавия «с напряженным вниманием» [13, с. 3].

Реакция крестьян была неоднозначна. Где-то прошли сельские сходы, богослужения в честь свершившихся событий, в адрес Временного правительства направлялись приветственные телеграммы. Крестьяне Киренской волости Иркутской губернии в такой телеграмме потребовали издания справедливых земельных законов и облегчения податного бремени. В селе Юрьевское Тюкалинского уезда Тобольской губернии волостной сход единодушно высказался за передачу земли в руки крестьян, немедленную реквизицию «капиталов монастырей на нужды России», демократическую республику, введение единого подоходно-прогрессивного налога, уменьшение продолжительности рабочего дня на предприятиях, увеличение заработной платы рабочим [14, с. 125, 131].

В ряде мест крестьянами была разоружена полиция и лесная стража, произведены аресты чинов сельской администрации, имели место нападения на лесничества, начались массовые порубки казенного леса. В селе Баженовское Тюкалинского уезда Тобольской губернии, селах Истоминское и Калмакское Ишимского уезда той же губернии были разгромлены лавки торговцев [14, с. 123, 124, 128]. С конца весны участились случаи захвата казенных и церковных земель, разграбления имущества крупных землевладельцев и арендаторов.

Уже в первые дни марта 1917 г. в губернских и уездных центрах были созданы органы новой власти – различные комитеты, получившие общее название «комитеты общественной безопасности» (КОБы). Для обеспечения порядка КОБаи создавалась милиция. В уездных КОБах, как правило, формировался штат инструкторов для работы в деревне. С их помощью, а также ссыльных, кооператоров, местных чиновников, представителей политических партий началось создание сельских комитетов, хотя известно немало случаев создания комитетов и самими крестьянами.

Крестьяне активно включились в создание органов самоуправления, с деятельностью которых связывали надежды на снижение налогового бремени, ограничение произвола чиновников, улучшение условий хозяйствования. Так во всех селениях Вновь-Стрельниковской волости Кузнецкого уезда комитеты были созданы в первую декаду марта [15, с. 3]. В Минусинском уезде к 22 апреля комитеты действовали в 67 % волостей [16, с. 3]. К маю такие комитеты были созданы почти во всех селениях за исключением лишь самых глухих углов.

Но комитеты, хотя и взяли в руки бразды правления на местах, не смогли создать полноценной вертикали власти. Одной из причин этого было то, что пришедшая к власти коалиция во главе с эсерами и меньшевиками явно переоценила творческий потенциал масс, их способность к самоорганизации и обеспечению правопорядка. Реализация лозунга «народоправства» нередко принимала извращенные формы. Особенно ярко это проявилось в деятельности низовых структур.

В сельские комитеты часто выбирали тех, кто согласен был «на меньший оклад жалования». Далеко не всегда в их составе оказывались лучшие представители деревни. Такие «народные избранники» часто использовали власть в корыстных целях, пьянствовали, покровительствовали самогонщикам, а то и сами занимались самогонованием. Нередко сельские комитеты вынуждены были идти на поводу местного социума, чтобы сохранить хотя бы формальное руководство. В решениях, принимаемых на местах, проявлялось желание оградить сельский мир от вмешательства «чужаков». Известны случаи, когда крестьянские комитеты разгоняли лесную стражу, запрещали заготовку и продажу леса в лесничествах без их ведома. Подобные решения оправдывались принципом «воля народа – закон», который был основан на своеобразном понимании свободы, наступившей после революции. Им обосновывались захватные действия, отказ от уплаты налогов и выполнения повинностей.

Важную роль в организации деревни сыграли крестьянские съезды. Они, как отмечал Э.И. Черняк, в сознании крестьян являлись бесспорными и авторитетными органами местной власти, а принимаемые ими решения воспринимались как законные и обязательные для исполнения [17, с. 149]. Делегаты съездов отражали настроения и чаяния масс, воплощая их в принимаемые решения и резолюции. Съезды становились связующим звеном между крестьянством и властью, содействовали политическому просвещению и организации крестьянства, способствовали росту его активности.

Уже в марте состоялись уездные крестьянские съезды в Енисейске, Ишиме, Каинске, Канске, Томске, Тюмени, Ялуторовске. Всего же в марте – октябре 1917 г. состоялось до 90 крестьянских съездов, из них: 10 – в Акмолинской области, 27 – в Тобольской губернии, 9 – в Алтайской, 17 – в Томской, 14 – в Енисейской, 10 – в Иркутской и 3 – в Забайкальской области. В Забайкальской области съезды именовались «съезды сельского населения».

Весной 1917 г. на крестьянских съездах обсуждались вопросы о войне и мире, земле, государственном устройстве, местном самоуправлении, обсуждались актуальные для крестьян проблемы. I Западно-Сибирский съезд крестьянских депутатов (Омск, 25-31 марта 1917 г.) в резолюции по земельному вопросу высказался за отмену частной земельной собственности и перехода земли в пользование всему народу на уравнительных трудовых началах [18, с. 9].

Резолюции крестьянских съездов во многом перекликались с программой эсеров. Это было связано как с тем, что эсеры вели активную работу в деревне, так и с тем, что эсеровские лозунги о земле и собственности отвечали чаяниям крестьянства и обеспечивали эсерам поддержку в крестьянских массах. Не маловажную роль играло и то, что эсеры выступали организаторами крестьянских съездов, формировали повестку, руководили их работой, выступали докладчиками по основным вопросам, готовили тексты резолюций.

С начала марта эсеры развернули агитационную кампанию в деревне, вербуя в свои ряды всех желающих. Так 8 марта в ПСР записалось 37 крестьян Прудского и Анастасиевского обществ Алексеевской волости Томского уезда. 12 марта Крутологовское волостное собрание Мариинского уезда постановило присоединиться к ПСР и «действовать с ними заедино» [19, с. 4].

Основные усилия в деревне эсеры направили на создание крестьянских союзов. По данным В.Г. Зыковой, наиболее интенсивно их создание происходило в Курганском и Ишимском уездах Тобольской губернии, Мариинском, Томском, Каменском и Кузнецком уездах Томской губернии, Иркутском, Нижнеудинском, Балаганском и Киренском уездах Иркутской губернии [20, с. 85]. Крестьянские союзы стали самыми массовыми крестьянскими организациями в Сибири. На съезде крестьянских депутатов Томской губернии в сентябре 1917 г. делегат Мариинского уезда В.Н. Махов сообщил, что в уезде действует 119 крестьянских союзов, объединяющих до 6000 членов [21, с. 5]. Однако следует учитывать, что большинство низовых организаций бездействовало.

Параллельно с крестьянскими союзами под патронажем эсеров шло создание советов крестьянских депутатов. Они формировались как органы народного представительства. Впрочем, возникали и иные комбинации. Так Канский уездный крестьянский съезд в апреле 1917 г. постановил избрать из своей среды бюро Крестьянского союза Канского уезда и поручить ему созвать таковой же орган в других уездах губернии. Устанавливая порядок административного устройства села, волости и уезда съезд постановил переименовать комитеты общественной безопасности в советы крестьян [22, д. 10. л. 2].

Следует отметить, что к осени в крестьянской массе стало нарастать негативное отношение и к низовым органам самоуправления. Многочисленные выборы и перевыборы, непрерывно проходившие в сибирской деревне весной – летом 1917 г., так и не привели к созданию эффективной модели управления. К осени энтузиазм первых революционных месяцев был во многом утрачен. Сибирскому крестьянину «туго прививается идея самоуправления, и он не верит, что с помощью земства может быть улучшено его положение», – указывалось в эсеровской газете «Путь народа» [24, с. 2].

Выборы в земство, проходившие в Сибири в начале осени 1917 г., продемонстрировали полное равнодушие к ним со стороны крестьянства. Редактор журнала «Сибирские записки» В.М. Крутовский отмечал, что «выборы в Сибири прошли с большим опозданием и очень вяло», «абсентеизм был значительный и едва ли 35 % избирателей выполнило свой гражданский долг» [25, с. 59–61]. В селе Баранульском Дубинском волости Алтайской губернии в выборах гласных волостного земства участвовало 202 из 1500 избирателей (13,4%), во всей Сростенской волости Бийского уезда – всего 123 избирателя, на избирательные участки 3-го Осиновского округа (Новониколаевский уезд) в день выборов явилось около 10 избирателей [26, с. 107].

По данным Е.Н. Бабиковой, в Сибири к моменту ликвидации местных самоуправлений было создано не более половины положенных по расписанию волостных земств. В Иркутской губернии – 13, в Забайкальской области – 19, в Енисейской губернии – 42, в Тобольской – 18 из 31, в Каменском и Мариинском уездах – менее половины [26, с. 107].

Таким образом, к осени 1917 г. эффективный механизм управления деревней не был создан. Надежды пришедшей к власти в стране и регионах демократической коалиции на самоорганизацию и самоуправление крестьянства оказалась бесплодна. Одной из основных причин этого был низкий уровень правовой и политической культуры крестьянства. О темноте и невежестве деревни сообщалось в многочисленных публикациях с мест. Из Тобольского уезда писали, что население очень плохо разбирается в текущих событиях и «вообще бродит в темноте» [27, с. 3]. «Низы деревни мало отзываются на происходящие события», – сообщалось из Мариинского уезда [28, с. 8].

После слома старой вертикали власти были утрачены и рычаги воздействия на деревню. Формально деревня была включена в демократическую модель управления, но фактически оказалась предоставлена сама себе. Крестьянство, выйдя из-под жесткого властного контроля и быстро убедившись в слабости действующих властных институтов, попросту стало отказываться от уплаты налогов и выполнения повинностей. В Томской губернии только за март – май 1917 г. сбор налогов сократился на 42 %, по сравнению с аналогичным периодом 1916 г. За апрель – июнь погашение ссудных долгов переселенцами составило по Томскому уезду 0,9 %, по Кузнецкому – 1,7 %, по Каинскому – 0,1 %, по Мариинскому – 0,003 % [23, с. 3; 29, с. 3].

Бессилие властей в вопросах наведения порядка вело к тому, что правосудие крестьяне стали вершить сами. Своеобразной формой регулирования отношений стали самосуды, которые проявлялись не только в действиях толпы, но и нередко облекались в форму решений сельских сходов. Томский губернский комиссар Б.М. Ган в июле 1917 г. сообщал в Главное управление по делам милиции о том, что самосуды в деревнях происходят «на почве недоверия назначенным судьям» [30, л. 61]. А.П. Шекшеев, посвятивший самосудам в Енисейской губернии специальную статью [31], отмечал, что еще в дореволюционное время в Сибири, где официальная власть являлась слабой, осуществление самосудов для деревенской повседневности было нормой, не частым, но обыденным явлением», «революционные события 1917 г. породили хаос в людских отношениях, борьбу за власть и волну уголовной преступности, которая кое-где была встречена ответной крестьянской жестокостью» [31, с. 177–178].

Сельский социум, пытаясь сохранить свой деревенский мир, не принимал то, что крестьянам было непонятно, то, что нарушало привычный уклад. Усиливалось негативное отношение к носителям чуждой крестьянству культуры. Во многом утратила былой авторитет сельская интеллигенция, представители которой (за редким исключением) вообще не включались в выборные крестьянские организации. В Красноярском уезде при составлении списков кандидатов в уездное земство «крестьяне проявили отрицательное отношение, как к партиям, так и к интеллигенции» [32, с. 3]. Одновременно стала нарастать внутренняя конфликтность: усилились противоречия между переселенцами и старожилами, сельской беднотой и зажиточными крестьянами. В селе Романовка Кузнецкого уезда зажиточные крестьяне отказались делиться семенами с беднотой, заявив, что это – лентяи, не хотевшие летом работать [33, с. 4].

Своеобразно складывались отношения между деревней и городом. Нарушение равноценного товарообмена и нарастающая инфляция вели к тому, что крестьяне не торопились с продажей зерна, а часть излишков пускали на производство самогона. Винокурение было экономически выгодно. А.П. Шекшеев отмечал, что весной 1917 г. каждый пуд хлеба при перегонке на самогон давал 30 рублей прибыли [34, с. 120]. По данным томской газеты «Голос свободы», только в Мариинском уезде за 1917 г. на производство самогонки было истрачено до 1 млн. пудов хлеба [37, с. 3].

Винокурением занимались целыми селами и волостями. В селе Верх-Майзасское Каинского уезда в мае 1917 г. действовало около 20 винокуренных заводов. Собственными винокуренными заводами обзавелись члены выборной милиции [35, с. 2]. На уездных и губернских съездах часто принимались резолюции о борьбе с винокурением, сельские и волостные сходы вводили штрафные санкции за винокурение и пьянство, но все это не давало должного результата.

Большую роль в политическом просвещении деревни, а также во внесении в ее жизнь деструктивных элементов, сыграли солдаты. Если весной 1917 г. это были отпускники, раненные, дезертиры, то с лета к ним прибавились направленные на полевые работы. К концу года этот поток заметно вырос за счет полной демобилизации. Повсеместно солдаты занимались винокурением, продажей самогона, пьянствовали, устраивали дебоши, драки, погромы. Нередко они проявляли демонстративное неуважение к власти, разлагающе действовали на крестьян.

К осени 1917 г. характерной чертой сибирской деревни стала эскалация не только внешнего, но и внутреннего насилия. Морально-нравственные регуляторы жизни сельского социума все больше подвергались деформации и разрушению. Однако, несмотря на падение нравов, сибирское крестьянство не забывало о своем основном занятии – хлебопашестве. По данным Л.И. Боженко, в Сибири в отличие от центральных губерний производство зерна продолжало расти и в годы войны. Если в целом по стране в 1917 г. производство зерна продолжало сокращаться, составляя примерно 86 % довоенных 1909-1913 гг. сборов, то удельный вес Сибири в общем валовом сборе хлебов по стране был в два с лишним раза выше в сравнении с довоенным временем [36, с. 126].

Успешно развивались рыболовство, пчеловодство, переработка молочной продукции. Деревня, обеспечивая себя продовольствием, в основном сохраняла довоенный уровень потребления. А.В. Адрианов в конце 1916 г. отмечал, что у енисейских крестьян, кроме хлеба и чая,

ежедневно в потреблении было мясо, молоко и масло [38]. Конечно, уровень потребления деревенской бедноты существенно отличался от уровня потребления середняков и зажиточных крестьян. Но к осени 1917 г. продовольственный кризис, охвативший крупные города и рабочие поселки, не затронул деревню и мало был заметен в уездных центрах сельскохозяйственных уездов.

Крестьянство равнодушно отнеслось к Октябрьскому перевороту. Отдельные резолюции, как в его поддержку, так и с осуждением, принимались под влиянием заезжих агитаторов. Крестьянский съезд представителей пяти волостей Красноярского уезда 29 октября 1917 г. заявил о признании и поддержке власти советов [39, с. 150]. А сельское собрание поселка Троицкий Мариинского уезда в начале ноября осудило захват власти большевиками и выразило готовность всеми силами поддержать Временное правительство [41, с. 335].

В середине ноября 1917 г. в Сибири проходили выборы в Учредительное собрание. Явка была относительно высокой. В Тобольской губернии проголосовало свыше 50 % избирателей, в Алтайской – 79,5 %, в Томской – 83,7 % [40, с. 389]. Убедительную победу одержали эсеры, набравшие 75 % голосов. За большевиков отдали голоса 8,6 % избирателей [40, с. 389]. Однако по губернским и областным центрам расклад был иной. В Омске, Барнауле, Красноярске лидировали большевики, в Иркутске и Чите – эсеры. В сельской местности эсеры лидировали с огромным отрывом. Так в Томской губернии в Новониколаевском уезде они набрали 95,3 % голосов, в Каинском – 91,2 %, в Кузнецком – 90,8 %, в Мариинском – 88,6 %, в Томском – 73,6 %, в Тогурском – 64,6 % [41, с. 218].

Большевистское руководство противопоставило Учредительному собранию «истинно народную» власть советов. III Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде с 10 по 18 января, одобрил разгон Учредительного собрания и закрепил переход власти к советам.

Ситуация в сибирских регионах на рубеже 1917-1918 гг. заметно различалась. В декабре в Иркутске шли бои между красногвардейцами и юнкерами, в Томске вопрос о власти решался в ходе затянувшихся переговоров между большевистским советом рабочих и солдатских депутатов и эсеровским советом крестьянских депутатов. В Красноярске, где совет взял власть в свои руки в начале ноября 1917 г., в декабре уже развернулась агитационная работа в деревне. Пробольшевистский Красноярский уездный совет крестьянских депутатов направил в волости инструкторов для выборов сельских комитетов и организации красной гвардии [42, с. 30].

В декабре 1917 г. в поддержку Советской власти высказались Ачинский, Каменский, Барнаульский, Красноярский, Курганский, Славгородский, Тюкалинский, в январе 1918 г. – Енисейский, Новониколаевский, Тюменский, в феврале – Ишимский, Каинский, Татарский, в марте – Кузнецкий, Мариинский, Томский, уездные съезды крестьянских депутатов. Большевики на этих съездах опирались на солдат-фронтовиков и сельскую бедноту.

Сибирские большевики придавали проведению таких съездов большое значение. Признание на съездах Советской власти, по их мнению, делало ее не только легитимной в глазах крестьян, включало сельские советы в систему властных отношений, наделяя их определенными полномочиями, а также обеспечивало управление сельским населением.

Абсолютное большинство крестьян разницы между земствами и советами не видело. Делегат от Корниловской волости Ачинского уезда на Енисейском губернском съезде советов (Красноярск, 1-13 марта 1918 г.) прямо заявил, что крестьяне «плохо уяснили разницу между этими органами» [43, с. 2]. Крестьяне с легкостью меняли наименование своих властных структур. Как отмечал В.П. Булдаков, «масса оставалась безразлична к институтам, ее волновали результаты, а не формы властвования» [44, с. 176]. Процесс перехода власти к советам в деревне не встречал противодействия до тех пор, пока не стали затрагиваться материальные интересы крестьян.

Советизация сибирской деревни к лету 1918 г. даже формально не была завершена. В Томской и Енисейской губерниях к этому времени советы крестьянских депутатов были созданы лишь в 70 % волостей. Еще меньше были масштабы советского строительства на уровне села. Так в апреле

1918 г. в Маклаковской волости Енисейского уезда сельские советы имелись только в 9 из 25 селений [45, с. 185; 46, с. 104].

С конца осени 1917 г. большевики усилили работу в деревне. С помощью инструкторов создавались комитеты бедноты, а при советах – отряды красной гвардии. Красногвардейские отряды были созданы лишь в отдельных селах. Формирование сельских красногвардейских отрядов не стало массовым явлением. У нас имеются сведения о 26 сельских отрядах Томской губернии: 9 – в Кузнецком уезде, 5 – в Мариинском, 2 – в Новониколаевском, 9 – в Томском, 1 – в Нарымском крае. Созданные отряды были малочисленны (10-30 человек), плохо вооружены, существенной роли в укреплении Советской власти в регионе не сыграли. Отношение большинства крестьян к советам и красной гвардии было отрицательным. В мае 1918 г. в селах Брюханово Щегловского уезда и Поломошное Томского уезда крестьяне попытались разогнать местные красногвардейские отряды.

Создание комитетов бедноты было направлено на раскол деревни. Так в селе Коурак Новониколаевского уезда, созданный в марте 1918 г. комбед поставил перед собой задачи бороться за интересы трудового крестьянства, защищать его от посягательств имущих классов, содействовать советам в проведении в жизнь твердых цен на продукты и реквизиции укрываемых продуктов [47, с. 267].

Большевистское руководство рассматривало Сибирь, прежде всего, как хлебную житницу, способную обеспечить продовольствием центральные районы страны. III Западно-сибирский областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов (Омск, 2-10 декабря 1917 г.), провозгласивший Советскую власть в крае потребовал незыблемости хлебной монополии и твердых цен на хлеб. В начале января 1918 г. Чрезвычайный краевой продовольственно-экономический съезд Западной Сибири и Урала (Омск, 4-8 января 1918 г.) потребовал радикальных мер для проведения в жизнь хлебной монополии [18, с. 147-167].

Первые реквизиции хлеба у крестьян стали проводиться по инициативе советов рабочих поселков, населению которых реально угрожал голод. С конца 1917 г. Судженский, Анжерский, Кольчугинский советы направляли в окрестные села красногвардейские отряды для реквизиций хлеба. В дальнейшем большевистское руководство Сибири принимало жесткие меры для проведения хлебозаготовок. Один из руководителей Западно-Сибирского краевого продовольственного комитета Б.И. Монастырский отмечал, что за месяц работы продорганами только из Ялуторовского и Ишимского уездов было вывезено до 2 млн. пудов зерна. В декабре 1917 г. в центр было отправлено 889 тысяч пудов, в январе 1918 г. – 557 тысяч пудов, в феврале – 1867 тысяч пудов, в марте – 3309 тысяч пудов, не считая сверхплановых поставок. Средняя погрузка зерна была доведена до 150 тысяч пудов в день. За 4 месяца в Советскую Россию отправлено 6,5 млн. пудов хлеба. Наряды на Москву и Петроград были выполнены в размере 120 % – 200 %. [48, с. 73-74].

Крестьянство активно сопротивлялось проведению изъятия хлеба. В начале 1918 г. выступление против хлебозаготовок произошло в Петропавловском уезде. В районе Новониколаевска были случаи захвата и увоза крестьянами ранее подвезенного к станциям и сданного на ссыпные пункты хлеба [49, с. 150, 152]. На Алтае в селе Гоньба крестьяне не допустили членов комиссии к своим амбарам, в селе Верх-Жилинском отказались сдавать хлеб и разделили его между собой. Выступления крестьян произошли в Чарышской волости Змеиногорского уезда и селе Зеркальском Барнаульского уезда [50, с. 134-135].

В феврале – апреле 1918 г. антисоветские выступления произошли в Барнаульском, Бийском, Канском, Кузнецком, Славгородском, Ялуторовском уездах, Шалинской волости Красноярского уезда, Голуметской волости Иркутской губернии, Пятковской волости Тобольской губернии. С конца марта до середины мая продолжалось восстание в Нарымском крае, причиной которого стала конфискация хлеба и скота у местного населения. Восставшими были арестованы комиссар края большевик А.В. Шишков и руководители Колпашевского совдепа, создан комитет защиты земства,

в Парабели захвачены хлебозапасные магазины, хлеб роздан населению [51, с. 4; 52, с. 235-241]. Все эти восстания подавлялись красногвардейцами, руководители и активные участники арестовывались, на население восставших местностей накладывалась контрибуция.

Крестьяне саботировали не только хлебозаготовки, но и выплату налогов и погашение недоимок. На Енисейском губернском съезде советов в начале марта 1918 г. сообщалось, что в Красноярском уезде «податные сборы почти не поступают» [22, д. 29. л. 46]. Съезд, указав на то, что недоимки с сельского населения за 1916 г. и 1917 г. составляют около 2 млн. рублей, постановил поручить волостным и сельским комитетам немедленно принять все меры ко взысканию недоимок [39, с. 169-170]. Однако крестьяне, уверенные в том, что революция их полностью освободила от уплаты любых налогов, встретили данную меру с негодованием. Так, 10 марта общее собрание граждан села Замятинского Заледеевской волости Красноярского уезда постановило: «Ввиду того, что раскладка на 1917 г. производилась старым императорским правительством – общество отказывается категорически платить сборы» [22, д. 29. л. 46].

Натиск на крестьянство усилился в связи с введением продовольственной диктатуры в мае 1918 г. 7 мая исполком Енисейского губернского совета, одоблив проведение реквизиции семенного хлеба для нужд Красноярского уезда, рекомендовал в случае сопротивления посылать вооруженные силы [53, с. 444]. Западно-сибирский краевой съезд РКП(б), проходивший в Омске 21-25 мая 1918 г., обсудил продовольственный, поддержал введение продовольственной диктатуры и постановил создать реквизиционные отделы при советах и «ввести строгие кары на самогонщиков вплоть до расстрела» [18, с. 240-242].

Советы, функции которых во многом были направлены на изъятие продовольствия, фуража и взыскание недоимок, поддержкой у крестьян не пользовались. В большинстве случаев постановления советов игнорировались. По подсчетам Ю.В. Журова, в Енисейской губернии только около 10 волостных советов сумели «провести» хлебную монополию [54, с. 10].

Имели место случаи, когда крестьяне отказывались от советов. В марте 1918 г. крестьяне Заледеевской волости заявили, что «им не надо ни советов, ни красной гвардии» [43, с. 4]. На заседании Красноярского уездного совета крестьянских депутатов 15 апреля делегат от Шалинской волости заявил, что они «не признают власти советов и требуют немедленного созыва Учредительного собрания, как правомочного хозяина российской республики» [22, д. 4. л. 2].

Подводя итоги, можно констатировать, что сибирское крестьянство после свержения самодержавия втягивалось в политические процессы независимо от своего желания, а чаще – вопреки ему. В чехарде сменяющихся властей, занимая выжидательную позицию, оно не участвовало в борьбе противоборствующих сторон и независимо от того, кто бы ни находился у власти, уклонялось от уплаты налогов и выполнения повинностей.

Свержение самодержавия крестьянство встретило насторожено, заняв выжидательную позицию. Реакция крестьян на происходящие события была не однозначна, но четко проявилась тенденция устранения лиц и институтов, ограничивающих свободное хозяйствование.

Одной из основных форм крестьянского волеизъявления стали крестьянские съезды, во многом унаследовавшие традиции сельских сходок. Новая власть в сибирской деревне, установившаяся весной 1917 г., была представлена сельскими и волостными комитетами, которые не смогли эффективно выполнять возложенные на них функции. Разрушение старой вертикали власти и ослабление силового давления на деревню привело к тому, что в глазах крестьянства власть утратила свой сакральный облик, а ее требования перестали восприниматься как обязательные к исполнению. Результатом этого стало прекращение уплаты налогов, возврата ссуд, отказ от исполнения повинностей.

Нарушение экономических связей между городом и деревней, отсутствие равноценного товарообмена вело к ускорению инфляции, дороговизне. Излишки зерна, скопившиеся в деревне, частично шли на производство самогона, которое приносило хороший доход. Самогоноварение приобретало все более массовый характер. Аморфность власти вела к тому, что регулятором

отношений в деревне все чаще становились самосуды. При этом, деревня, в отличие от города, не испытывала нужды в продуктах, хотя положение деревенской бедноты было довольно тяжелым.

В борьбе политических партий, развернувшейся после свержения самодержавия, крестьянство рассматривалось как внушительная сила, способная влиять на развитие политических процессов. С весны 1917 г. сибирская деревня стала вотчиной эсеров, которые внесли весомый вклад в ее политическое просвещение. С их помощью созывались и проводились крестьянские съезды, создавались комитеты, советы, крестьянские союзы, земские органы. На выборах в Учредительное собрание они добились существенных результатов – сибирское крестьянство единодушно их поддержало, поскольку эсеровская программа отражала его интересы. Но, эта тактика эсеров была эффективна в рамках демократической системы и оказалась совершенно бесполезна при переходе к силовому противостоянию после Октябрьского переворота.

Всплеск политической активности крестьянства, проявившийся весной 1917 г. быстро пошел на спад. Крестьянские организации (союзы, советы) в большинстве своем никакой работы не вели, органы местного самоуправления воспринимались как некие декоративные властные суррогаты, не обладающие полнотой власти, которая на низовом уровне принадлежала сельским и волостным сходам. Поэтому с легкостью комитеты заменялись земствами, а те – советами. Конфигурация власти не интересовала крестьян, для них были важны конкретные результаты,

Переход власти к советам сибирскими крестьянами был встречен равнодушно. В борьбе за власть, развернувшейся в Сибири на рубеже 1917–1918 гг. крестьянство выступало в роли пассивного наблюдателя, особо не вникая в происходящие события. Легитимизация Советской власти через крестьянские съезды на практике не привела к наделению низовых советов всей полнотой властных полномочий, но и не вызывала их отторжения до тех пор, пока эти советы не стали превращаться в орудие большевистской диктатуры для выкачивания продовольствия из деревни.

Крестьянство дружно саботировало хлебозаготовки, а ответом на насильственные реквизиции стали вспышки крестьянских выступлений, очаги которых были разбросаны по всем хлебоборodным районам Сибири. К началу чехословацкого мятежа в конце мая 1918 г. сибирское крестьянство в основном было враждебно настроено к Советской власти, но к массовому выступлению против нее не было готово.

Литература

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. 343 с.
2. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 256 с.
3. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 году: Спецкурс для студентов-историков гуманитарного факультета. Новосибирск: Б.и., 1975. 160 с.
4. Нагнибеда В.Я. Делегаты Томского губернского народного собрания // Голос свободы. Томск, 1917. 13 мая.
5. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 196 с.
6. Якимова Т.В. Формирование политических настроений крестьянства Западной Сибири в 1917 г. // 60 лет Великого Октября и Сибирь. Томск, 1979. С. 29–33.
7. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с.
8. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. 210 с.
9. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
10. К кооперативам // Алтайский крестьянин. Барнаул, 1914. №35.
11. По губернии // Утро Сибири. Томск, 1917. 19 марта.
12. Корреспонденция // Крестьянский союз. Томск, 1917. 23 апреля.
13. Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 30 марта.
14. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 г.: Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с.

15. Корреспонденции // Крестьянский союз. Томск, 1917. 7 мая.
16. Бюллетень Минусинского комитета общественной безопасности // Свобода и труд. Минусинск, 1917. 26 апреля.
17. Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 238
18. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Т.В. Якимова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991–1992. Ч. 1–2. 345 с.
19. Наша жизнь // Земля и воля. Новониколаевск, 1917. 18 марта.
20. Зыкова В.Г. Крестьянские союзы в Сибири в 1917 г. // Из истории социалистического строительства в Сибири. Томск, 1984. С. 79–97.
21. Губернский съезд крестьянских депутатов Томской губернии, состоявшийся в Томске 14–22 сент. 1917 г. [Томск, 1917]. 62 с.
22. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 10; Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 29; Ф. Р-893. Оп. 2. Д. 4.
23. По Сибири // Наш голос. Красноярск, 1917. 25 июля.
24. Будите деревню (К введению земства в Сибири) // Путь народа. Томск, 1917. 20 августа.
25. Крутовский В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. Красноярск, 1918. № 1. С. 55–64..
26. Бабилова Е.Н. Сибирское крестьянство и выборы в земство в 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 98–116.
27. По Сибири // Крестьянская газета. Тобольск, 1917. 30 марта.
28. Ионов Д. Из деревни // Народные мысли. Мариинск, 1917. № 1–2.30. Наш голос. Красноярск, 1917. 25 июля.
29. К взысканию с переселенческого населения ссудных долгов // Голос свободы. Томск, 1917. 18 октября.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 2. Д. 241.33. Шекшеев А.П. Самосуды в енисейской деревне (1917–1920-е гг.) // Сибирский этнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2010. С. 176–193.
31. Шекшеев А.П. Самосуды в енисейской деревне (1917–1920-е гг.) // Сибирский этнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2010. С. 176–193.
32. Земская кампания // Знамя труда. Красноярск, 1917. 21 сентября.
33. В Романовской волости // Корреспонденции // Крестьянский союз. Томск, 1917. 7 мая.
34. Шекшеев А.П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 119–134.
35. По свободной Сибири // Сибирская жизнь. Томск, 1917. 16 июля.
36. Боженко Л.И. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции // Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 122–137.
37. Голод и... самогонка // Голос свободы. Томск, 1917. 11 дек.
38. Адрианов А.В. Из Урянхайского края в Томск: (Путевые впечатления) // Сибирская жизнь. Томск. 1917. 15, 18 янв.
39. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 219 с.
40. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 784 с.
41. Дробченко В.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.
42. Дементьев А.П. Некоторые аспекты образования советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917–1918 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №4. Владивосток, 2013. С. 27–33.
43. Губернский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Рабоче-крестьянская газета. Красноярск. 1918. 7 марта.
44. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. 376 с.
45. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М.: Прометей, 1993. 352 с.
46. Дементьев А.П. Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2014. 320 с.

47. Кордонский Г.А. Установление Советской власти в сельской местности Западной Сибири (декабрь 1917 – июнь 1918 г.) // Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 261–269.
48. Монастырский Б. Сибирь – кормилица (работа продорганов) // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920. С. 70–75.
49. Дронин Г.Е. Продовольственная работа советов в Сибири в 1917–1918 гг. // Октябрь в Западной Сибири: Воспоминания участников Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1948. С. 138–160.
50. Зобачев И. Октябрь в алтайской деревне // Октябрь в Западной Сибири: Воспоминания участников Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1948. С. 124–137.
51. Из жизни Нарымского края // Знамя революции. Томск, 1918. 19 мая.
52. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.
53. Красноярский совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома и отделов. Сборник документов. Красноярск: КГПИ, 1960. 582 с.
54. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 197 с.

References

1. Goryushkin, L.M. (1976). *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)*. Novosibirsk. (in Russ.).
2. Zinov'ev, V.P. (2007). *Industrial'nye kadry staroj Sibiri*. Tomsk. (i Russ.).
3. Goryushkin, L.M. (1975). *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v 1917 godu: Spekurs dlya studentov-istorikov gumanitarnogo fakul'teta*. Novosibirsk. (in Russ.).
4. Nagnibeda, V.Ya. (1917). *Delegaty Tomskogo gubernskogo narodnogo sobraniya. Golos svobody*. Tomsk. 13 May. (in Russ.).
5. Rezun, D.Ya., Shilovskij M.V. (2005). *Sibir', konec XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov*. Novosibirsk. (in Russ.).
6. Yakimova T.V. (1979). *Formirovanie politicheskikh nastroyenij krest'yanstva Zapadnoj Sibiri v 1917 g. 60 let Velikogo Oktyabrya i Sibiri'*, 29–33. (in Russ.).
7. Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, I.A., & Rostov, N.D. (2014). *Zapadnaya Sibir' v mirovyh voynah HKH veka*. Barnaul. (1). (in Russ.).
8. Golovin, N.N. (1939). *Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne*. 1, Parizh. (in Russ.).
9. SHilovskij, M.V. (2015). *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'*. Novosibirsk. (in Russ.).
10. K kooperativam (1914). *Altajskij krest'yanin*, Barnaul, (35). (in Russ.).
11. Po gubernii (1917). *Utro Sibiri*. Tomsk. 19 March (in Russ.).
12. Korrespondenciya. *Krest'yanskij soyuz* (1917). Tomsk. 23 April. (in Russ.).
13. Po Sibiri (1917). *Zhizn' Altaya* Barnaul. 30 March. (in Russ.).
14. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A., & Sagajdachnyj, A.N. (1987). *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri 1914–1917 g.: Hronika i istoriografiya*. Novosibirsk. (In Russ.).
15. Korrespondencii (1917). *Krest'yanskij soyuz*, Tomsk. 7 May. (in Russ.).
16. *Byulleten' Minusinskogo komiteta obshchestvennoj bezopasnosti* (1917). *Svoboda i trud*. Minusinsk. 26 April. (in Russ.).
17. Chernyak, E.I. (2001). *Revolyuciya v Sibiri: s"ezdy, konferencii i soveshchaniya obshchestvennyh ob"edinenij i organizacij* (March 1917 – November 1918 goda). Tomsk. (in Russ.).
18. *S"ezdy, konferencii i soveshchaniya social'no-klassovyh, politicheskikh, religioznyh, naci-onal'nyh organizacij v Akmolinskoy oblasti* (mart 1917 – noyabr' 1918 g.) (1991). Tomsk. (in Russ.).
19. *Nasha zhizn'* (1917). *Zemlya i volya*. Novonikolaevsk. 18 March. (in Russ.).
20. Zykova, V.G. (1984). *Krest'yanskije soyuzy v Sibiri v 1917 g.* In *Iz istorii socialisticheskogo stroi-tel'stva v Sibiri*, Tomsk, 79–97. (in Russ.).
21. *Gubernskij s"ezd krest'yanskikh deputatov Tomskoj gubernii, sostoyavshijsya v Tomske 14–22 September 1917 g.* (1917). Tomsk. (in Russ.).
22. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK)*. F., R-258., Op., 1. D. 10; F., R-817, Op. 1, D. 29; F., R-893, Op., 2, D. 4. (in Russ.).
23. *Po Sibiri. Nash golos*. (1917). Krasnoyarsk. 25 July. (in Russ.).
24. *Budite derevnyu (K vvedeniyu zemstva v Sibiri)*. *Put' naroda*. (1917). Tomsk. 20 August. (in Russ.).
25. Krutovskij, V.K. (1918). *Oblastnoe obozrenie*. In *Sibirskie zapiski*, Krasnoyarsk, 55–64. (in Russ.).
26. Babikova, E.N. (1980). *Sibirskoe krest'yanstvo i vybory v zemstvo v 1917 g.* In *Iz istorii social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy zhizni Sibiri*. Tomsk, 98–116. (in Russ.).
27. *Po Sibiri. Krest'yanskaya gazeta*. (1917). Tobol'sk. 30 March. (in Russ.).
28. Ionov, D. (1917). *Iz derevni. Narodnye mysli*. Mariinsk (in Russ.).

29. K vzyskaniyu s pereselencheskogo naseleniya ssudnyh dolgov (1917). In *Golos svobody*. Tomsk. 18 October. (in Russ.).
30. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 1791, Op. 2, D. 241. (in Russ.).
31. Shekshhev, A.P. (2010). Samosudy v enisejskoj derevne (1917–1920-e gg.). In *Sibirskij etnos: kul'tu-ra, tradicii, mental'nost'*, Krasnoyarsk, 176–193. (in Russ.).
32. Zemskaya kompaniya (1917). *Znamya truda*, Krasnoyarsk. 21 September. (in Russ.).
33. V Romanovskoj volosti (1917). *Krest'yanskij soyuz*, Tomsk. 7 May. (in Russ.).
34. Shekshhev, A.P. (2016). Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v enisejskoj derevne (1917–1930 gg.). 1. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij*, (3(20)), 119–134. (in Russ.).
35. Po svobodnoj Sibiri (1917). *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 16 July. (in Russ.).
36. Bozhenko, L.I. (1975). O prodovol'stvennom polozhenii v Zapadnoj Sibiri nakanune socialistiche-skoj revolyucii. In *Problemy istorii Oktyabr'skoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny v SSSR*. Tomsk, 122–137. (in Russ.).
37. Golod i... samogonka (1917). *Golos svobody* Tomsk. 11 December. (in Russ.).
38. Adrianov, A.V. (1917). Iz Uryanhajnskogo kraja v Tomsk: (Putevye vpechatleniya). *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 15, 18 January. (in Russ.).
39. Kosykh, E.N. (1991). S"ezdy, konferencii i soveshchaniya social'no-klassovyh, politicheskikh, religioznyh, naci-onal'nyh organizacij v Enisejskoj gubernii (March 1917 – November 1918 g.). Tomsk. (in Russ.).
40. Istoricheskaya enciklopediya Sibiri (2009). Novosibirsk. (in Russ.).
41. Drobchenko, V.A. (2010). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoj gubernii (March 1917 – November 1918 g.). Tomsk. (in Russ.).
42. Dement'ev, A.P. (2013). Nekotorye aspekty obrazovaniya sovetov krest'yanskih deputatov v Enisejskoj gubernii v 1917–1918 gg. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (4), 27–33. (in Russ.).
43. Gubernskij s"ezd sovetov rabochih, soldatskih i krest'yanskih deputatov (1918). In *Raboche-krest'yanskaya gazeta*, Krasnoyarsk. 7 March. (in Russ.).
44. Buldakov, V.P. (1997). Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. Moscow. (in Russ.).
45. Ivancova, N.F. (1993). Zapadno-sibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoj polovine 1918 gg. Moscow. (in Russ.).
46. Dement'ev, A.P. (2014). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Enisejskoj gubernii (March 1917 – January 1918 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk. (in Russ.).
47. Kordonskij, G.A. (1975). Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v sel'skoj mestnosti Zapadnoj Sibiri (dekabr' 1917 – iyun' 1918 g.). In *Problemy istorii Oktyabr'skoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny v SSSR*, 261–269. (in Russ.).
48. Monastyrskij, B. (1920) Sibir' – kormilica (rabota prodorganov). In *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920)*, 70–75. (in Russ.).
49. Dronin, G.E. (1948). Prodovol'stvennaya rabota sovetov v Sibiri v 1917–1918 gg. In *Oktyabr' v Zapadnoj Sibiri: Vospominaniya uchastnikov Oktyabr'skoj revolyucii v Sibiri*, Novosibirsk, 138–160. (in Russ.).
50. Zobachev, I. (1948). Oktyabr' v altajskoj derevne. In *Oktyabr' v Zapadnoj Sibiri: Vospominaniya uchastnikov Oktyabr'skoj revolyucii v Sibiri*, 124–137. (in Russ.).
51. Iz zhizni Narymskogo kraja (1917). *Znamya revolyucii*. Tomsk. 19 May. (in Russ.).
52. Lar'kov, N.S. (1995). Nachalo Grazhdanskoj vojny v Sibiri: Armiya i bor'ba za vlast'. Tomsk. (in Russ.).
53. Krasnoyarskij sovet (1960). Mart 1917 g. – iyun' 1918 g. Protokoly i postanovlenie s"ezdov sovetov, plenumov, ispolkoma i otделov. In *Sbornik dokumentov*, Krasnoyarsk. (in Russ.).
54. Zhurov, Yu.V. (1986). Grazhdanskaya vojna v sibirskoj derevne. Krasnoyarsk. (in Russ.).

дата поступления: 18.01.2022

дата принятия: 12.03. 2022

© Дементьев А.П., Дробченко В.А., 2022

УДК 930

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/13>

Чудаков О.В.

ЛЕТНЯЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ В СИБИРИ В 1917 г.

Chudakov O.V.

SUMMER ELECTION CAMPAIGN FOR THE CITY DUMA IN SIBERIA IN 1917

Аннотация. Статья посвящена избирательному процессу в городские думы Сибири, проходившему летом 1917 г. Автор отмечает, что падение самодержавия и переход власти к буржуазной демократии привели к поиску новых форм организации общественного управления. Революционные события 1917-1918 гг. оказали заметное влияние на существование и функционирование органов городского самоуправления в России. После Февральской революции 1917 г. роль института городского самоуправления заметно повысилась. Думы во многих сибирских городах стали не только центром объединения общественных организаций, но и поддержкой центральной власти на местах. Под влиянием общественно-политических процессов органы городской власти в 1917 г. все чаще выходили за узкие рамки хозяйственных функций. Политические силы стремились аккумулировать общественно-политические интересы своего городского электората, поскольку в революционных событиях городские думы, как орган самоуправления, с одной стороны, а с другой – административной власти, оказывались в центре событий, и вставали на позиции либерального реформизма. Таким образом, де-факто полномочия органов городского самоуправления расширились, а де-юре они оставались неизменными. Реально же их влияние, в том числе на формирование общественного мнения, возросло. Опираясь на законодательные акты Временного правительства, протоколы заседаний городских дум и управ, сделана попытка воссоздать конкретно-историческую картину политической жизни сибирских городов в межреволюционный период. Отмечена политизация органов городского самоуправления, которая в 1917 г. достигла своего максимума, выражавшаяся в выборах гласных по партийным спискам и в идентификации городских дум как общественной опоры новой власти. Автором охарактеризованы изменения, произошедшие в правовом положении сибирских муниципалитетов в период революционных преобразований 1917 г., которые ярко проявили процесс трансформации института центральной власти и городского самоуправления. Новая власть в лице Временного правительства видела свою опору в демократизированной системе общественного самоуправления городов и земств, а органы самоуправления, в свою очередь, ожидали от Временного правительства расширения своей правовой базы. Как предполагало Временное правительство, именно демократизированные городские думы должны были стать основой гражданского общества. Отмечено

Abstract. The article is devoted to the electoral process in the city Duma of Siberia, which took place in the summer of 1917. The author notes that the fall of autocracy and the transition of power to bourgeois democracy led to the search for new forms of organization of public administration. The revolutionary events of 1917-1918 had a noticeable impact on the existence and functioning of municipal self-government bodies in Russia. After the February Revolution of 1917, the role of the Institute of urban self-government increased markedly. Dumas in many Siberian cities have become not only the center of the association of public organizations, but also the support of the central government on the ground. Under the influence of socio-political processes, city authorities in 1917 increasingly went beyond the narrow scope of economic functions. The paper presents the desire of political forces to accumulate the socio-political interests of their urban electorate, since in the revolutionary events, the city Duma, as a self-governing body, on the one hand, and on the other – the administrative authorities, found themselves in the center of events, and took the position of liberal reformism. Thus, the de facto powers of the city self-government bodies were expanded, but de jure they remained unchanged. In reality, their influence has increased, including on the formation of public opinion. The author, relying on the legislative acts of the Provisional Government, minutes of meetings of city dumas and administrations, conducted his research and tried to recreate a concrete historical picture of the political life of Siberian cities in the inter-revolutionary period. In this regard, the politicization of city self-government bodies is traced, which reached its maximum in 1917, expressed in the election of vowels on party lists and in the identification of city dumas as a public support of the new government. The author characterizes the changes that occurred in the legal status of Siberian municipalities during the revolutionary transformations of 1917, which vividly manifested the process of transformation of the institution of central government and city self-government. The new government, represented by the Provisional Government, saw its support in the democratized system of public self-government of cities and zemstvos, and the self-government bodies, in turn, expected the Provisional Government to expand its legal framework. As the Provisional

превращение городских органов в органы государственной власти на местах, создание в их лице опоры новой демократической власти. Однако, городские думы в 1917 г. в своем обновленном составе, в которых многие гласные не имели опыта городской работы и были связаны партийной дисциплиной, полностью утратили преемственность с прежним городским самоуправлением и в значительной мере превратились в политическую трибуну для партийных ораторов. В статье рассматриваются причины, ход и результаты избирательной кампании в городские думы в Сибири в межреволюционный период. Анализируются предвыборные платформы и тактические позиции политических сил, в которых отражаются перипетии развития революционного процесса в стране и региональные особенности восприятия их различными партийными и общественными силами. Определено, что в первую очередь на повестке дня стояли насущные вопросы, накопившиеся за период Первой мировой войны. В то же время, вопросы политического характера, вызванные событиями, происходившими в Европейской части России, обывателей сибирских городов интересовали мало, что свидетельствовало об относительной аполитичности основной части сибирского общества и более спокойной, чем в центральных районах, размеренной жизни в городе в этот период.

Ключевые слова: органы городского самоуправления, городская дума, городская власть, избирательная кампания, выборы, гражданское общество, революция, Временное правительство, Сибирь.

Сведения об авторе: Чудаков Олег Валерьевич, канд. ист. наук, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия, chudakovov@yandex.ru

Government suggested, it was the democratized city Duma that was to become the basis of civil society. The author, analyzing the process of development of the institution of urban self-government, notes the transformation of city bodies into local state authorities, the creation of a support for a new democratic government in their person. However, in 1917, the city Duma in its renewed composition, in which many members had no experience of city work and were bound by party discipline, completely lost continuity with the former city government and largely turned into a political platform for party speakers. The article examines the causes, course and results of the election campaign to the city Duma in Siberia in the inter-revolutionary period. The pre-election platforms and tactical positions of political forces are analyzed, which reflect the political vicissitudes of the development of the revolutionary process in the country and the regional peculiarities of their perception by various party and social forces. It was determined that first of all on the agenda were pressing issues that had accumulated during the First World War. At the same time, the issues of a political nature caused by the events that took place in the European part of Russia were of little interest to the inhabitants of Siberian cities, which testified to the relative apolitical nature of the main part of Siberian society and a more calm, measured life in the city than in the central regions during this period.

Keywords: city self-government bodies, city Duma, city government, election campaign, elections, civil society, revolution, Provisional government, Siberia.

About the authors: Chudakov Oleg Valeryevich, Ph.D., Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia, chudakovov@yandex.ru

Чудаков О.В. Летняя избирательная кампания в городские думы в Сибири в 1917 г. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 107-114. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/13>

Chudakov, O.V. (2022). Summer Election Campaign for the City Duma in Siberia in 1917. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 107-114. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/13>

Крушение монархии в России в результате февральских событий 1917 г. и взятый Временным правительством курс на демократизацию страны, привели к необходимости перестройки всей системы политического управления. Поскольку цензовые органы городского самоуправления не отвечали новым условиям, на повестку дня встал вопрос о проведении новых выборов в городские думы на демократических началах.

Главной особенностью предстоящих по новым правилам выборов в органы городского самоуправления было то, что они проводились по партийным спискам. Списки могли состоять из любого числа кандидатов от 1 до максимального количества гласных в думе (в Омске – 105 человек, в Томске – 103, в Иркутске – 90, в Красноярске и Чите – по 83, в Новониколаевске – 78, в Барнауле – 61, в Тобольске – 60, в Тюмени – 47, в Бийске – 43, в Кургане – 39, в Якутске – 35, в Березове, Сургуте, Ялуторовске, Баргузине, Кузнецке, Нарыме, Верхоянске – по 20 и т. д.), за которые должны были проголосовать избиратели [1, л. 5, 17-17 об]. Но, как правило, в списках было представлено в среднем от 10 человек, т. е., несмотря на то, что закон о выборах разрешал формировать

избирательный список даже из одного человека, в действительности такого не наблюдалось. Количество же избранных по каждому списку гласных определялось пропорционально поданным за список голосам.

В большинстве сибирских городов выборы в городские думы прошли в июле-августе 1917 г., а в Якутской области, Алтайской и Томской губернии – осенью 1917 г., что было связано с согласованием вопроса о судьбе народных собраний. Несмотря на это, в Томской губернии с лета 1917 г. началась активная работа по организации выборов в городские думы, которые растянулись с конца июня (в г. Кузнецк) до начала ноября (в г. Новониколаевск) [2, с. 17].

Борьба политических партий за влияние в общественных организациях стала стержневой проблемой преобразований городского самоуправления после Февраля 1917 г. Участие в городских выборах политические партии рассматривали как средство борьбы за средние городские слои. Политические партии вели ожесточенную борьбу за расширение своей социальной базы и поэтому, в первую очередь, были заинтересованы в том, чтобы обеспечить себе поддержку большинства населения и в представительных учреждениях. Из этого стремления естественно вытекало желание партий получить решающее влияние в органах местного самоуправления.

Несмотря на то, что на выборах в городские думы борьбу вели большевики, меньшевики, эсеры и кадеты, тем не менее, основное противостояние развернулось между пролетариатом и буржуазией. Каждый из этих классов мог одержать победу только при условии поддержки его промежуточными слоями городского населения (ремесленниками, мелкими предпринимателями, служащими), а также солдатами местных военных гарнизонов.

Внедрение новой избирательной системы, отработка способов и принципов ее организации позволяли подготовить общество к выборам в Учредительное собрание. В ходе муниципальной избирательной кампании все общественные организации и союзы получили возможность обнародовать свои программы, разработать формы агитационно-пропагандистской деятельности среди электората, составить блоки для участия в дальнейшей политической борьбе.

Следует отметить, что основные вопросы, выдвигаемые кандидатами, не были связаны с муниципальной сферой, а являлись, прежде всего, политическими. Меньшевики выступали за сотрудничество со всеми социальными силами в деле преодоления «тяжелого наследия» старого режима, а эсеры заявляли, что идут в думу для творческой работы в сотрудничестве с другими социалистическими партиями [3, с. 250-252].

Как установил исследователь В.В. Третьяков, большевики рассматривали городские думы в качестве трибуны и органов борьбы с буржуазной политикой в области городского самоуправления и перехода власти в руки народа. Подобная ситуация вызывала недоумение в стане либеральных партий. Кадеты, прежде всего, декларировали свою приверженность принципам правового государства и законности и призывали избирателя отстраниться от вопросов войны и мира, Учредительного собрания, государственного строя, т. к. заявления по этому поводу кандидатов не имеют никакого отношения к их будущей деятельности в органах муниципального управления. Поэтому кадеты, как эсеры и меньшевики, делали упор, прежде всего, на то, что городские, коммунальные проблемы должны решаться вне связи с политической ситуацией и общественным строем. В связи с чем, в предвыборных заявлениях кадеты обещали «улучшить» экономическое положение трудящихся, привести в порядок городское хозяйство и финансы, добиться бесплатной медицинской помощи и бесплатного образования, благоустройства рабочих окраин и т. д. [4, с. 69].

Кадеты, которые выступали с программой реформирования местного самоуправления, были определяющей политической силой еще в марте 1917 г. Партия народной свободы имела авторитет среди значительной части городской интеллигенции, буржуазии, несмотря на то, что она оказалась на самом правом крыле политической борьбы. Но в то же время, слабость кадетов в Сибири в первые месяцы революции объяснялась тем, что, во-первых, в марте-апреле 1917 г. они остались без поддержки средних слоев, отдавших симпатии так называемым «социалистическим» партиям; во-вторых, их политической негибкостью, т. к. прогрессирующая политизация общества как раз

наоборот ставила во главу угла общеполитические проблемы. В Томске, например, они вплоть до середины апреля продолжали отстаивать идею конституционной монархии [5, с. 102]. В период трансформации основ городского общественного самоуправления страна успела пережить три политических кризиса, и поэтому в среде городского избирателя все больше симпатии переходили на сторону левых, что показала летне-осенняя избирательная кампания.

Стоит отметить, что буржуазия выступала на выборах не столько с партийными списками кадетов, сколько использовала для выдвижения своих кандидатов в списки союзов и групп домовладельцев, мещанских, религиозных и националистических обществ. Половина избирательных списков в барнаульскую, красноярскую, иркутскую, тобольскую, курганскую и др. думы была выставлена именно подобного рода организациями. В Таре из 21 кандидатских списков 17 являлись буржуазными. Самостоятельно же списки от кадетских организаций в Западной Сибири, например, были выставлены только в 6 из 29 городов (Тобольск, Омск, Барнаул, Бийск, Томск, Тюмень). В остальных городах они проходили по спискам домовладельцев. В Ишиме и Кургане кадеты вместе с группой буржуазии и чиновниками выступили под названием «трудовой» и «беспартийной» демократии, в Новониколаевске кадеты именовали себя «республиканцами-демократами», примыкавшими к сибирским областникам [4, с. 69].

Основным политическим противником кадетов в городской предвыборной кампании 1917 г. были большевики, которые значительно укрепили свои позиции среди рабочих и солдат гарнизонов. Местные большевистские организации выполняли установку центра о необходимости связать программы местных муниципальных выборов с коренными вопросами революции [6, с. 255; 7, с. 153-154]. Предвыборная платформа большевиков открыто провозглашала необходимость рассматривать частные задачи в контексте борьбы за социализм и на ее основе, и базировалась на перестройке всего городского хозяйства на новых революционных началах. В муниципальной программе большевиков защищались интересы всех трудящихся. Для этого они предлагали ввести контроль над распределением товаров первой необходимости, изменить систему налогообложения путем полной отмены прежних местных налогов и введения прогрессивных налогов на доходы и имущество, передать всю городскую землю в распоряжение трудящихся и др. [8, с. 23-26; 5, с. 99]. В организационном отношении большевики выделялись среди других партий большей дисциплиной, сплоченностью, оперативностью в быстро меняющейся политической обстановке [9, с. 246]. Большинство этих требований имело общедемократическую направленность, поэтому, поддерживая их, группы интеллигенции и служащих подводились к осознанию необходимости социализма для удовлетворения своих насущных потребностей [5, с. 100].

Таким образом, подготовка к городским выборам, предвыборная политическая борьба и сама агитационная кампания по выборам в городские думы являлась особым событием в жизни России и края, в целом. В них принимали участие все политические и общественные силы, которые к этому времени заявили о себе. Это была важнейшая политическая и идеологическая акция, которая содействовала:

- политическому самоопределению и политической самоидентификации социально активных слоев граждан, солдат военных гарнизонов и отдельных воинских частей;
- партийному строительству в регионе;
- росту и развитию общественно-политических и культурно-массовых организаций;
- размежеванию политических сил, возможности формирования предвыборных блоков и объединений, выявлению предвыборных и послевыборных компромиссов;
- разработке и дополнению разделов партийных программ в муниципальной сфере;
- совершенствованию старых и появлению новых форм агитации и пропаганды с широким использованием легальных, демократических форм политической и агитационной деятельности;
- заметному росту культурно-массовой работы в крае [10, с. 174].

Вместе с тем, предвыборная кампания показала, что основная масса городского населения ни в организационно-правовом, ни в политическом, ни в идеологическом отношении не была готова к подобным массированным акциям, и это касалось не только средних слоев городского населения,

за привлечение которых к участию в выборах и за их голоса шла ожесточенная борьба, но и в значительной части фабрично-заводского пролетариата и наемных рабочих других категорий [11, с. 115].

О конкретных же намерениях в процессе выборов основных их участников можно судить на примере Красноярска, избирательная кампания в котором развернулась в июне 1917 г. От различных партий было выставлено 8 списков. Большевики всю кампанию вели под лозунгом «Вся власть Советам!» и в своей платформе выдвигали требования дальнейшего расширения и закрепления демократических свобод, прогрессивного налога, контроля над производством и торговлей, муниципализации предприятий, имеющих общепольное значение, бесплатной медицинской помощи и т. д. Большевики также предлагали заменить милицию полицейского типа обязательной общественно-милицейской службой граждан обоего пола, включая военных, решить жилищный вопрос уплотнением «неплотно» заселенных квартир, а главной задачей муниципальных органов считали не извлечение доходов, а предоставление гражданам необходимых благ [12, л. 11-12]. Эсеры выступали за улучшение «до крайних возможных пределов положения трудящихся классов», введение всеобщего бесплатного образования, медицинского обслуживания, а также общественной собственности на городские земли. Кадеты, в свою очередь, в своих обещаниях были более сдержанны и выступали за бесплатное начальное образование, 8-часовой рабочий день, борьбу с безработицей, уничтожение нищенства путем устройства богаделен, общежитий, ночлежных домов и т. д. [12, л. 13-15].

Состоявшиеся 2 июля 1917 г. выборы отобразили рейтинг авторитета политических сил в Красноярске. Список большевиков получил около 9000 голосов из 18197 участвующих (это около 49,5%), кадеты – 10%, эсеры – 32,7%, остальные 5 списков – 7,8% голосов. В результате фракция большевиков (41 депутатское место из 83) сумела провести на должность городского головы своего представителя Я.Ф. Дубровинского [13, с. 13].

Непосредственно после выборов большевистская фракция в Красноярской городской думе в своей декларации заявила, что будет бороться за переход власти в руки пролетариата и революционного крестьянства «при полном согласовании деятельности городских дум с деятельностью Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [14].

Летом 1917 г. состоялись выборы в городскую думу Минусинска, которые проходили в достаточно ожесточенной борьбе. Из 40 мест большевики получили 6, эсеры – 9, энесы – 12 и «домовладельцы-солдатовцы» – 13 мест. Думу возглавил учитель высшего начального училища И.Я. Чибизов (меньшевик-плекхановец) [15, с. 53].

С начала апреля на повестке дня Курганской городской думы стоял вопрос о подготовке выборов ее нового состава. Первоочередной задачей предвыборных мероприятий являлось составление списков избирателей. Для осуществления этих задач Курган был поделен на три участка. К началу выборов избирателей по гражданским спискам значилось 12682 человека, по военным – 2837 [16, л. 30].

2 июля 1917 г. состоялись выборы гласных в городскую думу. Из 16 тыс. избирателей приняли участие чуть более 5 тыс. (около трети от общего числа). 24-25 мая на общем собрании представителей социал-демократов и эсеров было решено сформировать избирательное объединение под названием «Объединенные социалисты» для участия в выборах местного самоуправления [16, л. 32]. По итогам выборов больше всего голосов набрали объединенные социалисты – 29 мест. От граждан-избирателей 3-го участка г. Кургана прошло в думу 5 человек. От группы торгово-промышленников и домовладельцев победило 2 человека, от трудовой группы мещан – 1 [16, л. 32].

В связи с предстоящей реформой городского самоуправления 12-14 мая 1917 г. в Тюмени проводилась однодневная перепись населения, по результатам которой управа составила список лиц, имеющих право участвовать в выборах, разделив город на 6 избирательных участков. За десять дней до выборов избирателям предоставлялось право заявить городскому голове списки

предлагаемых кандидатов в депутаты. Так, социал-демократы, стоявшие на меньшевистских позициях, выступили единым списком с эсерами, который состоял из 38 кандидатов; партия народных социалистов выдвинула 15 человек; общество домовладельцев – 29 и кадеты – 22 [17, л. 172; 18, с. 271]. Следовательно, на 47 мест в думе претендовали 104 кандидата, списки которых были опубликованы в печати [19, с. 58]. Сами выборы, которые состоялись 9 июля 1917 г., были проведены с формальной стороны правильно. Но в избирательных списках оказалось много не учтенных избирателей (около 3 тыс. человек), которые не смогли осуществить своего избирательного права, в особенности это относилось к солдатам [17, л. 194]. В результате равных, тайных, прямых и всеобщих выборов, по данным источников, 83,3% голосов получил блок эсеров и меньшевиков (39 мест в думе), 1,9% – энесы и по 7,4% – общество домовладельцев и кадеты [17, л. 168].

1 августа 1917 г. фракции Тюменской городской думы обнародовали декларации об основных направлениях муниципальной деятельности. Большевики во главе с новоизбранным городским головой А.С. Флоринским заявили о поддержке Временного правительства. Они требовали от правительства повысить боеспособность армии, распустить Государственную думу, опираться на органы революционной демократии и подавлять контрреволюционные заговоры, строгую регламентацию продовольственного дела, улучшение школьного дела и материального обеспечения населения. Эсеры призывали к поддержке Временного правительства как органа революционной диктатуры и выступали за проведение городских референдумов по важнейшим вопросам; увеличение городских бюджетов за счет введения прогрессивного налога на недвижимость; введение бесплатного обучения и бесплатной врачебной помощи; установление минимума заработной платы; организация милиции и т. д. Кадеты призывали к сплочению вокруг Временного правительства, спасающего Родину, настаивали на доведении войны до победного конца, отказе от классовой борьбы и подавлении заговоров слева и справа [18, с. 278-288].

В выборах в Тобольскую городскую думу участвовало меньше 5,5 тыс. человек, из которых по спискам Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов прошли 28 человек, домовладельцев – 10 человек, кадетов – 8 человек, Союза евреев и союза мещан – по 1 человеку. Как отмечала местная пресса, «население к выборам отнеслось инертно, т. к. из 13 тыс. избирателей участвовали только 5421 человек» [20, л. 165 об]. Впоследствии на чрезвычайном заседании новой думы (20 июля) гласные приняли резолюцию «приветствовать Временное правительство, вступившее на путь твердой власти для упрочения завоеванных народом свобод и оказать Временному правительству всемерное содействие в укреплении правового порядка на местах» [21, л. 6].

На выборах в Омскую городскую думу 16 июля 1917 г. первые списки избирателей были составлены уже 10 июня 1917 г. В них числилось 39069 гражданских избирателей и 18156 военных. Город был разделен на 5 избирательных участков. По итогам выборов в городскую думу прошло от партии эсеров 54 человека, группы домовладельцев – 15, народных социалистов – 2, кадетов – 10, националистов – 4, социал-демократов – 20. Как отмечал Акмолинский областной комиссар Петрукевич «выборы прошли спокойно. Исключение – выступление воинской части, представившей списки в самый день выборов и предъявившей требование допустить к баллотировке, в чем ей было отказано» [22, л. 3].

В Иркутске выборы в городскую думу состоялись 30 июля 1917 г. [23, л. 123]. В соответствии с законом город был разделен на 20 избирательных участков. Населению было представлено 10 избирательных списков: 6 от политических партий – эсеров, меньшевиков, сионистов, кадетов, энесов, большевиков, а также от союза домовладельцев, жителей Нагорного района и окраин и союза служащих правительственных учреждений. В результате выборов было избрано 47 эсеров, 12 меньшевиков, 11 большевиков, 11 кадетов, 4 домовладельца и 2 сиониста [24, с. 116]. Как впоследствии отмечали в печати, теперь городская дума является «социалистической» [25].

В Верхнеудинске выборы в городскую думу, состоявшиеся 6 августа 1917 г., прошли спокойно. В итоге победили эсеры, получив 16 мест, объединенный список социал-демократов

получил 9 мест, союз домовладельцев и еврейская община – по 3, энесы, кадеты и мусульмане – по 1 месту [26, с. 290].

Таким образом, избирательная кампания лета 1917 г. показала, что все общественно-политические силы использовали ее в борьбе за расширение своей социальной базы. На место старым гласным-цензовикам пришли представители т. н. «третьего элемента» из числа служащих, творческой интеллигенции и, частично, рабочие и солдаты. На политической арене их интересы выражали партии социалистической направленности (большевики, меньшевики и эсеры). При этом, взгляды меньшевиков и эсеров относительно места и роли городских самоуправлений в системе властных органов не слишком отличались от взглядов кадетов, ибо и те, и другие предлагали модель государства, традиционно называемого буржуазно-демократическим. Однако, в отличие от кадетов, меньшевики и эсеры на протяжении 1917 г. пользовались заметной поддержкой населения, что и отразили выборы в новые думы.

Решение хозяйственно-бытовых и социальных вопросов отошло на второй план, т. к. городское самоуправление перестало исполнять свое общественное предназначение, что отразилось в предвыборных программах кандидатов в гласные, которые ориентировались, прежде всего, на общеполитические вопросы. В результате, невысокая явка на муниципальные выборы, апатия по отношению к местному самоуправлению стали другой приметой сложившейся обстановки в Сибири. Исходя из этого, можно сделать вывод, что политические и, в значительной степени, идеологические основы местного самоуправления в России были еще очень слабы.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1789. Оп. 2. Д. 1.
2. Дробченко В.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март-ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 24 с.
3. Третьяков В.В. Февральская революция и вопрос об отношении к муниципальным органам политических сил Восточной Сибири // Из истории революций в России (первая четверть XIX в.). Томск, 1996. С. 250-252.
4. Победа Великого Октября в Сибири. В 2 ч. Ч. 2. Социалистическая революция и установление Советской власти / Под ред. И.М. Разгона. Томск, 1987. 340 с.
5. Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917-лето 1918). Новосибирск, 1985. 227 с.
6. Ленин В.И. Резолюция о коммунистических выборах // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 31. М., 1969. С. 231-276.
7. Ленин В.И. Материалы к пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 32. М., 1969. С. 137-161.
8. Ленин В.И. Позабыли главное (муниципальная платформа партии пролетариата) // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 31. М., 1969. С. 12-39.
9. Кабытова Н.Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: дис. ... док. ист. наук. Самара, 1999. 347 с.
10. Мамаев А.В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917-1918 гг. (на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний): дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 360 с.
11. Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. 274 с.
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 137.
13. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. 416 с.
14. Красноярский рабочий 1917. 3 августа.
15. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934. 296 с.
16. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 18.
17. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 50. Д. 17.
18. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX-начало XX вв.). Сборник документов и материалов. Тюмень, 1995. 371 с.
19. Храмцов А. Городское самоуправление Тюмени в 1917-1919 годах: от организации до ликвидации // Муниципальное право. 2007. №1. С. 56-64.

20. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-730. Оп. 2. Д. 3.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1789. Оп. 1. Д. 25.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1789. Оп. 1. Д. 1.
23. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 4. Д. 5.
24. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. 560 с.
25. Сибирская жизнь. 1917. 5 августа.
26. Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 352 с.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 1789. Op. 2. D. 1.
2. Drobchenko, V.A. (2009). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii (mart-noyabr' 1918 g.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk. (in Russ.).
3. Tretyakov, V.V. (1996). Fevral'skaya revolyutsiya i vopros ob otnoshenii k munitsipal'nym organam politicheskikh sil Vostochnoi Sibiri. In *Iz istorii revolyutsii v Rossii (pervaya chetvert' XIX v.)*, Tomsk, 250-252. (in Russ.).
4. Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri. 2 ch. Ch. 2. (1987). In *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i ustanovlenie Sovetskoi vlasti*, Tomsk. (in Russ.).
5. Krasil'nikov, S.A., & Soskin, V.L. (1985). Intelligentsiya Sibiri v period bor'by za pobedu i utverzhdienie Sovetskoi vlasti (1917-letno 1918). Novosibirsk. (in Russ.).
6. Lenin, V.I. (1969). Rezolyutsiya o kommunisticheskikh vyborakh. Poln. sobr. Soch, 55, 31, Moscow, 231-276. (in Russ.).
7. Lenin, V.I. (1969). Materialy k peresmotru partiinoi programmy. Poln. sobr. Soch., 55, 32, Moscow, 137-161. (in Russ.).
8. Lenin, V.I. (1969). Pozabyli glavnoe (munitsipal'naya platforma partii proletariata). Poln. sobr. Soch, 55, 31, Moscow, 12-39. (in Russ.).
9. Kabytova, N.N. (1999). Vlast' i obshchestvennye organizatsii Povolzh'ya v 1917 godu: dis. ... dok. ist. nauk. Samara. (in Russ.).
10. Mamaev, A.V. (2010). Samoupravlenie gorodov Rossii v usloviyakh revolyutsionnogo protsessa. 1917-1918 gg. (na materialakh gorodov Moskovskoi, Tul'skoi, Vyatskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk. Moscow. (in Russ.).
11. Gerasimenko, G.A. (1995). Narod i vlast' (1917 god). Moscow. (in Russ.).
12. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK). F. 64. Op. 1. D. 137.
13. Marmyshev, A.V., & Eliseenko, A.G. (2008). Grazhdanskaya voyna v Eniseiskoi gubernii. Krasnoyarsk.
14. Krasnoyarskii rabochii 1917. 3 avgusta.
15. Gidlevskii, K., Saf'yanov, M., & Tregubenkov, K. (1934). Minusinskaya kommuna. 1917-1918 gg. In *Iz istorii Oktyabr'skoi revolyutsii v Sibiri*, Moscow. (in Russ.).
16. Gosudarstvennyi arkhiv Kurganskoi oblasti (GAKO). F. R-852. Op. 1. D. 18.
17. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske (GUTO GA v g. Tobol'ske). F. I-152. Op. 50. D. 17.
18. Organizatsiya samoupravleniya v Tobol'skoi gubernii (vtoraya polovina XIX-nachalo XX vv.) (1995). Sbornik dokumentov i materialov. Tyumen'. (in Russ.).
19. Khrantsov, A. (2007). Gorodskoe samoupravlenie Tyumeni v 1917-1919 godakh: ot organizatsii do likvidatsii. *Munitsipal'noe parvo*, (1), 56-64. (in Russ.).
20. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske (GUTO GA v g. Tobol'ske). F. I-730. Op. 2. D. 3.
21. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 1789. Op. 1. D. 25.
22. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 1789. Op. 1. D. 1.
23. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO). F. 70. Op. 4. D. 5.
24. Romanov, N.S. (1994). Letopis' goroda Irkutsk za 1902-1924 gg. Irkutsk.
25. Sibirskaya zhizn'. 1917. 5 avgusta.
26. Ankusheva, K.A., Bochanova, G.A., Degal'tseva, E.A., Kirillov, A.K., Nozdrin, G.A., Shilovskii, M.V., & Us, L.B. (2006). Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. Novosibirsk. (in Russ.).

дата поступления: 07.02.2020

дата принятия: 12.04.2021

© Чудаков О.В., 2022



УДК 94(47).084.8"1941/45"+37.035.4(091)(571.122)
<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/14>

Кирилюк Д.В.

ВОЕННО-КРУЖКОВАЯ РАБОТА СО ШКОЛЬНИКАМИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА В 1941-1945 гг.

Kirilyuk D.V.

MILITARY CLUB WORK WITH SCHOOL STUDENTS OF KHANTY-MANSIYSK OKRUG IN 1941-1945 YEARS

Аннотация. В статье анализируются вопросы организации и результаты военного обучения учащихся школ Югры в годы Великой Отечественной войны. На материалах Государственного архива Югры, а также воспоминаний бывших учителей и учащихся региона при помощи историко-генетического и статистического методов предпринимается попытка оценить материальные и кадровые возможности Ханты-Мансийского национального округа по созданию и поддержанию работы военных кружков, определяются основные проблемы, с которыми столкнулись органы школьного образования округа в этой деятельности. К их числу относились: малочисленность учащихся старших классов в регионе, нехватка школьных помещений, отсутствие керосина для освещения школ в условиях короткого светового дня, недостаток одежды и обуви у школьников и нехватка опытных военруков. Выявляются наиболее распространенные в общеобразовательных учреждениях региона виды кружков с военной тематикой, масштабы сдачи учащимися различных военных и физкультурных норм, их участие в военизированных играх. Дается оценка степени соответствия данной работы общим задачам допризывной военной подготовки учащейся молодежи страны. Автор приходит к выводу о том, что к концу войны на территории региона заметно увеличилось количество учащихся, занимавшихся в военных кружках, в результате чего свыше 80 процентов школьников сдавали нормы на значки различных обществ. Вместе с тем, военно-кружковая работа среди учащейся молодежи Югры сильно зависела от возможностей конкретных школ, вследствие чего даже к концу войны не была организована в Ханты-Мансийском национальном округе повсеместно.

Ключевые слова: школа, школьники, военрук, военный кружок, внеурочное время, военизированная игра.

Сведения об авторе: Кирилюк Денис Валериевич, ORCID: 0000-0003-3898-2786, канд. ист. наук, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, DenKirilyuk@yandex.ru

Abstract. The questions of organization and the results of military training in Ugra schools during the Great Patriotic War are analyzed in this article. Based on the materials of Ugra State archive and the memories of region former teachers and students and using historical genetic and statistical methods the effort to evaluate Khanty-Mansiysk okrug's material and personnel capabilities in organization of military clubs. In addition, the author reveals the main problems that the school education departments faced. For example, the small number of senior classes in the region, the shortage of school premises, the lack of kerosene in short daylight conditions, the lack of clothes and shoes for students and the experienced military instructors' small number. The most widespread types of military clubs, the extent of students' delivery of various military and physical education standards and their participation in paramilitary games are revealed. The degree of this article's compliance with the general tasks of students' pre-conscription military training is assessed. The author comes to the conclusion that the students' number who took part in military clubs significantly increased. As a result, more than 80 percent of students could pass the norms on the badges of various societies. Besides the military club work among Ugra students was heavily depended on possibilities of schools, as a result there were a little number in Ugra by the end of the war.

Keywords: school, school students, military instructor, military club, extracurricular hours, paramilitary game

About the author: Kirilyuk Denis Valerievich, ORCID: 0000-0003-3898-2786, Ph.D, Surgut State University, Surgut, Russia, DenKirilyuk@yandex.ru

Кирилюк Д.В. Военно-кружковая работа со школьниками Ханты-Мансийского округа в 1941-1945 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. №2(58). С. 115-122. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/14>

Kirilyuk, D.V. (2022). Military Club Work with School Students of Khanty-Mansiysk Okrug in 1941-1945 Years. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 115-122. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/14>

Введение. Одной из важных сторон внеучебной и внешкольной жизни учащейся молодежи в Советском Союзе было, как известно, участие в многочисленных обществах, движениях и кружках. Эта работа получила особенно широкое распространение в СССР в 1930-е гг. и сегодня вызывает большой интерес среди исследователей [1-3]. Вместе с тем, до сих пор в исторической науке слабо изучена проблема организации военного обучения в годы Великой Отечественной войны учащихся школ в удаленных областях страны, таких как Остяко-Вогульский (с 1940 г. – Ханты-Мансийский) округ. Лишь в отдельных публикациях предпринимается попытка оценить место «военного» в повседневной жизни конкретного учебного заведения [4].

Следует также отметить, что военно-кружковая работа с учащейся молодежью в Советском Союзе имела довольно непростую систему подчинения. С одной стороны, она курировалась большим количеством обществ, кружков и клубов и напрямую не была первоочередной задачей работы общеобразовательных учреждений страны. С другой стороны, в годы Второй мировой войны, учитывая важность постоянного пополнения Красной Армии, данная работа была в немалой степени встроена в деятельность школьных военруков и учителей по военному обучению своих учащихся.

Важно понимать, что военное обучение, военно-кружковая работа, военно-спортивная и военно-физическая подготовка учащейся молодежи в Советском Союзе представляли собой большой комплекс мероприятий, которые достаточно трудно отделить друг от друга. Настоящая статья посвящена приобретению обучающимися Югры военных навыков через систему кружков, общественных организаций, добровольных обществ и движений во внеурочное и внешкольное время.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на делопроизводственных и статистических материалах Государственного архива Югры, а также воспоминаниях бывших учителей и учащихся школ Ханты-Мансийского национального округа в 1940-е гг. В качестве ведущих методов, использованных в данной работе, применяются историко-генетический и статистический методы, раскрывающие причинно-следственные связи и сущностные черты анализируемой проблемы.

Результаты и их обсуждение. Примечательно, что военно-кружковая работа как часть допризывной военной подготовки никак не была отражена в основных законодательных актах страны, посвященных данной теме в 1939-1945 гг. Так, 1 сентября 1939 г. по новому Закону о всеобщей воинской обязанности в СССР, учащиеся 8-10 классов средней школы должны были проходить обязательную допризывную военную подготовку. При этом в Законе не определялось место других организаций и оборонно-спортивных обществ в данной работе [5]. С началом Великой Отечественной войны, 17 сентября 1941 г. вышло также Постановление Государственного Комитета Обороны Советского Союза «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», в соответствии с которым обязательному обучению военному делу по 110-часовой программе подлежали все граждане страны от 15 до 50 лет (всеобуч). Однако и этот документ вновь никак не определял дополнительно роль военно-спортивных обществ и клубов в указанных мероприятиях [6].

В связи с этим можно утверждать, что военно-кружковая работа в школах Ханты-Мансийского национального округа в 1941-1945 гг. ориентировалась на нормы и традиции, существовавшие в СССР в 1930-е годы. Речь, конечно же, идет о функционировании развитой системы военно-патриотического воспитания и оборонно-массовой работы, включавшей многочисленные военные, военно-спортивные и физкультурные общества, кружки и программы, такие как Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), ОСВОД (Общество спасания на водах), участие советских граждан в сдаче норм ГТО («Готов к труду и обороне»), ГСО («Готов к санитарной обороне»), а также их детских вариаций: БГТО («Будь готов к труду и обороне») и БГСО («Будь готов к санитарной обороне»), «Ворошиловский стрелок» и «Юный ворошиловский стрелок» и др. Преимуществом этого

направления военной подготовки было то, что в указанную деятельность можно было вовлечь учащихся разных возрастов, начиная от младших классов и заканчивая выпускными.

Следует признать, что масштабы данной работы в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны действительно были впечатляющими. Как отмечают исследователи Т.В. Сарычева и Н.Д. Ростов, к началу войны в СССР действовали 55 военно-морских клубов, 78 автотоклубов, 76 клубов и школ связистов. К этому же времени в стране насчитывалось также 180 аэроклубов и 46 парашютно-планерных клубов. Кроме того, действовали тысячи кружков пулеметчиков, стрелков, гранатометчиков, медицинских сестер и других, где проходили обучение сотни тысяч юношей и девушек. Одним из лидеров этой работы был Осоавиахим. Некоторые из отделений данного общества, например, в г. Новосибирске, накануне Великой Отечественной войны обладали хорошей материальной базой, включающей более трехсот автоточечных и спортивных машин и другого имущества для учебной и спортивной работы [7, с. 151-152].

К сожалению, современная югорская региональная историография еще не ответила на вопрос о том, насколько деятельность подобных обществ и клубов была распространена на территории региона к 1941 г. Есть лишь отдельные публикации, которые позволяют утверждать, что в целом к этому времени на территории Обского Севера были заложены определенные традиции массовой оборонной и физкультурной работы. Например, историк из г. Ханты-Мансийска А.Г. Киселев проанализировал громкие акции советской власти 1937 г. – лыжный и оленьи пробеги Салехард-Омск, которые широко обсуждались в советской прессе в конце 1930-х гг [8]. О существовании на территории Югры военных и оборонно-спортивных обществ и клубов накануне Великой Отечественной войны свидетельствуют воспоминания бывшей учащейся Ханты-Мансийского педучилища (до декабря 1941 г.) Е.А. Кузаковой. В них она утверждала, что в педучилище хорошо была поставлена военно-спортивная работа, и они, девчонки, участвовали в различных кружках, проходили летнюю практику в полевых условиях, с гордостью становились значкистами БГТО, ГСО, «Ворошиловский стрелок» [9, с. 145]. Однако четко идентифицировать эти воспоминания как предвоенные или послевоенные не представляется возможным.

С другой стороны, из публикаций современных исследователей, например, С.С. Ашихмина [10] и С.В. Суханова [11], мы знаем, что важную роль в военно-кружковой работе играли местные комитеты ВЛКСМ и ВКП(б). Если же вспомнить, что, по данным А.С. Иванова, в 1933/1934 уч.г. в Югре работало 48 школ для спецпереселенцев, а их доля среди школьников округа составляла 43,5%, можно предположить, что партийные и комсомольские организации не спешили распространять военно-прикладные навыки среди учащейся молодежи региона. Более того, даже несмотря на то, что в 1936 г. спецпоселенческая сеть школ была ликвидирована и передана в ведение Наркомпроса, во второй половине 1930-х гг. сохранялся запрет на создание в трудпоселках ячеек Осоавиахима, «как способствовавших военизации молодежи» [12, с. 293-295]. Это еще более затрудняет оценку результатов данной работы в округе к 1941 г.

Так или иначе, попробуем ответить на вопрос о том, какие материально-технические и кадровые условия имелись для организации военно-кружковой работы в Ханты-Мансийском национальном округе в годы войны. Нужно признать, что она осуществлялась в 1941-1945 гг. в школах Югры в условиях слаборазвитой системы общеобразовательных учреждений края. В регионе попросту отсутствовали в большом количестве крупные школы, дающие полное среднее образование, а, следовательно, где должна была вестись допризывная военная подготовка учащихся. Так, в январе 1942 г. в Ханты-Мансийском национальном округе имелось всего 8 средних школ и одно национальное педагогическое училище. Все эти учебные заведения, за исключением Реполовской средней школы, находились в Ханты-Мансийске и райцентрах округа [13, л. 13].

Но даже среди этого незначительного числа больших учебных заведений две средние школы не имели полного контингента классов (к примеру, Реполовская средняя школа не имела 9 и 10 классов, а Ларьякская средняя школа – 10-го класса). То есть в 5-10 классах местных школ обучалось не очень большое количество учащихся, что ограничивало масштабы военно-кружковой

работы в регионе. Даже вместе с группами юношей 5-7 классов призывного возраста (переростками) их было немного. Всего в 8-10 классах средних школ и в основном отделении педучилища по состоянию на 1 января 1942 г. насчитывалось 824 чел. обучающихся (358 юношей и 466 девушек). Часть из них были освобождены от занятий по состоянию здоровья, но зато к ним присоединились учащиеся-переростки 5-7 классов [13, л. 13].

В 1944-1945 уч.г. в одном из отчетов о военном обучении в школах Югры вновь прозвучали слова о том, что одной из главных причин проблем организации военных кружков в крае являлась малочисленность учащихся местных школ. Кроме того, важным недостатком материальной обеспеченности школ было названо отсутствие в течение всего первого полугодия 1944-1945 гг. в школах Ханты-Мансийского национального округа керосина [14, л. 11]. Последнее обстоятельство в условиях короткого светового дня фактически не позволяло проводить никакую внеклассную и внешкольную работу в послеобеденное время.

К числу названных причин материально-технической необеспеченности военно-кружковой работы с учащейся молодежью следует, конечно же, добавить и размер школьных помещений большинства общеобразовательных учреждений Югры, ведь подавляющее большинство из них располагались в небольших домах с ограниченным количеством квадратных метров полезной площади. Например, в школе молочно-товарной фермы пос. Ханты-Мансийск в 1944-1945 уч.г. имелась только одна комната, при этом отсутствовали помещения для проведения перемен учащимися, не было и учительской комнаты [15, л. 40]. Наряду с этим, развертыванию активной военно-кружковой работы в местных школах не способствовала и повсеместная бедность населения Ханты-Мансийского национального округа. Никакие дополнительные занятия в военно-спортивных кружках и обществах были попросту невозможны из-за отсутствия у детей и подростков края нормальной одежды и обуви. В том же 1944-1945 уч.г., к примеру, по этой причине школу не посещали многие учащиеся Березовского и Кондинского районов [15, л. 25, 27, 34], даже в Ханты-Мансийске ситуация была аналогичной [15, л. 40].

Остановимся на вопросе о том, кто руководил военными кружками в общеобразовательных учреждениях Ханты-Мансийского национального округа. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что в этой работе принимали участие как военруки, назначаемые окружным военкоматом Югры, так и учителя местных школ. Данная ситуация была неудивительной, учитывая тот факт, что в условиях военного времени военруков для общеобразовательных учреждений региона попросту не хватало. Не случайно, в 1943-1944 уч.г. в школах Микояновского района из 40 военруков лишь 12 составляли лица из числа военнослужащих, 10 из которых работали в неполных и средних школах, и 28 человек – из числа учителей (все – работники начальных школ) [14, л. 105].

То есть военруками обеспечивались в первую очередь средние и неполные средние школы Югры, где имелась призывная молодежь, на выполнение остальных задач ресурсов у окрвоенкомата не хватало. Однако и в средних школах учителя также привлекались к ведению военно-кружковой работы, особенно, если она была связана с профилем какого-либо преподаваемого предмета. Например, учительница математики Ханты-Мансийской средней школы №1 Т.Д. Гильц вспоминала о том, как в годы Великой Отечественной войны ей поручили вести кружок противовоздушной обороны [16, с. 56]. К сожалению, ее воспоминания не отразили ни причин, ни обстоятельств назначения, ни особенностей работы данного кружка. Несмотря на это, у нас есть основания предположить, что проведение подобных занятий носило в основном теоретический характер и вряд ли в полной мере соответствовало передовым образцам военного обучения.

К концу войны руководство школьным образованием Ханты-Мансийского национального округа так и не сумело в полной мере обеспечить общеобразовательные учреждения военруками и учителями, способными грамотно организовать и руководить военными кружками. Например, в 1944-1945 гг. окружной отдел народного образования в числе основных недостатков военного обучения учащихся называл отсутствие у учителей необходимых навыков для организации этой работы [14, л. 11].

Есть ли у нас данные, которые позволяют оценить масштабы военно-кружковой работы в школах Югры в 1941-1945 гг.? К сожалению, нужно признать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники на этот счет отличаются заметной неполнотой. Отчеты Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования не сохранили всех сведений по названному вопросу. Поэтому мы можем оценить их только приблизительно. Например, в 1941-1942 уч.г. лучше всего данная работа была поставлена в Микояновском районе, где из 1144 учащихся сдали нормы на различные значки 2485 чел. (то есть каждый учащийся сдал не менее двух разных норм), из них 1817 чел. – на знание норм ПВХО («Противовоздушная и противохимическая оборона»), 290 чел. – на БГСО («Будь готов к санитарной обороне»), 150 чел. – на ГСО («Готов к санитарной обороне»), 115 чел. – на БГТО («Будь готов к труду и обороне»), 79 чел. – на ГТО («Готов к труду и обороне») и 20 – на ВС («Ворошиловский стрелок») [17, л. 9].

Но наряду с этим, другие районы Ханты-Мансийского национального округа подобной результативности не показывали. Например, в Сургутском районе из 1032 учащихся 4-10 классов нормы для получения оборонных значков получили только 363 чел. (35,2%). В Березовском районе из 1009 учащихся значки получили 790 чел. (78,3%) [17, л. 9]. То есть, несмотря на то, что в обычной, мирной жизни это было большими цифрами, в ситуации, когда страна оказалась на грани выживания, данные показатели были неубедительными. Кроме того, большинством школ по итогам учебного года не был выполнен приказ наркома о сдаче учащимися норм ПВХО [17, л. 9].

В 1943-1945 уч.г. масштабы данной работы по округу заметно возросли. Количество учащихся местных школ, сдавших нормативы на значки самых разных обществ и движений, достигло 13373 чел. [14, л. 16]. Учитывая тот факт, что в школах региона в это время во всех классах обучалось 16406 учащихся [14, л. 6], выходит, что значки различных движений и обществ получили 81,5% всех учащихся! Среди значкистов наиболее популярными были значки ПВХО – 5864 чел., БГСО и ГСО – 3446 чел. и БГТО – 1278 чел. [14, л. 16]. Имеющиеся цифры позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенными в Югре военно-оборонными кружками были те, в которых не требовалось (или требовалось в незначительной степени) специальное военное оборудование и снаряжение.

Вместе с тем, к концу войны, как указывают документы, военно-кружковая работа учащихся югорских школ по-прежнему была организована не повсеместно. Например, в начале 1945 г. проверки обнаружили совершенное отсутствие такой работы в школах Сургутского района [14, л. 16; 15, л. 19]. В целом, в 1944-1945 уч.г. военно-оборонные мероприятия в Югре (ПВХО, ГТО, БГСО и т. д.) были организованы неудовлетворительно [14, л. 11].

В условиях нехватки материальных средств и кадров военруков наиболее легким выходом для местных школ было вовлечение учащихся в физкультурные кружки, которые в меньшей степени требовали специальной материальной базы. В них включались элементы военной дисциплины. Например, в Ларьякском районе во второй половине 1944 г. среди всех 22 кружков, работавших в местных школах, имелся только один физкультурный кружок, связанный прямо или косвенно с военной сферой [15, л. 266]. В школах Кондинского района работали 13 физкультурных и 5 оборонных кружков, что было значительно меньше числа кружков, связанных с мирными вопросами, например, одних только драматических кружков в это же время насчитывалось 21 наименование, еще 20 кружков были хоровыми [15, л. 38]. На занятиях упомянутых физкультурных кружков учащиеся, помимо общефизических упражнений, обучались маршировке, т.е. правильной ходьбе в ногу под пение и барабаны [15, л. 55]. Лишь иногда к этому добавлялись занятия по подготовке учащихся начальных школ к противовоздушной и противохимической обороне [15, л. 64].

В целом, преобладание физкультурных кружков в школах Ханты-Мансийского национального округа в годы войны над военно-оборонными было вполне объяснимо как раз особенностями школьной сети региона. Поскольку подавляющее большинство школ относились к числу начальных, то проводить с их учащимися сколько-нибудь серьезную военно-оборонную

работу не имело никакого смысла. Но и физическая подготовка учащихся Югры в 1941-1945 гг. сталкивалась с рядом трудностей. Причем это касалось даже такой стороны данной работы как занятия по лыжам.

Казалось бы, в столь соответствующем природно-климатическим условиям регионе, занятия по лыжам должны были проходить на образцовом уровне. На деле же, и здесь ситуация была неоднозначной. Например, в 1941-1942 уч.г. в Самаровском районе в лыжном кроссе приняли участие 147 школьников, но из них сдали нормы только 63 чел. (42,8%), что свидетельствует об очень плохой подготовке учащихся по лыжному бегу. Однако это был крайний случай, по крайней мере, в Сургутском районе из 180 участников лыжного кросса сдали нормы 158 чел. (87,8%) [17, л. 9], что, тем не менее, указывало на наличие определенных проблем в физической готовности учащихся. Названные трудности сохранялись и в последующие годы. Даже физическая зарядка в конце войны проводилась далеко не во всех школах округа, например, не было ее в ряде школ Сургутского района [15, л. 19].

Одной из причин недостатков в организации массовой физкультурной и спортивной работы среди югорских школьников, по данным окрону, было невнимательное отношение к данной части военного обучения молодежи со стороны военруков общеобразовательных учреждений. Например, в 1943-1944 уч.г. в Микояновском районе большую активность в деле создания нормальных условий для работы спортивных секций молодежи проявлял инспектор добровольного спортивного общества «Смена». Но военруки школ этого района слабо поддерживали данную работу, вследствие чего она была развитой лишь в отдельных неполных средних школах района, например, в Кеушкинской школе [18, л. 140].

Составной частью внешкольного военного обучения старшеклассников Ханты-Мансийского национального округа была также организация и проведение военизированных игр. Такие игры, как правило, проводились во всех районах Югры в период зимних каникул. Они имели большой успех среди детей. Так, только в Березовском районе в течение 1941-1942 уч.г. было проведено более 32-х военизированных игр. Тем не менее, руководство данной работой со стороны властей округа было признано неудовлетворительным [17, л. 9]. Традиции проведения военных игр продолжали развиваться в общеобразовательных учреждениях Ханты-Мансийского национального округа и в последующие годы войны, вплоть до ее окончания [15, л. 55]. Вместе с тем официальные делопроизводственные источники окружного отдела народного образования, к сожалению, почти не описывают содержание организованных военных игр и не дают оценку их результатов.

Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении отдельные воспоминания учащихся школ Югры 1940-х гг. позволяют утверждать, что даже в первые послевоенные годы военные игры часто организовывались не военными руководителями или учителями, а самими учащимися в меру своего понимания сути военного обучения. Так, бывшая ученица Казымской семилетней национальной школы Березовского района М.К. Волдина вспоминала как старшеклассники придумывали в первые послевоенные годы сами себе игры, где подростков учили терпеть боль как Зоя Космодемьянская. Никаких признаков организации подобных игр со стороны взрослых в тексте воспоминаний нам обнаружить не удалось [19, с. 124]. Это усложняет подсчет и оценку значимости данной деятельности в структуре военно-кружковой работы местных школ.

Заключение. Завершая исследование нужно подчеркнуть, что в общеобразовательных учреждениях Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны органами народного образования региона, а также различными оборонными, спортивными и физкультурными обществами и клубами осуществлялась большая внеучебная и внешкольная работа по военному обучению югорских учащихся. Трудности военного времени усилили внимание властных инстанций к военно-кружковой работе. Она осуществлялась в соответствии с традициями, заложенными в СССР и выражалась в участии местных школьников в сдаче норм на значки ГТО, БГТО, ГСО, БГСО, ВС и др. Несмотря на неполноту источников, мы можем говорить о нарастании масштабов данной работы в общеобразовательных учреждениях региона к концу войны.

Вместе с тем, организация и работа военных, военно-спортивных и военно-физкультурных кружков, как и многие другие сферы жизни советского общества, столкнулись с проблемами материальной и кадровой необеспеченности, связанной с нехваткой школьных помещений, отсутствием у детей одежды и обуви, керосина для освещения помещений в темное время суток, недостатком опытных руководителей этих кружков. В результате, военные кружки были развернуты лишь в крупных средних и неполных средних школах окружной столицы и районных центров, в то время как в остальных, небольших начальных школах элементы военного обучения встречались в основном в работе физкультурных кружков и при проведении военных игр. Это было обусловлено особенностями всего предвоенного развития школьной сети региона, материальными кадровыми возможностями конкретных школ, что не позволяло даже в конце Великой Отечественной войны дать в равной мере военно-прикладные навыки всем учащимся Югры.

Литература

1. Вычеров Д.А. Военное обучение школьников в конце 1930-х – 1945 гг. (на материалах города Тюмени) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. №1 (22). С. 7.
2. Цуканова О.М., Карпова Г.Г. Допризывная и спортивно-массовая подготовка населения Курского края в 1922-1940-х годах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. №2 (27). С. 159-166
3. Самбур Б.Н. Военно-патриотическая подготовка и трудовое использование подростковой молодежи накануне и в начале Великой Отечественной войны (на примере Ставропольского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2-6 (62). С. 198-201
4. Киселев А.Г., Онина С.В. Репрезентации «военного» в протоколах педсовета Ханты-Мансийского национального педучилища, 1941-1945 // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. №4. С. 778-787.
5. Закон Верховного Совета СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1.09.1939 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.10.2021 г.)
6. Постановление ГКО СССР о всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР от 17.09. 1941 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/qAiXN> (дата обращения: 30.10.2021 г.)
7. Сарычева Т.В., Ростов Н.Д. Военное обучение и военно-физическая подготовка учащейся молодежи Западной Сибири как часть советской культуры предвоенного времени // Вестник Томского государственного университета. 2020. №457. С. 150-156.
8. Киселев А.Г., Лосунов А.М. «Дорога в непознанный мир»: к истории лыжного и оленьего пробегов Репрезентации «военного» в протоколах педсовета Ханты-Мансийского национального педучилища, 1941-1945 // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. №4. С. 778-787.
9. Из воспоминаний Кузаковой Евдокии Александровны // История школы в истории судеб: Сборник документов /Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2004. С. 141-153.
10. Ашихмин С.С. Оборонно-массовая работа в Удмуртской АССР в 1940-1941 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. №3. С. 162-167.
11. Суханов С.В. Военная подготовка молодежи Иркутской области в июне-сентябре 1941 г. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. №1 (26). С. 186-193.
12. Иванов А.С. Государственная политика в отношении спецпереселенческой молодежи (на материалах Омской и Тюменской областей) // Советская молодежь в исторической памяти России: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Сургут, 19—20 октября 2018 г.). Сургут: Печатный мир, 2018. С. 291-302.
13. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 174.
14. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 206.
15. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 208.
16. Из воспоминаний Гильц Тамары Дмитриевны // История школы в истории судеб: Сборник документов /Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург: СОКРАТ, 2004. С. 55-56.
17. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 188.
18. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 199.
19. Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска. Научное издание / сост. и ред., автор предисловия А. Г. Киселев. Ханты-Мансийск, 2020. 448 с.

References

1. Vycherov, D.A. (2020). Voennoe obuchenie shkol'nikov v kontse 1930-kh – 1945 gg. (na materialakh goroda Tyumeni). *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 8(1 (22)), 7. (in Russ.).

2. Tsukanova, O.M., & Karpova, G.G. (2018). Doprizyvnaya i sportivno-massovaya podgotovka naseleniya Kurskogo kraya v 1922-1940-kh godakh. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 8(2 (27)), 159-166. (in Russ.).
3. Sambur, B.N. (2015). Voенно-patrioticheskaya podgotovka i trudovoe ispol'zovanie podrostkovoi molodezhi nakanune i v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Stavropol'skogo kraya). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2-6 (62)), 198-201. (in Russ.).
4. Kiselev, A.G., & Onina, S.V. (2019). Rerezentatsii «voennogo» v protokolakh pedsoвета Khanty-Mansiiskogo natsional'nogo peduchilishcha, 1941-1945. *Vestnik ugrovedeniya*, 9(4), 778-787. (in Russ.).
5. Zakon Verkhovnogo Soveta SSSR “O vseobshchei voinskoj obyazannosti” ot 1.09.1939 g. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 30.10.2021 g.)
6. Postanovlenie GKO SSSR o vseobshchem obyazatel'nom obuchenii voennomu delu grazhdan SSSR ot 17.09. 1941 g. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://clck.ru/qAiXH> (data obrashcheniya: 30.10.2021 g.)
7. Sarycheva, T.V., & Rostov, N.D. (2020). Voенное obuchenie i voенно-fizicheskaya podgotovka uchashcheisya molodezhi Zapadnoi Sibiri kak chast' sovetskoj kul'tury predvoennogo vremeni. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (457), 150-156. (in Russ.).
8. Kiselev, A.G., & Losunov, A.M. (2019). “Doroga v nepoznannyi mir”: k istorii lyzhnogo i olen'ego probegov Rerezentatsii “voennogo” v protokolakh pedsoвета Khanty-Mansiiskogo natsional'nogo peduchilishcha, 1941-1945. *Vestnik ugrovedeniya*, 9(4), 778-787. (in Russ.).
9. Iz vospominanii Kuzakovoi Evdokii Aleksandrovny (2004). Istoriya shkoly v istorii sudeb: Sbornik dokumentov. Sost.: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Ekaterinburg, 141-153. (in Russ.).
10. Ashikhmin, S.S. (2014). Oboronno-massovaya rabota v Udmurtskoj ASSR v 1940-1941 gg. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, (3), 162-167. (in Russ.).
11. Sukhanov, S.V. (2018). Voennaya podgotovka molodezhi Irkutskoi oblasti v iyune-sentyabre 1941 g. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 14(1 (26)), 186-193. (in Russ.).
12. Ivanov, A.S. (2018). Gosudarstvennaya politika v otnoshenii spetspereselencheskoj molodezhi (na materialakh Omskoi i Tyumenskoi oblastei). In *Sovetskaya molodezh' v istoricheskoi pamyati Rossii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Surgut, 19—20 oktyabrya 2018 g.)*, Surgut, 291-302. (in Russ.).
13. Gosudarstvennyi arkhiv Yugry (GAYu). F.R-5. Op. 1. D. 174.
14. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 206.
15. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 208.
16. Iz vospominanii Gil'ts Tamary Dmitrievny (2004). Istoriya shkoly v istorii sudeb: Sbornik dokumentov, Sost.: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Ekaterinburg, 55-56. (in Russ.).
17. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 188.
18. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 199.
19. Rovesnitsy Khanty-Mansiiskogo okruga (2020). Vospominaniya vypusknits natsional'nykh pedagogicheskogo i meditsinskogo uchilishch Khanty-Mansiiska. Nauchnoe izdanie. sost. i red., avtor predisloviya A. G. Kiselev. Khanty-Mansiisk. (in Russ.).

дата поступления: 21.01.2020

дата принятия: 16.03.2021

© Кирилюк Д.В., 2022

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/15>

Книжников В.А.

САЛЕХАРДСКИЙ ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЙ УЧАСТОК В 1950-1960 гг.

Knizhnikov V.A.

SALEKHARD OPERATIONAL SITE IN 1950-1960

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления Салехардского речного порта, начиная от момента формирования там эксплуатационного участка до конца 1960-х гг., когда началась активная урбанизация ЯННО. Описываются крайне специфические особенности функционирования речного транспорта в приполярных районах. Отмечается роль Салехардского эксплуатационного участка как одного из логистических центров ЯННО, а также важного транзитного пункта при переброске речных судов в Обь-Иртышский бассейн через Северный морской путь. Приводится динамика грузооборота, свидетельствующая о неуклонном экономическом росте, достигнутом ЯННО в 1950-1960-е гг. Характеризуется и аналогичная статистика по работе речного флота в Обской губе. Отражается межведомственное взаимодействие речного транспорта с его клиентами из других отраслей хозяйства. Анализ кадрового состава показывает, что несмотря на свойственную речным предприятиям того времени текучесть, отражают размер предприятия и вместе с динамикой грузооборота позволяют отразить масштаб проделанной работы по строительству газодобывающего комплекса на севере Западной Сибири. Делается вывод, что в период 1950-1960-х годов речной транспорт успешно выполнил свои функции по снабжению северных регионов грузами необходимыми для хозяйственного оживления округа.

Ключевые слова: речной транспорт, речной порт, Западная Сибирь, трансполярная магистраль, нефтегазовое освоение, Салехардский эксплуатационный участок, Иртышское речное пароходство.

Сведения об авторе: Книжников Вячеслав Александрович, Нижневартковский государственный университет; г. Нижневартовск, Россия; Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, Kniznicov.1995@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of formation of the future Salekhard river port, starting from the moment of formation of the operational site there until the end of the 1960s, when the active urbanization of YaNAO began. Extremely specific features of the functioning of river transport in the circumpolar regions are described. The role of the Salekhard operational site as one of the logistics centers of YANAO, as well as an important transit point for the transfer of river vessels to the Ob-Irtysh basin through the Northern Sea Route is noted. The dynamics of cargo turnover is given, indicating the steady economic growth achieved by YaNAO in the 1950s and 1960s. There are also similar statistics on the work of the river fleet in the Gulf of Ob. The interdepartmental interaction of river transport with its customers from other sectors of the economy is reflected. The analysis of the personnel shows that, despite the fluidity characteristic of river enterprises of that time, they reflect the size of the enterprise and, together with the dynamics of cargo turnover, allow us to reflect the scale of the work done on the construction of a gas production complex in the north of Western Siberia. As a result, we can say that in the period of the 1950s and 1960s, river transport successfully fulfilled its functions of supplying the northern regions with goods necessary for the economic revival of the district.

Keywords: river transport, river port, Western Siberia, transpolar highway, oil and gas development, Salekhard operational site, Irtysh River Shipping Company.

About the author: Knizhnikov Vyacheslav Aleksandrovich, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia; Tyumen State University, Tyumen, Russia, Kniznicov.1995@yandex.ru

Книжников В.А. Салехардский эксплуатационный участок в 1950-1960 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. №2(58). С. 123-132. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/15>

Knizhnikov, V.A. (2022). Salekhard Operational Site in 1950-1960. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 123-132. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/15>

Салехардский эксплуатационный участок, прошел долгий путь развития, прежде чем получил в 1975 году статус речного порта. Ныне Салехардский порт – один из ключевых транспортных

объектов Ямало-Ненецкого автономного округа, который и сегодня выполняет важную роль снабжения приарктических регионов. Начальный период функционирования данного предприятия, его становление как связующего звена между южными районами Сибири, Европейской частью СССР и арктической зоной Обской губы был напрямую связан со строительством Трансполярной магистрали.

Историография данной темы представлена как работами советского времени, так и более современными трудами. В частности, в 1987 г. вышла работа В.А. Курдина и В.Ф. Саратова, где на общесоюзном материале подробно описываются ведомственные перестановки в управлении водным транспортом. Интерес также представляет труд С.А. Кучкина, который в 1960–1978 гг. занимал пост министра речного флота РСФСР и в качестве управляющего этой отраслью подробно проанализировал глубинные процессы, происходившие в регионе в целом и речной отрасли в частности. Особое внимание уделяется речному транспорту бассейнов рек Лены и Енисея, в том числе, охарактеризованы основные мероприятия по оснащению речных баз в бассейне Оби [1]. Стоит также отметить работу Н.И. Ланькова, Н.И. Олениченко, в которой использовано множество интересных воспоминаний ветеранов флота [2]. Тем не менее, в целом проблемы становления речного транспорта на крайнем северо-западе Сибири не нашли должного отражения в отечественной историографии.

Главным источником при проведении исследования выступили ежегодные плановые и отчётные документы Иртышского речного пароходства и его эксплуатационных участков, сосредоточенные в Государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа.

Целью статьи является изучение процесса становления данного предприятия и места, которое оно занимало, как в экономике Западной Сибири, так и Арктики в 1950-1960-е годы, характеристика механизмов организации навигационной работы, оснащения пристанским оборудованием и клиентуры Салехардского эксплуатационного участка, тесно связанной с освоением приполярных регионов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Организация предприятия. Салехардская пристань была учреждена в 1934 г. в составе Нижне-Иртышского пароходства, управление которого находилось в Омске. По своему техническому оснащению и системе работы она не отличалась от множества других, изолированных пристаней Западной Сибири.

Доведение до Лабытнанги железной дороги из Европейской части СССР к началу 1949 г. стало большим событием для жителей Ямало-Ненецкого национального округа и серьёзным толчком для экономического развития северных регионов. Это позволило начать создание в районе Салехарда и Лабытнанги настоящего транспортного узла, где речники взаимодействовали с железнодорожным, а с 1970-1980-х гг. – морским и воздушным транспортом.

На основании постановления Совета министров СССР в 1949 г. был создан Салехардский эксплуатационный участок, подотчётный Тюменскому районному управлению. Его деятельность была начата 7 января 1950 года [3, л. 96].

С 1954 г. до 1956 г. по всей стране проводились преобразования в системе управления речным транспортом, по итогу которых было создано Иртышское речное пароходство, дополненное в 1963 г. подчинённым ему Тюменским линейным речным пароходством (<https://www.gosarhivyaano.ru/2-16.html>) [4, с. 55-61]. Поэтому предприятие стало находиться в двойном подчинении.

Эксплуатационный участок осуществлял свою деятельность на территории Ямало-Ненецкого автономного (в 1930-1977 гг. – национального) округа. Данному ведомству были подотчётны районы по р. Обь с протоками (1083 км), Обская, Тазовская и Гыданская губы (1391 км), реки Пур (1022 км), Таз (900 км), а также такие малые реки как Мессояха (482 км), Полуй (665 км), Щучья (580 км) и Надым (215 км) [5, с. 1]. Границами участка был посёлок Устрем в ХМНО на юге, Карское море с Гыданской губой на севере и село Антипаюта на востоке [3, л. 96]. Однако стоит отметить, что далеко не все реки в течение года могли быть использованы для экономической деятельности.

В 1952 г. Салехардский эксплуатационный участок включал в себя 2 главных (головных) подразделения: Салехардскую и Тазовскую пристани, где располагались диспетчерские участки, а

также 7 приписных пристаней [7, л. 6], из которых к Тазовской были отнесены Уренгой (или Тарко-Сале) и Красноселькупск, к Салехардской – Мужы, Шурышкары, Янгиёган, Лабытнанги и Новый Порт [3, л. 96; 7, л. 8]. Тазовская пристань к концу 1960-х гг. стала центром нового одноимённого эксплуатационного участка с подотчётными реками Таз и Пур [5, л. 1-54].

В течение исследуемого периода на севере появлялись новые населённые пункты и пристани. Всего же в округе на 1952 г. существовало 20 населённых пунктов, куда из Салехарда отправлялись грузы [5, л. 21]. К 1959 г. их количество возросло до 35 [8, л. 4].

Главные пристани были местами зимовки судов, как местных предприятий, так и не успевших уйти на юг в связи ранним ледоставом. Так, в 1953 г. в Салехарде зимовало 10, а в Тазовском 27 единиц флота [6, л. 16]. Впрочем, данный числовой показатель во многом зависел от погодных условий в течение навигации.

Климатический фактор на севере имел огромное значение и его игнорирование работниками речного транспорта могло приводить как к авариям на судах, так и разносам плотов [9, л. 47]. Обская губа представляла собой мелководный залив с крайне специфическим гидрологическим режимом и отделяла Обь-Иртышский бассейн от рек Таз и Пур, существенно осложняя связь с этими районами.

Речникам Салехарда приходилось работать в крайне тяжёлых климатических условиях. Навигация редко превышала 130 дней в году, суда, шедшие в Обскую губу, быстро обмерзали, сведения о розе мощных арктических ветров ежегодно входили в эксплуатационные планы и годовые отчёты предприятия.

Омский писатель ветеран флота Виктор Петрович Рожков рассказывал в своём очерке: *«Обское заполярье можно назвать краем контрастов и неожиданностей. Ненастьем здесь никого не удивишь. Штормы в Обской губе, особенно при северо-восточном ветре, пострашнее, чем в море. Там, хоть волна и большая, но главное, окатистая, сказывается глубина, а в губе, на мелководье, опасность для судов вдвое больше. Ветер, бывает, так выхлестывает воду, что едва не обнажает дно. Судоводителя почти на каждом подстерегают здесь острогорбые косы и подводные отмели-банки. Сесть на мель в такой шторм – равносильно катастрофе, как говорят здесь рыбаки, вмиг расколотит о дно»* [2, с. 81].

При этом крупные морские суда провести не представлялось возможным, в результате чего вплоть до Нового Порта приходилось работать речным судам. Следовало принимать во внимание также мелководность таких рек как Таз и Пур. С появлением судов класса река-море ситуация несколько улучшилась, но первые суда были разработаны лишь в 1960-е гг. и оснащать ими речников Крайнего севера Западной Сибири стали позднее. Даже в этом случае оставались проблемы с повышением уровня воды в реке, иногда приводившим к затоплению отдельных причалов.

До 1960-х гг. основную массу клиентуры (предприятий, пользующихся услугами речников) предоставляла рыбная промышленность [7, л. 28]. Крупнейшими заказчиками были Окрыболовпотребсоюз (далее ОКРППС) и рыбоконсервный комбинат. Однако, к 1960-м гг. в округе появились крупные промышленные предприятия, которые также пользовались услугами водного транспорта: консервный комбинат, Лабытнангская лесоперевалочная база (отправка леса на железную дорогу), деревообрабатывающий комбинат (производство тары для рыбной промышленности) [5, л. 2]. Кроме того, среди клиентуры Салехардского эксплуатационного участка числился и Аэрофлот, для которого перевозились сухогрузы и нефтеналивные грузы (очевидно, топливо). Причём потребности в последних в течение 1960-х гг. непрерывно росли [5, л. 7].

Ветеран Труда, бывший капитан теплохода «Морской-5», лауреат Государственной премии СССР Николай Еремеевич Власюк вспоминал: *«Наплыв грузов начался в конце 50-х - начале 60-х годов, когда геофизики Обскую губу изучали. Мы первыми завозили людей в Сабетта-Яху, в Тадибе-Яху, они на местах создавали экспедиции»* [2, с. 87].

Постепенно клиентура расширялась, что связано с ростом масштабов поиска природных ресурсов на территории края. В 1968 г. основными адресатами речников на Крайнем севере

числились: Ямало-Ненецкий геологоразведочный трест, Ямальское строительное управление геологического управления, Ямалрыбпром, территориальное совхозное управление, Аэрофлот, ОКРПС и др. [5, с. 38-50].

Пассажиropеpевозки. Начало 1950-х гг. для Салехардской пристани ввиду активного строительства Сталинской Трансполярной магистрали ознаменовалось серьёзным ростом как грузооборота, так и пассажироперевозок. Последние составили 24 тыс. человек в 1952 году. Местные пассажироперевозки (16 тыс. из 24 тыс., т. е. около 70%) осуществлялись как транзитным флотом (7717 чел.), так и флотом предприятия (8508 чел.). Основные пассажирские линии на 1952 г. связывали Салехард с такими населёнными пунктами как Омск, Лабытнанги, Тазовский и Ныда [10, л. 47]. В 1953 г. заработали линии Салехард-Щучье и Салехард-Ярсале. Кроме того, за счет Тобольска и Тюмени (всего около 25 тыс. чел.) расширился круг населённых пунктов юга Западной Сибири, откуда в Салехард прибывали и отправлялись пассажиры [6, л. 126].

Относительно первой половины 1950-х гг. возникает логичный вопрос, занимался ли Салехардский эксплуатационный участок перевозками заключённых на север Западной Сибири? Отчётные документы по навигации участка не отражают разъяснений по данному вопросу. Бывшие заключённые (местные жители) упоминаются преимущественно в разделах, посвящённых кадровому вопросу и дисциплине (как отмечается низкой). Как свидетельствовал упомянутый ранее Н.Е. Власюк: «Сразу сложилось так, что стал ходить на Север, в Заполярье, да так и прикипел к нему. В 1950 году на “Измаиле” часто ходили к устью Надыма, водили композитные лихтёры для так называемой стройки №501: заключённые строили железную дорогу от Надыма. Её и сегодня видно с самолёта, недостроенную, – новую проложили десятилетиями позже. А тогда возили и самих заключённых, и паровозы, и мотки колючей проволоки, и рельсы, и строительные материалы. Люди высаживались, выгружали привезённое, начинали сначала сами для себя строить “зону”, а потом уж – всё остальное» [2, с. 87].

Вскоре после смерти И.В. Сталина сооружение трансполярной магистрали в сторону Игарки было прекращено. Это неминуемо внесло свои коррективы в работу речного транспорта. Как видно из таблицы 1, сворачивание данного строительства привело к некоторому снижению пассажироперевозок. Однако к 1959 г. пассажирооборот возрос до 60 тыс. чел., включая пригородные перевозки (39786 чел.) [8, л. 44]. Стоит отметить, что внутритерриториальная мобильность населения с каждым годом увеличивала этот показатель.

Кроме того, несмотря на удалённость от Большой земли, даже в 1950-е гг. создавались определённые условия для качественного обслуживания пассажиров. Согласно справочнику-путеводителю Н.Я. Шагурина, по водным путям Обь-Иртышского бассейна 1955 г. на Салехардской пристани имелось помещение для обслуживания пассажиров на 50 чел., с камерой хранения. Рядом с пристанью располагалась гостиница. Даже был организован приём заказов на билеты с доставкой на дом [11, с. 90].

Таблица 1

Пассажиropеpевозки в Салехардском эксплуатационном участке

Показатель	Годы											
	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1959	1965	1966	1967	1968 .
Пассажиropеpевозки, тыс. чел.	11,8	20,6	28,2	24	33,4	24,1	24,8	60*	74,6	86,7	91,9	145,623
Из них местные пассажироперевозки, тыс. чел.	-	10,6	19,2	16,2	20,6	10,8	13,4	6469	-	-	-	120,856

*Вместе с междугородними перевозками (39 тыс. чел.). С 1968 г. местные и междугородние перевозки считались вместе

Взаимодействие с железнодорожным транспортом. Доведение до Лабытнанги (находившегося всего в 26 км от Салехарда) железной дороги позволило связать ЯННО с Европейской частью СССР и наладить двухсторонний поток грузов. Взаимодействие речного и

железнодорожного транспорта открывало в этом вопросе новые возможности. Уже в 1952 г. была налажена выгрузка вагонов сразу на воду. В том же году организована паромная переправа между этими населенными пунктами, расположенными на противоположных берегах Оби. В результате сократился объём перевозок по линии Салехард-Лабытнанги: 40500 т груза в 1950 г., 1760 т в 1952 г., и 2922 т в 1953 г., что в свою очередь позволило направить имеющиеся резервы речного транспорта на решение иных задач [9, л. 47].

По мере увеличения технической оснащённости предприятий, увеличивались потребности в доставке на север горюче-смазочных материалов. В отчётных документах приводится интересное наблюдение: *«Постепенный переход коренного населения Ямало-Ненецкого округа на оседлый образ жизни также способствовал увеличению их потребностей в товарах повседневного спроса»* [7, л. 11].

Налаживание регулярной круглогодичной связи с европейской частью страны стимулировало развитие различных отраслей промышленности. В 1950 г. была организована лесоперевалочная база «Шпалоразделка», куда в 1954 г. было сплавлено более 320 тыс. т леса для перевалки на железную дорогу [12, л. 7]. Она стала новым клиентом, для которого в 1958 г. сплавили 602 тыс. т древесины [7, л. 11].

Лабытнанги стал важной перевалочной базой для сплавляемого леса, вывозимого затем по железной дороге. Однако морским экспортом леса, как это осуществлялось в Игарке, Салехардский эксплуатационный участок не занимался.

Несмотря на то, что строительство Трансполярной магистрали было свёрнуто, целый ряд созданных на севере Западной Сибири предприятий продолжил существовать и пользоваться услугами речного транспорта. К их числу относился Горкомхоз, получавший по реке уголь: около 6000 т в 1954 г. и 7820 т в 1955 г. Также в топливе нуждался и Рыбтрест. Увеличивались поставки в ОКРПС, Сельстрой и др. Кроме того, на Севере продолжали работать геологические экспедиции, нуждавшиеся в снабжении [12, л. 7]. Если в 1953 г. 33 экспедициям было доставлено 230 т, то в 1954 г. – уже 800 т грузов.

Создание летом 1958 г. в Салехарде Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции и начало активного поиска углеводородного сырья, очевидно, не могли не сказаться на грузоперевозках речного транспорта. Например, 1958 г. стал пиковым за 1950-е и начало 1960-х гг. по отправлению грузов, достигшему 217 445 т [13, л. 15]. В 1959 г. в округ прибыло более 170 сборных домов.

Крепли экономические связи с Европейской частью России, куда через железную дорогу из Лабытнанги отправлялось более половины выловленной в округе рыбы (при добыче 17,5 т в 1957 г.), что, впрочем, не мешало вывозить рыбу и самолётами в зимний период [7, л. 10]. Транспортировка рыбы летом к местам обработки и отправления должна была осуществляться силами приписанных к рыбзаводам судов, однако это мешало им заниматься основной деятельностью. Поэтому Салехардским эксплуатационным участком были выделены несколько рефрижераторных самоходок для доставки рыбы в Лабытнанги из таких пунктов как Новый Порт, Ныда и Горки. В навигацию 1958 г. флот Иртышского речного пароходства перевёз 3411 т рыбы из глубинных районов ЯННО.

К концу 1950-х гг. наладились смежные железнодорожно-водные перевозки через Лабытнанги [7, л. 11], откуда металлы, щебень и др. минерально-строительные грузы шли на юг в населённые пункты на Средней Оби (Белый Яр, Сургут и др.) [14, с. 4-5]. Отлаженный здесь транспортный узел работал непрерывно, а количество обработанных вагонов росло, достигнув в 1968 г. 562 единиц. На суда из них было выгружено 13528 т.

Кадры. Рост масштабов перевозок приводил к тому, что ежегодно предприятие испытывало недостаток кадров. Причём массовый приток людей в Ямало-Ненецкий национальный округ в связи с активным железнодорожным строительством не очень помогал решить проблему. Вольный наём речников из местных жителей – бывших заключённых, не давал нужных результатов, как

отмечалось в документах, не в последнюю очередь из-за низкой дисциплины среди них. Требовалось вербовать людей из-за пределов региона, преимущественно в Омской и на юге Тюменской областях.

Особенно тяжёлой ситуация была с высококвалифицированными кадрами плавсостава. Если рабочих низкой квалификации с трудом, но удавалось набрать, то капитаны и штурманы, как указывалось в документах 1953 г., отличались слабой трудовой дисциплиной и неудовлетворительными навыками судовождения, но при этом заменить их было нечем [6, л. 16]. Также на судах транзитного флота отмечалась нехватка матросов и кочегаров. На судах, идущих в Обскую и Тазовскую губы, ввиду этого работали женщины, заменить их мужчинами, несмотря на приказ министерства, было невозможно и лишь частично производилась замена матерей с детьми [6, л. 17].

В удалённых районах ЯННО среди речных предприятий постоянно сохранялся кадровый голод, причём на все рабочие специальности, что вынуждало предоставлять имеющиеся пристани и оборудование для пользования рабочим клиентуры, в частности, так преимущественно осуществлялась деятельность Тазовской пристани в 1958 г. [7, л. 8] Из 296 работников эксплуатационного участка в 1959 г. лишь 5 и 28 имели соответственно высшее и среднее образование.

Обычной была и высокая текучесть кадров. За 1959 г. на предприятие прибыло 168 рабочих (из которых 118 по вольному найму) и уволилось 143 (50 по собственному желанию и 24 по семейным обстоятельствам) [8, л. 20]. Сохранялись проблемы с трудовой дисциплиной: в течение года 103 работника отметились в ее нарушении (54 – прогулы, 23 – халатность). Тем не менее, на предприятии сложился костяк ветеранов, из которых 38 и 69 человек проработали на речном транспорте более 10 лет и от 5 до 10 лет соответственно [8, л. 17].

Таблица 2

Кадровый состав Салехардского эксплуатационного участка*

Показатель	Годы									
	1952	1953	1954	1955	1958	1959	1960	1966	1967	1970
Штат речного эксп. участка/порта	107	160	206	206	175	264	296	290	348	320
Потребности предприятия	171	-	-	258	-	-	-	-	-	-

* Составлено по материалам эксплуатационных планов и отчётов. За период с 1960 г. по 1970 г. приведена среднесписочная численность рабочих

Ударные бригады переводились на работу по единому наряду и распределению заработной платы по коэффициенту трудового участия, что позволяло повысить результативность труда и бороться с простоями [15, л. 28].

Ввиду недостаточного количества квалифицированных рабочих, подготовка кадров всех уровней осуществлялась непосредственно на местах. Зимой 1960 г. были организованы курсы, где изучались правила приёма грузов, хранения, их перевозка и выдача получателю, а также техника безопасности [13, л. 31]. В течение зимы 1960 г. обучение прошло 22 приёмосдатчика и кладовщика. В дальнейшем удалось наладить систему производственного обучения и переподготовки, в том числе, и кадров высокой квалификации.

Главным стимулом на повышение квалификации оставалось увеличение заработной платы у рабочих имеющих высокий разряд или вторую профессию. Впрочем, это не полностью обеспечивало потребности предприятия.

Оснащение подотчётных пристаней. В целом для 1950-х гг. была характерна низкая техническая оснащённость речников ЯННО. Механизация фактически отсутствовала. Часть деталей приходилось делать в кузнице, а мелким пристаням и вовсе обходиться конской тягой на погрузочных работах. Салехардская пристань одна на весь участок имела механические мастерские, относительно оборудованные для ремонта судов [6, л. 12]. Наблюдалось хаотичное распределение

оборудования. На предприятии в 1955 г. имелся фрезерный станок, но не было людей, способных на нём работать [12, л. 15]. В районе причалов Салехарда также отсутствовало овощехранилище, что добавляло сложностей с питанием не только речникам, но и жителям города. Хотя к 1959 г. в Салехарде имелся пассажирский причал, его механизация была ограничена транспортными лентами. На причалах клиентуры они были лишь у Рыбсбыта в Лабытнанги и ОКРРПС в Салехарде. На остальных пристанях разгрузка производилась вручную.

План подготовки к навигации имелся только у Салехарда и Лабытнанги. Остальные пристани, а именно Новый порт, Мужы, Тарко-Сале, Шурышкары, Тазовское и Красноселькупск не имели ни складов, ни штата грузчиков [6, л. 13]. На реках Таз и Пур выгрузка производилась вручную. Основной пассажирский вокзал располагался в Лабытнанги, а единственные в 1950-е гг. в ЯННО мастерские – в Салехарде. Причём имеющиеся три токарных станка и один сверлильный позволяли одновременно ремонтировать лишь одно судно [7, л. 8]. Впрочем, для небольшого приписного флота Салехардской пристани этого вполне хватало. В частности, в 1958 г. ремонт судов был произведён своевременно. Однако мастерской Салехардской пристани не доставало сортовой стали, электрооборудования, нарезного и слесарного инструмента. В то же время состояние ремонтных мастерских в Тазовской пристани, отделённой от Салехарда Обской губой, признавалось абсолютно неудовлетворительным [12, л. 16]. Даже в 1958 г. малый токарный и сварочный агрегаты позволяли производить лишь профилактический ремонт, в то время как детали для судов заказывались у сторонних организаций [7, л. 14]. Доставлять до Тазовской пристани их приходилось иногда на вертолётах [16, л. 7]. Кроме того, не на всех причалах клиентуры был организован контроль и многосменная работа.

Межведомственное взаимодействие. Подотчётные пароходству речники были не единственными в Обь-Иртышском бассейне. Многие предприятия стремились обзавестись собственными причалами, судами и квалифицированными кадрами. Это давало им определённую экономическую независимость и страховку на случай простоев на предприятиях пароходства. Однако оснащение их оставляло желать лучшего. В 1960 г. подготовленные причалы имелись лишь у ОКРРПС и рыбоконсервного комбината. Обычным делом были простои судов клиентуры, за которые также начислялись значительные штрафы, взимаемые с отдельных предприятий [7, л. 28].

Заявки от клиентуры на грузы проходили через Тюменское линейное пароходство, а затем высылались в эксплуатационные участки. Но в положении Тюменского линейного пароходства 1963 г. в разделе «Коммерческая деятельность» упомянуты определённые ее виды (отправка транзитных плотов в Салехард) и некоторые ведомства (Геологоуправление, Главнефтеснаббыт, Областное управление связи, управление Хлебопродуктов, Облпотребсоюз, Облрыболовпотребсоюз и Запсибупррыбпром), которые могли заключать договора с эксплуатационными участками напрямую [17, л. 25].

Кроме того, некоторые предприятия-клиенты могли создать большие трудности, подавая заявку на меньшее количество грузов, нежели приходилось принимать речникам Салехарда. Так, например, в 1952 г. клиентура отправила заявки на пристань на 32,5 тыс. т груза, в то время как принимать пришлось более 100 тыс. т [9, л. 47]. В некоторых же случаях, наоборот, груза предоставлялось меньше возможного. Так или иначе, образовывалась дебиторская задолженность, которую клиент порта должен был выплатить. Если же выплатить не получалось, то дело уходило в арбитражный суд.

Причины образования задолженности были разными, и не всегда по из-за клиентуры. Иногда могло быть выловлено гораздо больше рыбы, чем планировалось, или на заводе не вовремя выслали получателю определённый набор деталей. Груз мог быть не отправленным к концу навигации из-за постоянных простоев на погрузке-выгрузке. По воспоминаниям ветеранов речного флота, бывали случаи, когда речники с южных портов загружали суда дополнительно, не желая отправлять полупустые баржи [18, с. 4]. В некоторых случаях ежегодно образующаяся дебиторская задолженность могла играть роль весомого дохода для речных портов.

Тем не менее, в приполярных районах роль ведомственного флота (принадлежащего разным предприятиям-клиентам) была существенной. Многое зависело от качества организованного взаимодействия. Так, непосредственно в Салехарде в течение 1968 г. было обработано 174 судна, из которых 141 судно прошло через причалы пристани, а 33 – через причалы клиентуры, то на расположенной через реку пристани Лабытнанги ситуация была диаметрально противоположной: было принято 20 судов на пристани и 95 судов на близлежащих причалах клиентуры [5, л. 14].

Если учесть, что Салехард – это ворота в Обскую губу и наиболее укомплектованное речное предприятие в Ямало-Ненецком национальном округе, а Лабытнанги – это связь по железнодорожным путям с Европейской частью СССР, то налицо определённая специализация.

Завоз грузов в районы Крайнего севера. Основные грузы, перевозимые по рекам Сибири, делились на 3 группы: сухогрузы (хлеб, соль, рыба, плоды и овощи и т. п.), нефтеналивные, плоты (сплав древесины по реке).

Завоз грузов в районы Крайнего севера (с выходом в Обскую губу) являлся одной из наиболее важных функций речников Приполярья. Стоит отметить, что данная операция сама по себе была весьма нелегка вследствие сложных погодных условий в Обской губе. Сильные ветра в сочетании с низкими глубинами ставили речников, проходивших губу, в зону риска, а низкие температуры заставляли отправлять и обрабатывать суда в авральном режиме, чтобы как можно быстрее и лучше выполнить государственный план. Основными категориями перевозимых грузов были нефтеналивные и сухогрузы. Последние преобладали по количеству, в частности минерально-строительные грузы [5, с. 52]. Завоз в районы Крайнего севера непрерывно увеличивался на протяжении 1950-х-1960-х годов. Небольшое сокращение завоза в конце 1950-х гг. было вызвано тем, что часть груза взял на себя флот кооперации. При всём этом, в тоже время, в некоторые районы завоз даже вырос, в частности в Тазовское, ввиду развёртывания там буровых работ [13, л. 34-36]. С конца 1950-х гг. Тазовская пристань стала специализироваться на приёме бурового оборудования, угля и горюче-смазочных материалов.

Как видно из таблицы 3 с начала 1950-х гг. сохранялась тенденция к увеличению завоза грузов в приполярные районы, что свидетельствует об устойчивом экономическом росте.

Таблица 3

Завоз грузов в Обско-Тазовскую губу (районы Крайнего Севера), тыс. т

Годы									
1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958
23,6	44,3	40,5	34,6	33,2	35,9	38,8	48,9	72,7	70,8

Годы									
1959	1960	1961	1964	1965	1966	1967	1968	1969	
68,5	64,6	68,5	129	170	216	253	283	241	

С другой стороны, непрерывно увеличивающийся грузопоток объективно вызвал диспропорции, возникающие при очень быстром и неравномерном развитии отраслей народного хозяйства, за которым не успевала транспортная инфраструктура. Одним из отражений сложившейся диспропорции стал тоннаж флота. Это наглядно иллюстрирует соотношение тоннаж флота/грузопоток 1960-х гг. [5, с. 9]

Таблица 4

Соотношение роста тоннажа и количества груза завезённого в районы Крайнего севера

	Годы					
	1961	1964	1965	1966	1967	1968
Грузопоток/тыс. т	68,5	120	170	216	253	283
Тоннаж судов/тыс. т	56	102,5	113	158	168	145,7

В навигацию 1968 г. в завозе на Крайний север принимало участие 57 грузовых теплоходов (тоннаж 53,8 тыс. т.), 24 единицы танкерного флота (21,9 тыс. т.), 66 самоходных судов (70 тыс. т.) [5, с. 10].

Открытие целого ряда нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири делало неизбежным дальнейшее увеличение объёмов грузоперевозок. Эта проблема была частично решена за счет того, что через Северный морской путь и Обскую губу в Обь-Иртышский бассейн было переброшено 760 единиц речных судов и 130 порталных кранов [19, с. 10]. Этот поток судов и оборудования также прошёл через Салехард, но в отчётных документах пока не удалось найти достаточно сведений, конкретизирующих данную сложную операцию.

Тем не менее, в работе Ланькова Н.И. и Олениченко Н.И. упоминается, что ещё раньше, в 1947 г. Северным морским путём осуществлялась переброска трофейных немецких судов (грузовых теплоходов). Также известны были случаи, когда в Обской губе местными речниками осуществлялись спасательные операции по вырубке судов, попавших в шторма [2, с. 76-84]. Исходя из этого, можно предположить, что для перебрасываемых судов на территории Салехардского эксплуатационного участка могли быть организованы зимовка и ремонт.

Впоследствии в 1970-е гг. переброска судов и оборудования продолжилась.

Таблица 5

Грузооборот Салехардского эксплуатационного участка

	Годы										
	1949	1950	1951	1952	1953	1957	1958	1959	1960	1967	1968
Тыс. тонн	762	830	409,1	679,8	620,3	619,9	1149,2	1020,4	1017,3	2033,6	1909,7

Выводы. Салехардский эксплуатационный участок являлся важным транспортным пунктом, организующим связь юга Западной Сибири с Крайним севером. На протяжении всего периода 1950-х – 1960-х гг. работники речного транспорта обеспечивали непрерывное снабжение всего приполярного региона ЯННО. Речной транспорт оказывал поддержку рыболовной отрасли, геологоразведочным экспедициям, снабжал дальние аэропорты округа топливом, осуществлял добычу ПГС и доставлял грузы в отдалённые населённые пункты. Завезённые по рекам грузы дали возможность разведать и ввести в эксплуатацию месторождения нефти и газа [4, с. 10].

Развитие транспорта неотъемлемо связано с развитием экономики и грузооборот Салехардского участка в данном случае играет роль индикатора интенсивности экономического развития. Строительство Трансполярной магистрали пусть и не было завершено, но связало ЯННО с Европейской частью СССР и дало необходимый стимул для развития хозяйства округа, а поиск полезных ископаемых с 1958 г. способствовал дальнейшему сохранению экономического роста, что можно увидеть в таблице 5.

В целом 1950-е – 1960-е гг. характеризуются низким уровнем развития инфраструктуры и нехваткой квалифицированных кадров, что наблюдалось на многих речных предприятиях того времени. В тоже время в этот период складывались экономические взаимосвязи будущего Салехардского речного порта с появляющимися в округе предприятиями и ведомствами.

Результаты исследования были получены в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект №20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930-е – 1980-е гг.): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии».

Список сокращений

ОКРРПС – Окрыболовпотребсоюз

ЯННО – Ямало-Ненецкий национальный округ

ГАТО – Государственный архив Тюменской области

ГА ЯНАО – Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа

Литература

1. Кучкин С.А. Речной транспорт в развитии Сибири и Дальнего Востока. М.: Знание, 1969. 48 с.
2. Ланьков Н. И., Олениченко Н. И. Дозорные Обь-Иртышья. Омск.: Омский дом печати, 2005. 288 с.
3. ГАТО. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 21.
4. Курдин В.А. Речной транспорт в 1946-1985 годах. М.: Транспорт, 1987. 544 с.
5. ГАТО. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 200. Л. 54.
6. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 1. Д. 29. Л. 167.
7. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 1. Д. 47. Л. 103.
8. ГАТО. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 14. Л. 86.
9. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.
10. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 3. Д. 56. Л. 47.
11. Шагурин Н.Я. По Оби и Иртышу. Справочник-путеводитель по водным путям Обь-Иртышского бассейна. Новосибирск: Кн. изд-во, 1955. 128 с.
12. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 84.
13. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 1. Д. 55. Л. 59.
14. Плановые показатели эксплуатационной деятельности ОИРПа на навигацию 1988 г. С. 4-5.
15. Эксплуатационный отчет Салехардского речного порта за 1983 г. Архив Салехардского речного порта. Л. 144.
16. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 45. Оп. 1. Д. 79. Л. 67.
17. ГАТО. Ф. 1874. Оп.1. Д. 28. Л. 22.
18. Воспоминания Савельева П.К. Запись вел: Книжников В.А., март 2015 г.
19. Иртыш - река рабочая. Омск, 1983.

References

1. Kuchkin, S.A. (1969). Rechnoi transport v razvitii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Moscow. (in Russ.).
2. Lan'kov, N. I., & Olenichenko, N. I. (2005). Dozornye Ob'-Irtys'ya. Omsk. (in Russ.).
3. GATO. F. 1874. Op. 1. D. 21.
4. Kurdin, V.A. (1987). Rechnoi transport v 1946-1985 godakh. Moscow. (in Russ.).
5. GATO. F. 1874. Op. 1. D. 200. L. 54.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 1. D. 29. L. 167.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 1. D. 47. L. 103.
8. GATO. F. 1874. Op. 1. D. 14. L. 86.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 1. D. 24. L. 47.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 3. D. 56. L. 47.
11. Shagurin, N.Ya. (1955). Po Obi i Irtys'hu. Spravochnik-putevoditel' po vodnym putyam Ob'-Irtys'nskogo basseina. Novosibirsk. (in Russ.).
12. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 1. D. 36. L. 84.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 1. D. 55. L. 59.
14. Planovye pokazateli ekspluatatsionnoi deyatel'nosti OIRPa na navigatsiyu 1988 g. 4-5.
15. Ekspluatatsionnyi otchet Salekhardskogo rechnogo porta za 1983 g. Arkhiv Salekhardskogo rechnogo porta. L. 144.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. F. 45. Op. 1. D. 79. L. 67.
17. GATO. F. 1874. Op.1. D. 28. L. 22.
18. Vospominaniya Savel'eva P.K. Zapis' vel: Knizhnikov V.A., mart 2015 g.
19. Irtys' - reka rabochaya (1983). Omsk. (in Russ.).

дата поступления: 10.01.2022

дата принятия: 22.03.2022

© Книжников В.А., 2022